

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1962 году

ВЫПУСК 26

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2016

УДК 930.1(09)(082)

ББК 63.1(0)

И90

Редакционная коллегия:

проф. *А. И. Аврус*, канд. ист. наук *М. С. Бобкова*, проф. *А. Н. Галямичев*,
проф. *В. Н. Данилов*, проф. *В. И. Кащеев*,
канд. ист. наук *О. В. Кочукова* (отв. секретарь),
проф. *С. А. Мезин* (отв. редактор), проф. *В. Н. Плешков*

Рецензент

Кандидат исторических наук *М. В. Ковалев*
(Саратовский государственный технический университет
имени Ю. А. Гагарина)

Историографический сборник : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Сарат.
И90 гос. ун-т, 2016. – Вып. 26. – 192 с.

26 выпуск «Историографического сборника» содержит статьи и публикации, посвященные отечественной и зарубежной историографии XVI–XX веков. Историография всеобщей истории представлена работами об историках и мыслителях эпохи Ренессанса и Просвещения. Вопросы отечественной историографии раскрываются на материале трудов Стефана Яворского, А. А. Нартова, С. П. Шевырева, В. С. Иконникова, Г. А. Замятина. Специальный раздел посвящен обсуждению мемуаров А. А. Зимина «Храм истории».

Сборник адресован научным работникам, студентам и аспирантам гуманитарных вузов и всем, интересующимся прошлым и настоящим исторической науки.

УДК 930.1(09)(082)

ББК 63.1(0)

ISSN 0130-6839

© Саратовский государственный
университет, 2016

СТАТЬИ

Н. Н. Бородкина

Сочинения митрополита Стефана Яворского в официальной идеологии Петровской эпохи

В ряду известных церковных писателей рубежа XVII–XVIII веков, внесших значительный вклад в развитие отечественной культуры, достойное место принадлежит митрополиту Стефану Яворскому (1658–1722) – замечательному «ритору» и ученому-богослову, теоретику проповеди и талантливому сочинителю. Его имя неотделимо от времени Петра I – периода масштабных преобразований, военных побед и культурных приобретений, осуществляемых во имя «общего блага»¹. Главе Русской церкви, освящавшему духовным словом все «государевы» начинания, принадлежала инициативная роль в идеологическом обосновании реформ. Именно ему суждено было стать родоначальником (по сути – патриархом) всей церковно-политической публицистики Петровской эпохи².

Необходимость идеологического обеспечения социальной модернизации, как тенденция умственной жизни, осознается с первых лет петровских «деяний»,

---

¹ Первое официальное заявление по этому поводу Петр I сделал в Манифесте от 16 апреля 1702 года: «Довольно известно во всех землях, которые Всевышний Нашему управлению подчинил, что со вступления Нашего на сей престол все старания и намерения Наши клонились к тому, как бы сим Государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные, попечением Нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. № 1910. С. 192–193.

² Уже в XIX веке отмечалось, что за митрополитом Яворским «признано значение главного и наиболее талантливого представителя русской проповеди в схоластическую эпоху», что он был одним «из самых видных и плодовитых церковных ораторов Петровского времени». – [Певницкий В. Ф.] Слова Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского // Труды Киевской духовной академии. 1874. № 3. С. 72. Другой известный исследователь творчества Яворского – Ф. А. Терновский подчеркивал, что «в первое десятилетие XVIII века он был такой же Петра Великого дел славных проповедник, какими были Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский в конце Петровского царствования». – Терновский Ф. А. Митрополит Стефан Яворский. Биографический очерк // Труды Киевской духовной академии. 1864. Т. 1. Кн. 3. С. 271–272.

но актуализируется именно с сочинений Стефана Яворского. Его появление в московских церковных кругах (январь 1700 г.) знаменовало собой начало нового этапа в истории русского проповедничества. Южнорусскому ученому монаху, воспитаннику схоластической проповеднической школы, предстояло стать инициатором многих идейно-духовных начинаний эпохи, в которых роль просвещенного духовенства оставалась весьма значительной. Это проявлялось, прежде всего, в активизации просветительной (в т. ч. переводческой и издательской), проповеднической, школьно-«учительной» и идеологической функций «духовного сословия», в чем интересы церкви и царя в наибольшей степени совпадали с интересами «общего блага»³. Известно, что данная идея стала концентрированным выражением официальной идеологии, соединив церковно-соборные традиции русского политического сознания и державно-имперские приоритеты петровского абсолютизма.

Наиболее распространенной и значимой для общества формой просветительского слова оставалась в эту эпоху церковная проповедь, которая соединяла в себе и традиционные – нравственно-поучительные, и новые – публицистические начала. Особую роль в идеологическом обеспечении реформ сыграли представители киевского ученого монашества – Феофилакт Лопатинский, Гедеон Вишневский, Гавриил Бужинский, Феофан Прокопович и другие⁴. Их многочисленные «похвальные» и «приветствующие слова» звучали не только с церковной кафедры, но и на различных официальных мероприятиях, став неотъемлемой частью духовной культуры своего времени. Самым известным среди «киевлян» был «утонченный схоластик» и «златоустый вития» митрополит Стефан Яворский, заявивший о себе уже с начала 1700 года. Главной заслугой Яворского, вместе с другими учеными монахами, стала общая постановка проповеднического дела

---

³ Подробная библиография вопроса в кн.: *Бородкина Н. Н. Церковь, общество и государство в эпоху Петра Великого*. Саратов, 1997; *она же. Петровская эпоха в церковной публицистике начала XVIII века*. Хрестоматия. Саратов, 2013; *Стефан Яворский, митрополит*. Сочинения / под ред. Н. Н. Бородкиной. Саратов, 2014.

⁴ Совпадая по характеру и общей направленности, сочинения ученых монахов отличались многообразием форм и приемов риторического мастерства, представляя, по сути дела, различные проповеднические «школы». В этом ряду выделялись классические (в схоластическо-барочном стиле) проповеди Стефана Яворского – представителя старшего поколения ученых проповедников, чьи «казанья» отличались высоким художественным уровнем и содержали значительные просветительские включения, заложив основы историко-публицистического (с элементами «увещательной» критики) направления учено-церковной мысли. Его продолжали и дополняли богатые просветительскими сюжетами сочинения Гавриила Бужинского, выполненные в более сдержанном, прагматичном стиле церковного «риторства». На крайнем фланге выделялись «слова и речи» Феофана Прокоповича, отличавшегося от предыдущих «витий» не столько новизной или актуальностью методических приемов, сколько явно выраженной конъюнктурностью и политической заданностью в осмыслении заявленных тем.

в России в условиях Нового времени, а также разработка теоретических основ проповедничества.

В начале 1700-х гг. митрополит Стефан написал специальный трактат по методике подготовки «речей» и проповедей под названием «Риторическая рука», в котором изложил свою теорию⁵. Основное внимание уделялось формальным сторонам проповедничества. обстоятельно объяснялись общие принципы и правила подготовки проповедей – их «изобретение», «расположение», приемы «витийства». Подчеркивались основные требования к проповеднику («память», «произношение», «аффекты» и пр.), которые помогали сделать выступление более содержательным, интересным и понятным для «слышателей». В развитие основных положений, изложенных в методическом трактате его предшественника – Иоанникия Галятковского⁶, отмечалось, что, наряду со Священным писанием, источником «добраго глаголаня» могут быть различные «учения», пословицы (или притчи), истории (повести), законы (уложения), «свидетельства древних», «сентенции (разумно изреченные слова)» и т. п. При большом внимании к формальным, внешним сторонам «глаголаня» (структура и форма «казанья», наличие «предисловий», «надсловий» и пр.), Стефан Яворский придавал особое значение собственно искусству «витийства», т. е. риторическому мастерству. Имелось в виду «красное и избранное возвещение», которое, по мнению автора, должно соответствовать трем основным принципам – быть «ясно и удобно к познанию», быть «прилично к вещем, к лицам и к месту», а также быть «лепотою сложения, или сочинения, и красотою изобилующей»⁷.

Сочинения преосвященного Стефана стали важным звеном в соединении русских проповеднических традиций древности и современности. Их отличали

---

⁵ *Яворский Стефан*. Риторическая рука, пятию частями или пятию персты укрепленная / пер. с лат. Феодора Поликарпова (февраль 1705 года). СПб., 1878. 104 с.

⁶ В сборнике его проповедей «Ключ разумения» (Киев, 1659 и др. изд.). Впервые в обобщенном виде методическая теория была изложена ректором Киево-Могилянской коллегии (в 1658–1662) Иоанникием Галятковским в методическом руководстве под названием «Наука короткая албо способ зложения казаня». В нем давались практические рекомендации к составлению проповедей, почерпнутые из латинских схоластических учебников, применительно к запросам и особенностям южно-русской гомилетики. Подробно объяснялось, как следует выбирать тему проповеди, как развивать ее при помощи риторических приемов, как подбирать тексты и примеры. При этом специально отмечалось, что кроме Библии и сочинений «отцов церкви» проповеднику необходимы знания в гуманитарной и естественной областях. Для этого предписывалось изучать «гистории и кроники», читать книги о животных, рыбах, птицах, деревьях, травах, камнях, с тем чтобы «то себе отмечать и применять к той речи, которую хочешь сказывать». Теоретические наработки Иоанникия Галятковского и Стефана Яворского заложили фундамент новой – прагматико-публицистической направленности церковного «казанья». В дальнейшем это получит развитие в методиках Прокоповича. В Петровское время подобный подход обеспечил церковной проповеди широкое общественное признание, как на официально-идеологическом, так и на общекультурном уровне.

⁷ *Яворский Стефан*. Указ. соч. С. 29–30.

общий возвышенно-образный стиль, безукоризненность логического строя, богатство языка, художественная содержательность, а также известная связь церковно-догматических и публицистических начал проповедничества. Сохраняя преемственность с риторическими традициями прошлого (в т. ч. канонами «еллинской старожитности»), автор активно использовал прием образно-аллегорического изложения библейских и современных сюжетов (шествуя «от Иерусалима небесного во Иерихон земной»), что отражало и фиксировало своеобразие его «витийства» как образца православной схоластической гомилетики Нового времени⁸.

Принципиальной особенностью проповеднического стиля Яворского стало предпочтение схоластики как метода провиденциального миропонимания. Именно схоластика, приверженцем и почитателем которой он являлся, оказалась бесценным опытом использования богословской апологетической технологии в собственно идеологических целях⁹. Известно, что, зародившись в эпоху Средневековья, схоластическое богословие постепенно становилось приоритетной формой ученой мысли, выполняя (кроме собственно религиозных задач) общие мировоззренческие функции и содействуя утверждению рациональных, сравнительно-аналитических начал в познании. Европейская схоластическая школа отражала, в целом, нараставшую потребность в поиске новых векторов в осмыслении «вечных истин», стремление к развитию «свободных учений» (церковных и светских)¹⁰, а также общую рационализацию познания, что стало особенно актуальным в контексте запросов Нового времени и под влиянием процесса секуляризации. Схоластика утверждала мышление человека в традициях своеобразной

---

⁸ Известно, что в литературе выделяют три исходных смысла (понимания, объяснения), которые использовались толкователями Священного Писания – буквальный (исторический), таинственный (мистический) и аллегорический (иносказательный). Южнорусские проповедники отдавали предпочтение последнему – аллегорическому смыслу, в большей степени отвечавшему, по нашему мнению, публицистическим задачам проповеди. См. об этом: *Флёров А.* Разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 году» Стефана Яворского // *Филологические записки.* 1896. Вып. 3. С. 29–42.

⁹ См. подробнее: *Стефан Яворский, митрополит.* Сочинения. Саратов, 2014. Предисловие. Отметим, что данная тема оказалась во многом недооцененной как в досоветской историографии (ею занимались, но с другими, антисхоластическими – в узко-церковном понимании – акцентами), так и в советской литературе (прежде всего – по идеологическим, априорно-атеистическим, соображениям). Даже в современных тематических публикациях основное внимание уделяется богословским, культурологическим, литературоведческим, но не методологическим аспектам «схоластического» вопроса.

¹⁰ В 1687 г. состоялось открытие первого высшего учебного заведения России – Московской славяно-греко-латинской академии (первоначальное название – Еллино-греческая). В учредительной грамоте царя Федора Алексеевича, изданной по этому поводу еще в 1682 г., отмечалось, что цель создания академии – распространять «семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные», развивать «учение правосудия духовного и мирского» и всех прочих «свободных наук». Рационализм, как методологическая основа духовной культуры, медленно, но неуклонно проникал в умственную жизнь России, создавая необходимые предпосылки для становления в XVIII в. культуры Нового времени.

умственной дисциплины и системности логических доказательств – неотъемлемого атрибута любых форм познавательного опыта. Особое внимание уделялось методологии мыслительного процесса, прежде всего – Аристотелевой логике. Она соединяла богословскую догматику с началами научного анализа, актуализируя такие средства познания, как анализ и синтез, сравнение и критика, индукция и сомнение, дискуссия и диалог («диалектика»), необходимые в поиске истины не только на путях веры, но и на путях разума. Сформировавшись в недрах богословия (причем, еще со времен античности), научная мысль впоследствии выйдет на самостоятельный путь, дав мощный импульс развитию светского знания – естественных и общественных наук, художественной литературы, а также публицистики. В Петровскую эпоху собственно публицистические аспекты схоластической проповеди оказались наиболее востребованными в деле идеологического обоснования преобразований, взяв начало с «приветственных слов» митрополита Стефана Яворского.

Созданные по канонам европейского схоластического «риторства» XVII в. (в единстве библейского символизма и Аристотелевой логики)¹¹, сочинения пресвященного Стефана отличались художественной выразительностью, соответствуя требованиям «литературного барокко»: ему присуще доминирование божественного начала и христианских морально–этических акцентов, а также стремление к содержательному синтезу познавательно-ценностных компонентов. Подобный синтез осознается во взаимодействии церковных и светских, античных и христианских, а также историко-философских подходов к заявленным темам. Характерными свойствами упомянутого жанра являются метафоричность языка, нацеленность на аллегорические образы и обобщения¹², а также общая утонченность и возвышенность речи, соединенная с эмоционально-образным отношением к предмету¹³.

---

¹¹ Характерным примером подобного «риторства» может служить название одной из его «киевско-печерских» проповедей (на «жалосный праздник Иоанна Крестителя») – «Гроздь зрелый мечным урезанием отсеченный, т. е. честная глава (святого) Иоанна Крестителя от Ирода усеченна, на жалосный Усекновения его главы праздник проповедью выставленный. Anno 1694 in Pieczarskim».

¹² См. об этом: *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы. Сб. статей. Л., 1971.

¹³ Образцом подобного стиля выступает одна из библейских аллегорий, изложенных в «Колеснице торжественной» (1703, январь). Сочинитель использует сравнение царя Петра с образом ветхозаветных «четыреличных херувимов», сопровождающих символическую «триумфальную колесницу» (аллегория на «православное Царство Московское»). Достоинства царя представлены в персонифицированном единстве всех четырех «херувимских» ипостасей: орла (символ высоты помыслов и дел), льва (мужество, неустранимость), тельца (жертвенность, трудолюбие) и человека (добродетельность, любовь к людям – «со всеми вся»). Интересно отметить, что упомянутая аллегория стала единственным примером уподобления царя Петра льву (в смысловом пространстве «четыреличных херувимов»). Во всех последующих «казаньях» символическое

Сочинитель заимствует образные сравнения преимущественно из Библии, используя их при изложении исторических и современных сюжетов. Именно с «казаний» Яворского начинается популяризация военных успехов России в Северной войне, а сам проповедник станет активным участником всех официальных мероприятий по случаю русских «викторий» в сухопутных и морских сражениях.

Как пример риторического символизма выступают его высказывания из ранних московских «казаний» (1700–1706). Многие из них впоследствии будут неоднократно повторены в других сочинениях (в т. ч. у других авторов), став общим местом в церковно-политической публицистике Петровской эпохи: «тривенечное царство», «триумфальная колесница Иезекиилева», «преславная непобедимых воинов мати» (о России); «Петр непреодоленный, камень веры прекрепкий», «российский Марс, сама воинская слава», «высокопарный тривенечный Орел», «Август государства Московского», «кавалер Геркулес», «российский Самсон», «прехрабрый Сампсон», «российский Давид», «светильник светозарный», «непреодоленный врагов поборник», «Орел царский», «Моисей российский» (о Петре I); сопоставление имени Петра с камнем («Петре, ты еси камень!»), соотнесение поименований «камня Христа» и «камня Петра» («камень именем и истиною»), сопоставление «Орла небесного» (Христа) и «Орла царского» (Петра I); «христоролюбивое воинство», «российские Андреи», «сыны Сиона», «благороднейшие Андреи» («и делом и мужеством Андреи, крестом сим украшении»), «преславные жатели, россияские подвигоположники», «неурашени поборники», «российские кавалеры», «неленостные славы взыскатели», «торжественники преславные» (о россияских воинах); «дымы Марсовы», «преизобильная жатва», «Марсова нива», «Марсова жатва», «триумфальная жатва», «марсовы Ливонские поля» (о сражениях); «лев шведский», «ярящийся лев», «зверь из моря король Шведский», «рыкающий шведский лев», «плотый зверь», «тьма шведская демонская» (о Швеции), «туна бусурманская», «богомерзкий бусурман», «бусурманский Голиаф», «византийская бестия» (о Турции); «азовские вавилоны, оные кизикерменские и таванские капернауы» (о турецких крепостях, захваченных во время Азовских походов); «претвердый орех», «город-ключ», открывший «ворота Балтийские» (Шлиссельбург–Орешек); сравнение полководца Б. П. Шереметева («преславного кавалера») с библейским всадником Георгием Победоносцем, поражающим дракона – «седмиглавного шведского змия»; поименование царя Петра орлом (в других «словах» – голубем, кормчим, солнцем), а его подданных – птенцами («Орел, то есть, гнездо свое и птенцы своя

изображение льва соотносилось автором только со Швецией и несло в себе отрицательную смысловую нагрузку («ярящийся лев», «рыкающий лев», «плотый оный зверь лев», «воинство Российское попирает льва и змия Шведа» и т. п.).

крылами защищающий», «яко орел Государь наш покрыл гнездо свое, царство свое, Церковь Христову, льва же растерзал»); и т. д.

Есть основания полагать, что именно в проповедях митрополита Стефана, впервые в отечественной публицистике, прозвучала знаменитая метафора «Отец Отечества» (как дань уважаемой им античной политической традиции), вначале по отношению к древнерусскому князю Александру Невскому (святому-покровителю Санкт-Петербурга), а затем по отношению к царю Петру I, став почетным поименованием «преславного Монарха»¹⁴.

Подобные художественные сравнения присутствуют во всех сочинениях Стефана Яворского, отражая особенности его проповеднического искусства как образца церковного красноречия, выдержанного в лучших традициях схоластического «риторства».

Важной стороной сочинительского стиля митрополита Стефана является богатая источниковая база, демонстрирующая энциклопедические познания автора. Содержательные богословские рассуждения в богатом поле библейской мифологии перемежаются просветительскими включениями из трудов выдающихся христианских мыслителей Иоанна Златоуста, Августина Блаженного, Василия Великого, Дионисия Ареопагитского, Игнатия Богоносца, Василия Селевкийского, Григория Богослова, Феодорита Кирского, Тертуллиана, Оригена, Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Амвросия Медиоланского и других «учителей церковных», действовавших «согласным единомышлением и единомысленным согласием». В обоснование своих суждений Яворский постоянно обращается к обширному наследию античной учености, неоднократно упоминая и обильно цитируя Аристотеля, Плутарха, Платона, Сократа, Диодора Сицилийского, Светония, Полибия, Геродота, Фукидиду, Овидия, Катона Старшего, Сенеку, Аристарха Самосского, Цицерона, Диогена Синопского, Ксенократа, Фалеса Милетского, Эпикура, Лукреция Кара, Аммиана Марцеллина, Плиния Старшего, Авла Геллия и т. д. Не обойдены его вниманием и европейские авторы, среди которых

---

¹⁴ В собрании сочинений Стефана Яворского (М., 1804. Ч. 2) имеются две недатированные проповеди, посвященные князю Александру и содержащие метафору «отец отечества»: «Слово панегирическое похвальное на святого благоверного Князя Александра Невского» и «Слово на святого Александра Невского». По косвенным признакам можно предположить, что создавались они в период с 1713 года (дата официального основания Александро-Невского монастыря, о котором упоминается во втором «Слове») по октябрь 1721 года, когда Петр I был уже официально поименован императором и «Отцом Отечества»; к тому времени данное словосочетание являлось крылатой фразой и широко использовалось в сочинениях церковных и светских публицистов. Упомянем еще одно высказывание – из литургии «зеркала непорочного» и «мудрого строителя» Иоанна Златоуста, часто цитируемого митрополитом Стефаном: «Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшия возставил еси паки, и не отступил еси вся творя, дондеже нас на небо возвел еси, и Царство Твое даровал еси будущее». Характерный оборот речи – «от небытия в бытие» – обретет большую популярность и также станет узнаваемым риторическим символом Петровской эпохи.

упоминаются Ж. Тунинг, М. Стрыйковский, И. Стобей, Ж. Скалигер, Плерий, Ю. Липсий, Ф. де Коммин, И. Зонара, Я. Длугош, Ц. Бароний, М. Бельский, И. Ботер, К. Соарий¹⁵ и пр. Кроме того, сочинитель использует информацию из таких областей знания, как астрономия, физика, астрология («звездочетцов мудрость»), символика чисел.

Проблемно-тематическое поле сочинений Стефана Яворского было весьма обширным, объединяя богословские экскурсы (во множестве образов и аллегорий) и светские включения учено-просветительного и публицистического свойства. Как правило, обращение к библейским сюжетам служило поводом к осмыслению событий гражданской истории – мировой и отечественной. Основное внимание уделялось современности, актуальным темам и сюжетам петровского времени. В их оценке проповедник выступал как заинтересованный наблюдатель, способный не только к панегирическому славословию, но и весьма жесткой критике имевшихся «не строений», оставаясь на высоте своего духовного предназначения и не выходя при этом за рамки традиционных пастырских наставлений¹⁶.

Постоянным рефреном публичных выступлений митрополита Стефана звучала тема единства интересов царя, государства и общества. Подчеркивалось, что реформы проводятся во имя «всеобщего блага» и «народной пользы». Сам государь («боговенчаный Орел наш» – «царь Петр, в имени своем камень») оценивался весьма прагматично, прежде всего – как неутомимый «защититель» и «устроитель боголюбезного Отечества», а также как охранитель «Церкви святой православной <...> от всякого зла». Отмечалось, что для царя были важны не личные интересы, а благоденствие России и народа, поскольку «о всенародной пользе имети попечение сия есть особенная похвала христианского человека»¹⁷. Подобные суждения вполне соответствовали социально-политическим предпочтениям

---

¹⁵ Представитель схоластической учености, испанский иезуит Киприан Соарий (ум. 1593) был автором популярного учебника риторики, длительное время использовавшегося в европейских учебных заведениях. На этого писателя ссылается Стефан Яворский в одном из своих писем к архимандриту Киево-Печерского монастыря (в 1715–1729 гг.) Иоанникию Сенютовичу: «знаю что вы очень хорошо помните сказанное покойным Соарием: как начнешь, так и кончишь; по этому не начинай пожаром, чтоб не кончить бурей». Для преосвященного Стефана упомянутая сентенция стала не только примечательной риторической формулой, но и неоспоримым жизненным принципом, которому он стремился следовать, соотносясь с запросами времени и обстоятельств.

¹⁶ См. его проповеди «О гонимой истине» (или «Слово на день Иоанна Златоуста») от 13 ноября 1709 г., «О хранении заповедей Господних» от 17 марта 1712 г., письмо царю Петру I от 21 марта 1712 г. и др. (*Бородкина Н. Н.* Петровская эпоха в церковной публицистике. Глава 2).

¹⁷ Цит. по проповеди, написанной на именины царевны Анны Петровны (1720). Сочинение так и называлось – «О всенародной пользе имети попечение сия есть особенная похвала христианского человека. Сие же яве есть на святом праведном Симеоне, его же хвалит евангелие Божественное. Sanct-Peterburgi pro festo S. Symeonis et Annae prophetissae anno Domini 1720 Februarii 3».

эпохи – о приоритете личной выслуги перед «породой»(или «взыскания» перед «наследием»), – распространяясь как на «простых» и «многоименитых» граждан, так и на «венценосных» государей («Лучши бо есть начальником быти славы, нежели наследником», «делами, а не родом хвалитесь»)¹⁸. При этом непременно подчеркивалось, что особую ценность сохраняют нравственные качества человека, его «добродетельность» и «непорочность», в чем для автора непреложным ученым авторитетом оставался неустанно цитируемый «красноглаголивый» Иоанн Златоуст – «Хвалится кто высоким благородством? <...> Благородие, по Златоустову учению, есть быти родом Божиим, образ Божий на душе от всякия скверны непорочен хранити. Тот благороден, кто есть сыном Божиим по благодати. Таким благородным всяк правоверный может быти. Тот благороден, кто добродетелен. И яко пшеница лучше родится на долине, нежели на горе – удолия умножат пшеницу, – так и от низкого рода часто бывает лучший плод, нежели от высокого»¹⁹.

При известной «похвальности» общего тона в оценке «деяний» эпохи, «казанья» Стефана Яворского были далеки от дежурных придворных панегириков допетровской и послепетровской поры, представляя собой новый жанр духовного слова, в котором соединялись традиции церковной проповеди и элементы светской публицистики. Помимо решения канонических, духовно-«увещательных» задач, подобные сочинения выполняли важную просветительно-идеологическую функцию. Они утверждали в общественном мнении идею преобразований как дела всенародно необходимого, тем самым оберегая «тривенечное царство Российское» от «превеликой пагубы» внутренних «смущений и смятений» и укрепляя «соборные» начала национального самосознания, актуализированные в непреложных евангельских истинах – «сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбих вы», «болши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Иоан. 15:12, 13).

В публичном выступлении 1 января 1706 г. (вполне сопоставимом с церковно-политическим манифестом, изложенным в библейско-схоластическом стиле), пресвященный Стефан высказал суждение, имевшее, по сути дела, программный характер, и весьма ценное в контексте задачи идейно-просветительного влияния Церкви на формирование общественных настроений. В его речи неуклонно и последовательно проводилась идея о благополучии государства-храма (созданного «вышним Архитектором»), которое имеет в основании незыблемый фундамент – православную веру («камень-Христос») и «всеавгустейшего Монарха» Петра I («камень именем и истиною»). Российское государство («торжественная колесница») уподоблялось библейскому Сиону («благочестием сияющий»), который

---

¹⁸ *Стефан Яворский, митрополит*. Сочинения. Саратов, 2014. С. 436.

¹⁹ *Чистович И. А.* Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867. С. 53.

надежно охраняется «Всевышним Творцом» от «устремлений вражиих» – «сниде дождь, и приидоша реки, и возвеша ветри, и нападоша на храмину, и не падесе: основана бо бе на камени»²⁰. В неустанной защите и популяризации названных фундаментальных ценностей – Бог, государь и Отечество – митрополит Стефан Яворский видел свой актуальный просветительский долг и свою высшую духовную задачу («Духовному чину в образе дуновения Христова, во еже быти нам углием Серафимским, в службе Божии и в звании своем горящим»)²¹.

---

²⁰ *Стефан Яворский, митрополит. Сочинения. С. 448–449.*

²¹ Там же. С. 97.

Об источниковедческом значении рассказов Нартова о Петре Великом

Рассказы Нартова о Петре Великом¹ впервые частично были опубликованы Н. И. Гречем в журнале «Сын Отечества» в 1819 году². В 1842 г. М. П. Погодин поместил их в своем журнале «Москвитянин»³, однако и это издание было неполным – ряд рассказов был исключен цензурой из-за их фривольного и антиклерикального содержания. Научное издание было осуществлено академиком Л. Н. Майковым⁴, который установил, что рассказы не могли быть «писаны» и «кончены» в 1727 г. царским токарем Андреем Константиновичем Нартовым, как указано в предисловии к рукописи. По его наблюдениям, не менее 35 рассказов из 162 были просто заимствованы составителем из европейских изданий XVIII в. о Петре I⁵, таких как «Записки о царствовании Петра Великого <...>» Ж. Руссе де Мисси (1725–1726, т. 1–4), «История Карла XII, короля Швеции» Вольтера (1730), его же «История Российской империи при Петре Великом» (1759–1763, т. 1–2), «Царь Петр I во Франции» Ю. Ле Блана (1741), «История Петра I, прозванного Великим» Е. Мовийона (1742) и др. Живо написанный, изобилующий подробностями труд Мовийона⁶ оказался особенно полезным автору. Пользовался он и изданным М. М. Щербатовым «Журналом, или Поденной запиской <...> имп. Петра Великого» (СПб., 1772, ч. 1–2) с приложенным к нему «Обстоятельным журналом» царского путешествия в Европу 1716–1717 годов. Лишь 35 сюжетов, по мнению Майкова, могли восходить к личным воспоминаниям царского токаря Андрея Константиновича Нартова⁷. Остальные имели в основе разнообразные «книжные» источники. Составителем «Достопамятных повествований и речей Петра Великого» выступал, как предположил Майков, сын царского токаря Андрей Андреевич Нартов⁸.

¹ Название «Рассказы Нартова о Петре Великом» прочно закрепилось за сочинением. На самом деле так называется статья Л. Н. Майкова, предшествующая публикации текста под авторским заголовком «Достопамятные повествования и речи Петра Великого».

² Достопамятные повествования и речи Императора Петра Великого // Сын Отечества. 1819. № 24. С. 191–208; № 27. С. 22–26; № 28. С. 75–83; № 29. С. 127–129; № 31. С. 193–209; № 32. С. 256–265; № 35. С. 49–68; № 43. С. 97–113; № 52. С. 241–249.

³ Достопамятные повествования и речи Петра Великого // Москвитянин. 1842. № 3. С. 443–475; № 5. С. 325–333; № 7. С. 22–35; № 8. С. 324–343; № 11. С. 116–142.

⁴ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891 (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. 52. № 8).

⁵ Там же. С. VI.

⁶ [Mauvillon E.] Histoire de Pierre I, surnommé le Grand... Amsterdam; Leipzig, 1742. Т. 1–3.

⁷ Майков Л. Н. Указ. соч. С. XI.

⁸ Там же. С. XIV.

Это предположение подтвердилось в результате находки П. А. Кротовым рукописи чернового варианта рассказов Нартова⁹. Обнаруженная историком рукопись, датированная 1785–1786 гг., по сути, поставила точку в вопросе об авторстве рассказов Нартова. Они принадлежат перу Андрея Андреевича Нартова (1737–1813) и являются «художественным произведением в жанре исторического анекдота»¹⁰. Кротов справедливо указал на то, что многие рассказы Нартова были переработкой известных «Анекдотов» о Петре I Я. Штелина, причем список указанных им заимствований можно продолжить¹¹. Толчком к созданию «Достопамятных повествований» могло стать общение с известными историками. В 1772–1774 гг. А. А. Нартов активно сотрудничал с М. М. Щербатовым и Я. Штелиным в Медальных комитетах, созданных императрицей «для учреждения медалической со времен государя императора Петра Великого истории»¹².

Позже, в 1780 г., А. А. Нартов издал брошюру «Путешествие его величества в Париж» (СПб., 1780)¹³, содержащую изображение и описание медали, отлитой в честь царя на Королевском монетном дворе, и дневник пребывания царя во Франции. Письмо А. А. Нартова к князю А. Б. Куракину не оставляет сомнений в авторстве: Сообщаю «вам при сем трудов моих “Описание пребывания Его Величества государя императора Петра Великого в Париже”». К сему изданию побудила меня редкая медаль, в память сего монарха натисненная, которая была ему поднесена во время присутствия его в Королевском монетном дворе и которая у нас в собрании медалей хранится. Жалко было бы, если бы в России неизвестна была она медаль, свидетельствующая и славу его, и то почтение, которые к нему имели чужестранные народы. Когда уже иноплеменники вечности предавали подвиги его, то грешно бы было и непрослительно забывать россиянам того, который разверз хаос, который все устроил и все просветил!»¹⁴. Примечательно, что к описанию путешествия, заимствованному из книги Руссе де Мисси, автор прибавил несколько деталей, почерпнутых из неизвестных источников, а отчасти и вымышленных, в частности, о принятии царя в члены Парижской Академии

---

⁹ *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / подготовка текста рукописи и приложений, вступительная статья П. А. Кротова. СПб., 2001.

¹⁰ *Кротов П. А.* Рассказы Нартова о Петре Великом (русский исторический анекдот XVIII в.) // Вестник РГНФ. 2014. № 3. С. 157.

¹¹ См.: *Мезин С. А.* Рец.: *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подготовка текста рукописи и приложений, вступительная статья П. А. Кротова. СПб., 2001 // История Санкт-Петербурга. 2003. № 1 (11). С. 91.

¹² См.: *Гаврилова Л. М.* Русская историческая мысль и медальерное искусство в эпоху Екатерины II. СПб., 2000. С. 65.

¹³ Авторство и датировка издания, считавшегося прежде анонимным, установлены П. А. Дружининым. См.: *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002. С. 251.

¹⁴ *Дружинин П. А.* Указ. соч. С. 249–250.

наук во время ее посещения. Это сочинение А. А. Нартова о Петре I свидетельствует о методе работы автора, который и впредь легко совмещал компиляцию с литературным вымыслом.

В рукописи рассказов Нартова середины 1780-х годов содержится 121 анекдот, в варианте, опубликованном Л. Н. Майковым, их 162. П. А. Кротовым обнаружена еще одна – «третья» редакция сочинения А. А. Нартова среди рукописей Санкт-Петербургского филиала архива РАН. Она создана около 1797 г. и содержит 166 рассказов¹⁵. Некоторые «повествования», отсутствующие в ранней редакции (№45, 76 по изданию Л. Н. Майкова), вероятно, восходят к «Анекдотам», изданным И. И. Голиковым в 17 томе «Дополнения к Деяниям Петра Великого» (М., 1796). Как видно, создав ядро своего сочинения в 1780-е гг., А. А. Нартов продолжал работать над ним и в 1790-е годы.

Таким образом, большинство «повествований» А. А. Нартова имеет «книжное» происхождение. Сюжеты взяты из вторых рук, но нередко снабжены собственными нартовскими дополнениями, сентенциями и «речами».

До сих пор остается открытым вопрос о том, располагал ли А. А. Нартов какими-то «записками» или устными свидетельствами своего отца. Л. Н. Майков не отрицал такой возможности. «Значительная часть анекдотов исходит непосредственно от петровского токаря», – полагал Е. В. Анисимов¹⁶. С существованием «фрагментарных записей высказываний царя», сделанных его токарем, вначале соглашался и П. А. Кротов¹⁷. Однако дальнейшие наблюдения над литературной историей сочинения привели его к скептическому выводу, правда, лишь в отношении сюжетов, связанных с именем А. Д. Меншикова¹⁸.

Круг сюжетов, которые могли восходить к рассказам царского токаря, сужается до минимума. Ведь даже в том случае, когда автор приводил текст записки царя, якобы переданной А. К. Нартову и хранящейся у самого А. А. Нартова, мы имеем дело с вымыслом, с литературной мистификацией.

Впервые претендующий на достоверность сюжет о появлении царской записки был изложен в собственноручном письме А. А. Нартова Я. Штелину, которое можно датировать началом 1780-х годов¹⁹:

«Петр Великий упражнялся ежедневно в механической своей лаборатории в токарном искусстве, чертя в ней иногда планы кораблей, укрепления мест и про-

---

¹⁵ Кротов П. А. А. Д. Меншиков в сочинении А. А. Нартова «Рассказы о Петре Великом»: литературные мотивы или исторические реалии? // Петровское время в лицах – 2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 125.

¹⁶ Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 248.

¹⁷ Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). С. 21.

¹⁸ Кротов П. А. А. Д. Меншиков в сочинении А. А. Нартова «Рассказы о Петре Великом». С. 134.

¹⁹ Там же. С. 129.

ведение сухопутных каналов, сверх сего тут же разсматривая важные государственные дела, часто был обезпечен приходом туда больших или знатнейших господ, которых в сию токарную по изустному его повелению находящийся при нем собственный его и любимый механик Андрей Нартов, вместе в токарном искусстве и протчих механических изобретениях трудившийся, не впускал. Но князь Менишиков, будучи недоволен отказом, угрожал Нартову впредь за такое препятствие несчастьем. Нартов, доложив о таких его угрозах государю, получил в ответ такие слова...

“Я переточу в токарной непослушных в послушные”, указав на дубинку в углу стоявшую, которую он упрямых наказывал, потом написав следующее, отдал, сказав: *“Андрей, вот тебе знак руки моей, покажи сующемуся сюда”*.

Слова написанные суть точно следующие: *“Да не входит сюда никто посторонний, ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел. Петр”*.

*Сей указ и поныне находится в сохранении у сына сего Нартова, действительного статского советника и Берг-коллегии вице-президента Нартова*²⁰.

В «Кратком известии о жизни (sic!) и дедах Андрея Константиновича Нартова», приложенном к черновому варианту рассказов середины 1780-х гг. этот сюжет изложен с другими подробностями:

«В один день К<> М <> пришедши ко дверям токарной, требовал, чтоб его впустили, но увидя себе препятствие, начал шуметь. На сей шум вышел к нему Нартов и, видя К<> М <>, силою туда войти стремящегося, удержал его, объявляя, что без особого указа никого впускать не велено, и потом двери тотчас запер. Такой неприятный отказ тронул сего честолюбивого и тщеславного вельможу тек, что он в запальчивости, оборотясь назад, с сердцем сказал: “Добро, Нартов, помни это”.

О таких угрозах и о сем произшествии донесено было немедленно Государю, любившему откровенность, который точил тогда паникадило в соборную церковь С. апостол Петра и Павла яко благоговейный дар, посвящаемый им Богу в благодарение за полученное им облегчение от Марциальных вод. Его величество, разсмеявшись, произнес такое слово: “Где ж скрыться от ищущих и толкующих?” Потом, взглянув взором уверительным, сказал: «Кто дерзнет против мастера моего?! Увижу. Невежество художеств и наук не терпит. Но я упорность отучу. Подай, Андрей, бумагу и чернила. Государь написал тотчас на такарном станке следующее и отдал ему, промолвя сие: “Вот тебе оборона. Прибей ко дверям и на угрозы не смотри”: “Кому не приказано или кто не позван, да не входит сюды не токмо посторонней, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел”.

---

²⁰ ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин). № 18. Л. 23–23 об.

Сей собственною рукою Петра Великого написанный указ, данный Нартову, находится и поныне соблюденным у сына его – действительного статского советника и королевского датского ордена Даннеброка кавалера Андрея Нартова»²¹.

Этот эпизод из биографии царского токаря в окончательной версии сочинения превратился в отдельный рассказ, изложенный от первого лица. Вот его концовка:

«<...>Государь тотчас написал на токарном станке следующее и, отдав Нартову, промолвил: “Вот тебе оборона; прибей сие к дверям и на угрозы Меншикова не смотри”: “Кому не приказано или кто не позван, да не входит сюда не токмо посторонний, но ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел”. Сей собственною рукою писанный указ, данный мне, Нартову, находится у меня поныне соблюденным»²².

Сравнение трех вариантов текста показывает разные стадии авторской работы: дополнения, переделки, литературную обработку. Приведенные в них слова Петра I всякий раз отличаются в деталях, что свидетельствует о том, что никакой собственноручной записки царя в распоряжении А. А. Нартова, вопреки его заверениям, не было.

Нельзя согласиться с предположением Л. Н. Майкова о том, что «кое-что Нартов (Андрей Константинович. – С. М.) мог записать и по рассказам очевидцев в свою бытность в Париже уже после пребывания там царя»²³. Специальное рассмотрение нартовских рассказов о пребывании Петра I во Франции привело меня к выводу, что А. А. Нартов не пользовался оригинальными устными сведениями о парижском визите царя²⁴. Все они порождены соединением сведений из опубликованных источников с литературным вымыслом автора. Вот некоторые примеры.

Нартов сообщает: «Государь, отъезжая к Дюнкирхену и увидя множество ветряных мельниц, рассмеявшись, Павлу Ивановичу Ягушинскому сказал: “То-то для Дон-Кихотов было здесь работы!”»²⁵. Случай этот явно придуман А. А. Нартовым, ибо имя героя романа Сервантеса было совершенно неизвестно в России начала XVIII века. Сам царь, вероятно, впервые услышал его при посещении парижской мануфактуры Гобеленов, когда ему продемонстрировали серию ковров, посвященную похождениям Дон-Кихота. Зато к концу

---

²¹ Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). С. 48.

²² Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 59.

²³ Там же. С. 131.

²⁴ Мезин С. А. Петр I во Франции. СПб., 2015. С. 80–81, 86, 91, 114–115, 139–140, 177, 188, 192–193, 227–228, 259–260.

²⁵ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 87.

XVIII в., когда писал Нартов, «Дон-Кихот» прочно вошел в русский литературный обиход²⁶.

Один из анекдотов А. А. Нартова повествует о том, что по дороге в Париж, в Бове, местный епископ приготовил царю великолепный обед. Однако царь в Бове не остановился и даже упрекал своих приближенных, пожалевших, что в другом месте такого обеда не будет: «У вас только и на уме, чтоб пить да есть сладко. Для солдата был бы сухарь да вода, так он тем и доволен. А здесь можно найти белый хлеб и вино»²⁷. Л. Н. Майков полагал, что совпадение этого сюжета с сообщением открытых позже французских архивных документов свидетельствует о том, что Нартов (вероятно, Нартов-отец, побывавший во Франции после царского визита) пользовался устными сведениями. Майков утверждал, что французских печатных источников, сообщавших об этом эпизоде, в распоряжении А. А. Нартова быть не могло. Однако это не так. Сюжет явно восходит к сообщению парижского журналиста Ф. Бюше о том, что Петр проехал города Амьен и Бове, где ему приготовили богатое угощение. А в ответ на замечание, что в противном случае ему не удастся хорошо пообедать, царь заметил: «Я солдат и если только я нахожу хлеб и пиво, я доволен»²⁸.

П. А. Кротов показал, что многие ссылки на очевидцев (А. К. Нартова, Ф. И. Соймонова, В. Я. Левашова, являются вымышленными²⁹. Это же можно сказать по поводу ссылок на свидетельства русских дипломатов А. А. Матвеева и Ф. П. Веселовского, которые не были очевидцами царской поездки в Англию.

Роль литературного вымысла в «Достопамятных повествованиях и речах Петра Великого» А. А. Нартова очень велика. Многие, но не все его рассказы имеют в качестве основы факты, почерпнутые из известных источников. По этой причине историки едва ли смогут окончательно доказать или опровергнуть достоверность некоторых рассказов, приписанных им своему отцу (например, № 63, 64, 65 по изданию Л. Н. Майкова). Однако сам метод работы А. А. Нартова скорее свидетельствует об их вымышленном характере.

Вот еще один пример того, как сочинялись «речи» Петра I. Очевидец (О. де Ла Мотре) приводил слова Карла XII, сказанные по поводу предложения царя о мирных переговорах: «Я буду договариваться с ним в Москве». Французский компилятор А. Ф. Лимье в «Истории Карла XII» сделал к этим словам замечание: «Но подражатель Александру (Македонскому. – С. М.) впоследствии имел

---

²⁶ См.: *Алексеев М. П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XV–XIX в. Л., 1964. С. 48, 68.

²⁷ *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 86.

²⁸ [*Buchet P. F.*] *Abbrégé de l'histoire du Czar Peter Alexiewitz, avec une relation de l'état présent de la Moscovie, et de ce qui s'est passé de plus considerable, depuis son arrivée en France jusqu'à ce jour.* Paris, 1717. P. 179.

²⁹ *Нартов А. А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). С. 25–27.

слишком много сходства с несчастным Дарием». Вольтер на этой основе сочинил реплику царя на высокомерный ответ короля: «Брат мой, Карл, все желает разыгрывать роль Александра, но я надеюсь, что во мне он не найдет Дария»³⁰. Придуманый Вольтером диалог А. А. Нартов превратил в отдельное «повествование» (№ 116)³¹, а приписанные царю слова стали считать его подлинным изречением³².

Хотя А. А. Нартов был хорошо знаком с иностранной и русской литературой о Петре I, некоторые его известия явно противоречат историческим фактам, на что хотелось бы обратить внимание. Так, Нартов ошибочно полагал, что Петр I весь срок пребывания в Голландии провел в Саардаме, в то время как царь прожил там лишь неделю (с 18 по 25 августа 1697 года³³), а затем переехал в Амстердам, где работал и обучался на верфи Ост-Индской компании. Эта ошибка ставит под сомнение весь рассказ о любовном увлечении царя саардамской «молодой, рослой и пригожей девкой», которую «во все пребывание свое в Саардаме, когда надобно было, имел <...> в своей квартире и при отъезде в приданое пожаловал ей триста талеров»³⁴ (№ 3).

Незнание точной хронологии Великого посольства подводит А. А. Нартова и в том случае, когда он повествует, будто на обеде у герцога Лидса царь побился об заклад, что русский гренадер в кулачном бою победит английского бойца³⁵. Описанные автором кулачные ристалища в саду лорда Кармартена едва ли могли состояться, ибо после обеда у герцога Лидса 20 апреля царь побывал еще на монетном дворе, а на следующий день, опять посетив монетный двор, отплыл из Лондона³⁶.

Еще Л. Н. Майков заметил хронологическую несообразность некоторых рассказов, например, № 40. Комментируя рассказ № 53, Майков предположил, что описанный случай с астраханским губернатором А. П. Вольнским мог произойти в 1722 г. и, во всяком случае, не раньше 1719 г., когда тот был назначен губернатором³⁷. Исследователь не обратил внимания на то, что упомянутый там же

---

³⁰ *Voltaire. Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz // Voltaire. Oeuvres complètes. Oxford, 1996. Т. 4. Р. 81, 327–328.*

³¹ *Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 80.*

³² *Петр Великий в его изречениях. СПб., 1910. С. 79.*

³³ *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 244.*

³⁴ *Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 5–7.*

³⁵ Там же. С. 11–13.

³⁶ *Кросс Э. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков / пер. с англ. М. Вишнякова. СПб., 2013. С. 57–58.*

³⁷ *Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 118.*

князь Ф. Ю. Ромадановский, которым царь якобы «пугал» Волынского, умер в 1717 году. Притом в ранней редакции рассказа обе фамилии отсутствовали³⁸.

О бережливости и скромности царя в быту должен был свидетельствовать рассказ о парадном кафтане, в котором царь был на торжественной коронации Екатерины. Он, якобы, был расшит самой императрицей с комнатными ее девицами (№ 60)³⁹. Однако специалисты уверенно пишут о том, что известный кафтан голубого шелка с серебром из гардероба Петра I, сохранившийся до наших дней, был изготовлен профессиональными русскими и иностранными мастерами⁴⁰. (Патриотизм Петра I не мешал ему предпочитать удобную и дорогую одежду европейского производства.)

«В 1722 году, в июне месяце, император Петр Великий, собираясь из Астрахани в поход к Дербенту, давал аудиенцию <...> хану калмыцкому», – писал А. А. Нартов⁴¹. Однако доподлинно известно, что встреча Петра с ханом Аюкой состоялась в Саратове 13 июня 1713 года⁴².

Рассказы Нартова долгое время имели репутацию достоверного источника и в этом качестве широко использовались в исторических работах. Однако в свете новых находок и исследований вопрос о достоверности и источниковедческом значении анекдотов А. А. Нартова решается однозначно: они не могут рассматриваться как первоисточник петровского времени, но являются литературным и историографическим памятником последней трети XVIII века. «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» А. А. Нартова – это наиболее известная и удачная мистификация XVIII в., если не считать таковой «Слово о полку Игореве».

Сочиняя «Достопамятные повествования и речи», автор не мог мечтать о литературной славе или материальных выгодах, а вот идея возвеличения собственного (не столь уж древнего) рода путем подчеркивания близости А. К. Нартова к великому императору, проходит, как говорится, красной нитью через все сочинение. Если основные факты Нартов позаимствовал из известных источников, а речи и детали выдумал, то для современных историков наибольший интерес должны представлять авторские интерпретации и оценки, характеризующие состояние отечественной историографии петровских реформ конца XVIII века.

Образ Петра I в сочинении А. А. Нартова вполне соответствует апологетической традиции, преобладавшей в русской историографии второй половины XVIII века. Нартов, несомненно, испытал влияние просветительских идей. В его изо-

---

³⁸ Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). С. 63.

³⁹ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 45.

⁴⁰ Основателю Петербурга. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 150, 329.

⁴¹ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 66.

⁴² Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 134–137.

бражении, царь с юности «просветил» себя «науками и художествами» и стремился то же сделать в отношении своих подданных. Он не просто печется о «пользе государства», но и заботится о законности («надлежит законы и указы писать ясно, чтобы их не перетолковывать...»⁴³) и справедливости. Петр желает поставить Россию «на степень европейских народов», но при этом он выступает как горячий патриот, почти борец с тлетворным французским влиянием: «А с французами <...> не имеем мы дела»⁴⁴. (Борьба с галломанией была актуальна для екатерининского времени). Отчетливо звучит в анекдотах Нартова тема военных побед царя Петра. В патриотическом ключе представлена автором роль Лефорта: он лишь личный друг царя и создатель первых регулярных полков, а отнюдь не инициатор всех перемен.

В анекдотах Нартова отразилось не только реальное патерналистское отношение Петра I к народу («Наш народ, яко дети <...> которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают»⁴⁵), но и екатерининское представление об «особенном в целом свете» русском народе, наделенном «догадкою, умом, силою»⁴⁶. Царь рисуется учителем и воспитателем своего народа. При этом одним из средств воспитания является царская дубина. Это средство Нартов вполне оправдывал и объяснял условиями времени и обстоятельствами народной жизни. Петр показан искренне верующим человеком, но борцом с суевериями и недостатками церковной жизни. А. А. Нартов приписывал царю слова: «Ой, бородачи, многому злу корень – старцы и попы»⁴⁷. Здесь же проводилась вольтеровская мысль о том, что главная причина несчастий царевича Алексея кроется в церковном воспитании. Царь в изображении Нартова прост в обращении и в повседневной жизни, «казался быть простым гражданином и приятелем», но при этом он противник «английской вольности» как не подходящей к состоянию русского народа. Царь не лишен человеческих слабостей. Как типичный российский вольтерьянец А. А. Нартов, сам не отличавшийся высоконравственным поведением, подробно и снисходительно писал о том, как «любил его величество женский пол»⁴⁸.

---

⁴³ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 44.

⁴⁴ Там же. С. 71.

⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 7. № 4345. С. 150.

⁴⁶ Цит. по: Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики Екатерины II // Историческая наука и методология истории в России XX века. К 140-летию со дня рождения академика А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 2003. С. 364.

⁴⁷ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 101.

⁴⁸ Как заметил Э. Кросс, известному анекдоту о связи Петра с актрисой Летицией Кросс Нартов придал «самый скабресный» характер. – Кросс Э. Английский Петр. Петр Великий глазами британцев XVII–XX веков. С. 40.

Гораздо менее снисходителен Нартов к А. Д. Меншикову. В нартовских анекдотах дана исключительно отрицательная оценка царскому любимцу, который «в беззаконии зачат, и во гресех родила мати его, а в плутовстве скончает живот свой»⁴⁹. «Безграмотный» Меншиков у него «не строитель, а разоритель городов»⁵⁰. Думается, что в этой оценке кроме авторского стремления противопоставить Меншикову другого царского любимца – токаря Нартова, отразились и воспоминания русской аристократии о безродном выскочке, а возможно, и острота проблемы фаворитизма в екатерининское время.

В заключение стоит добавить, что на сегодняшний день актуальной задачей является научное издание труда А. А. Нартова с учетом его различных редакций, которое бы содержало современные комментарии к каждому «повествованию».

---

⁴⁹ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. С. 98.

⁵⁰ Там же. С. 48.

Н. И. Салтыков глазами современников и историков

Эпоха Екатерины II выдвинула на первый план целую плеяду славных сынов Отечества, в их числе – Г. А. Потемкин, Ф. Ф. Ушаков, П. А. Румянцев, А. В. Суворов, Н. И. Панин, Г. Р. Державин. Это было время роста могущества Российской империи, подъема престижа России на международной политической арене. Внутри страны просвещенное правление способствовало развитию науки и образования, а жизнь российского дворянства неторопливо входила в свой «золотой век»...

Среди государственных деятелей того времени особняком стоит на первый взгляд неприметная фигура Николая Ивановича Салтыкова, чья история жизни при более детальном рассмотрении становится подлинным примером истинного мастерства придворной службы. Николай Иванович служил при пяти императорах в течение долгих 68 лет. Начав восхождение по карьерной лестнице рядовым в лейб-гвардии Семеновском полку еще при Елизавете Петровне, спокойно пережив короткое правление Петра III, он был обласкан в екатерининскую эпоху, избежал немилостей в павловской России и занимал высокие посты при Александре I. Редкий дворянин второй половины XVIII в. мог похвастаться подобной политической живучестью в вихре дворцовых переворотов и столь разных правлений. И Екатерина II, и Павел I, и Александр I высоко ценили Николая Ивановича, о чем можно судить по тем наградам, которым он был удостоен за время своей службы.

С назначением состоять при наследнике Павле Петровиче прекратилась скромная военная карьера Салтыкова. Несмотря на то, что за годы военной службы Салтыков не проявил себя ярко на поле боя, Екатерина в 1766 г. пожаловала ему орден св. Анны, в 1768 – чин генерал-поручика, а в 1769 – орден св. Александра Невского. 24 ноября 1783 г. Николаю Ивановичу был пожалован орден Андрея Первозванного, 31 августа 1787 г. – Владимира 1-й степени, 23 июня 1788 г. императрица назначила Салтыкова присутствовать в Военной коллегии, а в 1790 г. возвела его в потомственное графское достоинство. 5 октября 1791 г. назначила вице-президентом Военной коллегии. Перед бракосочетанием Александра Павловича, 22 сентября 1793 г., императрица пожаловала графу пожизненный пансион в 25000 руб. в год сверх жалования и 100000 руб. одновременно вместе с несколькими деревнями, а 2 июля 1794 г. назначила его присутствовать в Сенате в свободное от других порученных ему дел¹.

---

¹ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. С. 202–203.

Павел I 6 ноября 1796 г., через два дня после восшествия на престол, пожаловал графа в генерал-фельдмаршалы и назначил президентом Военной коллегии. Александр в день своей коронации пожаловал Николаю Ивановичу свой портрет, усыпанный алмазами. Наконец, наивысший знак доверия Александр продемонстрировал в годы Отечественной войны 1812 г., когда, отбывая в армию, поручил своему бывшему воспитателю руководство государственными делами. За исполнение этих обязанностей Александр удостоил Салтыкова милостивым рескриптом и 30 августа 1814 г. возвел Николая Ивановича в княжеское достоинство. Но, пожалуй, наибольшим свидетельством императорского расположения служит тот факт, что Салтыкову дважды доверили воспитание царских детей (Николай Иванович с 1773 г. состоял воспитателем при Павле Петровиче, а через 10 лет возглавил штат наставников и педагогов великих князей Александра и Константина). Однако если члены императорской семьи испытывали к Николаю Ивановичу явное расположение, то прочие современники, а затем и историки, имели на его счет иное мнение.

Большинство придворных, в чьих записках и воспоминаниях сохранились строки о Николае Ивановиче, характеризовали его как неприятного, эгоистичного, недалекого ума человека.

Статс-секретарь Екатерины А. М. Грибовский так описывал воспитателя: «Был роста очень малого; весьма худощав; имел нос небольшой, острый; глаза карие, не глупые; лицо всегда ослабленное; тупей высокий, причесанный по тому времени, с пудрою и помадою; носил на ноге фонтанель (незаживающую рану. – А. А.) и от того прихрамывал <...> когда стоял, то часто нижнее платье с левой стороны подергивал, мундир носил военный зеленый <...> был всегда нараспашку <...> носил черные штиблеты и подпирался костыльком. Был очень набожен и долго по утрам молился. Почитался человеком умным и проницательным, т. е. весьма твердо знал придворную науку, но о делах государственных имел знание весьма посредственное <...> все государственные дела были сообщаемы на его уважение, но я не помню, чтобы хотя бы по одному дал он мнение противное»². Грибовский отмечал, что Николай Иванович в делах «управляем был своим письмоводителем», а в домашних делах – «графинею неограниченно». Если в первом случае причиной тому были затруднения в письме, а писал граф медленно и по-старинному, то в делах семейных – весьма властный и волевой характер его жены. Худощавый, хромой, вечно подхватывающий спадающие одежды Салтыков не вызывал теплых чувств у статс-секретаря императрицы, который отмечал в Николае Ивановиче такие качества, как уклончивость, хитрость, умение жить и ладить с людьми, отсутствие собственного мнения. Однако Грибовский не без иронии делал такое резюме: «Сей-то человек представлял

---

² Грибовский А. М. Записки о Екатерине Великой. М., 1989. С. 6.

в сие времена первое почти при дворе лицо: был генерал-аншеф, имел все российские ордена, председательствовал в военной коллегии, которая тогда была в полном своем действии и главным при воспитании великих князей; жил во дворце со всей фамилией, на всем придворном содержании, стоившем в год более 20 тысяч рублей, в которое время приобрел чрез сбережение своих доходов около 10 тысяч душ, да жалованных имел 6 тысяч и родовых столько же, – впрочем, был крайне скуп»³.

Еще один современник Салтыкова И. М. Долгоруков, близко знавший воспитателя великих князей, также видел в нем неприятные черты: «Человек пожилых лет, тонкий царедворец, ума самого изгибистого, совести иезуитской, а что б в коротком слове схватить весь его портрет – эгоист!»⁴.

Обратим внимание на главный эпитет, которым наградил Салтыкова Иван Михайлович. Салтыков-эгоист «внутренно любил только себя и не способен был благодетельствовать, когда требовалась на то некоторая упругость в характере, настойчивость в поступках и твердость в правилах. Он был тонкий политик и настоящий царедворец, ласков, приветлив, но пуст, когда дело доходило до каких-то настоящих услуг»⁵. И в самом деле, когда в конце екатерининского царствования на Долгорукого написали клевету о растрате, он запросил у Салтыкова протекции, однако, тот ответил ему «письмами кудрявыми, темными, много обещающими, и, если бы кто захотел в них выбрать прямой смысл, тот бы, конечно, ничего не нашел ясного и надежного в пользу просителя. Сии письма подобны засоренным источникам, из коих чистой воды трудно достать рюмку, а смеси много»⁶.

Долгоруков разделял мнение Грибовского в том, что в домашних делах Салтыков подчинялся влиянию жены своей Наталии Владимировны, урожденной Долгорукой, женщины властной и строгой⁷. Он так же упомянул, что, как и многие вельможи граф не был лишен дворянского чванства, на людей смотрел чрез призму их социального положения, не замечая за чинами или их отсутствием человека. В подтверждение этих слов Иван Михайлович привел случай из собственной жизни. Когда молодой Долгоруков решил жениться на бедной, но полюбившейся ему сироте, воспитаннице Смольного института Евгении Сергеевне Смирновой, Николай Иванович был в числе тех, кто отговаривал его от свадьбы, считая поступок юноши необдуманным: «Салтыков отпустил меня в отпуск на

---

³ Грибовский А. М. Указ. соч. С. 7

⁴ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788 года в августе месяце, на 26-ом году от рождения моего. СПб., 2004. Т. 1. С. 94.

⁵ Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М., 1998. С. 408.

⁶ Там же. С. 338.

⁷ Романов Н. М. Русские портреты XVIII–XIX столетий. СПб., 1996. С. 189.

две недели, но охотнее уволил бы меня на год. Потому что всем знатным моим покровителям женитьба моя была противна⁸». Можно было бы подумать, что граф занимал вполне предсказуемую позицию взрослого человека, умудренного жизненным опытом, – женитьба небогатого дворянина на бедной девушке в глазах многих представителей той эпохи выглядела безрассудно. Однако Долгоруков не без досады писал, что однажды Салтыков уже помешал его матримониальным планам. Долгоруков хотел жениться на Анне Ивановне Барятинской, выгодной во всех отношениях невесте. Однако Салтыков, пользуясь своим положением при дворе, предложил матери Анны Ивановны вместе с покровительством своего родственника в зятя. Родственником оказался граф Толстой, по мнению обиженного Долгорукого, человек весьма «ограниченный умом»⁹. Таков был Николай Иванович – своих людей продвигал, неудобным ему не помогал.

В мемуарах Долгорукого сквозит какая-то особенная неприязнь к Николаю Ивановичу: «Человек был странный, то есть худо воспитан, мало обучен, грубого от природы свойства, вспыльчив, высокомерен, суетлив, тщеславен, угождающ во всем страстям сердца и плоти»¹⁰. Иван Михайлович подчеркивал, что Салтыков становился с ним «сладок и приветлив», когда дела у Долгорукого шли хорошо, успехи его приписывал своим трудам, а когда фортуна отворачивалась от Ивана Михайловича, то и Николай Иванович, вслед за ней, становился «мягче хлопковой бумаги», исчезал из поля зрения, помочь не пытался. С восшествием на престол Александра I Долгоруков смел надеяться на восстановление справедливости, поправленной в павловское царствование, писал Салтыкову письма с просьбами похлопотать перед молодым императором, но Николай Иванович сетовал на невозможность повлиять на Александра и рекомендовал писать «прямые» письма во дворец, которые терялись среди сотен подобных. Зная о привязанности юного Александра к Салтыкову, мы можем с уверенностью сказать, что отказ Николая Ивановича в протекции мог иметь самые разные причины, и «невозможность повлиять» была в этом списке явно не на первом месте.

Известный мемуарист А. Т. Болотов, как и Долгоруков, дурно отзывался о Николае Ивановиче как «о не слишком дальнего и быстрого ума человеке»¹¹.

Саксонский поверенный Георг Адольф Вильгельм фон Гельбиг весьма прямолинейно высказался в своих воспоминаниях о Салтыкове: «Самый неспособнейший воспитатель царственных детей в Европе. Свойства был нетвердаго и ненадежнаго: случайным раболепствовал, а упавших чуждался»¹².

---

⁸ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. С. 136.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Там же. С. 136.

¹¹ Болотов А. Т. Памятник претекших времен, или Краткия историческия записки о бывших произшествиях и о носившихся в народе слухах. М., 1875. С. 68.

¹² Цит. по: Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. М., 1889. С. 257.

Но, пожалуй, самую едкую характеристику Салтыкову дал Ш. Массон, один из учителей великих князей: «Будучи главным наставником юных великих князей, он занимался в основном тем, что предохранял их от сквозняков»¹³.

Графиня В. Н. Головина тоже нелестно высказалась о Николае Ивановиче: «Граф Салтыков, коварный и лукавый интриган, так руководил его (Александра Павловича) воспитанием, что неизбежно должен был разрушить откровенность его характера, заменяя ее заученностью в словах и принужденностью в поступках»¹⁴. Графиня писала и о том, что воспитатель старался «подавить движения души» мальчика, внушал страх к отцу, одновременно отдаляя мальчика и от императрицы. Она характеризовала главного воспитателя как человека, который научил наследника обманывать и юлить: «Салтыков – человек коварный и лукавый, склонный к интригам, постоянно диктовал Александру, как тот должен себя вести, что непременно должно было искоренить в его характере искренность <...> Салтыков, желавший пользоваться расположением как императрицы, так и ее сына, понуждал юного великого князя к постоянной скрытности»¹⁵.

Действительно, в придворной науке Салтыкову не было равных. Поскользнуться на скользком придворном паркете было очень просто, но наш герой 68 лет ходил по нему медленно, опираясь на «костылек», «прихрамывая», но не падая. Этой же науке учил он и своих наставников. Как известно, старший из братьев добился в учении больших успехов. Близкий друг и товарищ молодого Александра Адам Чарторижский подчеркивал прозорливость Салтыкова. По его мнению, Салтыков удачно лавировал между двух дворов, большого и малого, пытаясь смягчить острые углы, скрыв половину сказанного: «Хитрый посредник всегда знал всю правду и остерегался, чтобы не проговориться, с его замашками и характером, очень мало подходил к тому, чтобы руководить воспитанием молодого наследника»¹⁶.

Исчерпывающий рассказ о характере графа мы можем составить, обратившись к личному архиву Ф. С. Лагарпа, учителя великих князей, который много лет работал под началом Салтыкова. Лагарп называл Николая Ивановича подлым и низким человеком, лишь подтверждая многие уже упомянутые характеристики. Учитель подозревал своего начальника в том, что тот, используя его мемуары, написанные на французском языке для Екатерины, при помощи доверенных лиц переводил их на русский язык и подавал Екатерине от своего лица: «Фельдмаршал Салтыков имел всевозможные способы навязывать свою волю тем, кто, подобно мне, имели военное звание. Сей большой начальник приказывал своим

---

¹³ *Masson Ch. Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et le commencement de celui de Paul I. Paris, 1800 T. 1. P. 76.*

¹⁴ *Головина В. Н. Мемуары. М., 2000. С. 74.*

¹⁵ *Рэй М. П. Александр Первый. М., 2013. С. 43.*

¹⁶ *Чарторижский А. Воспоминания и письма. М., 2010. С. 103.*

секретарям мемории мои и донесения переводить на русский, а затем за них награды получал, о бедном же чужестранце, чьим усердием и трудами пользовался, даже не вспоминал»¹⁷. «Пока граф за мой счет милости добывал, я вместо наград, им обещанных, получил афронт. Не постыдился он даже мне благодарность передать от имени Императрицы и Великого Князя и Великой Княгини, дабы оставить меня в убеждении, будто бы он мое сочинение с моею подписью представил. О подлость! О низость!»¹⁸. Лагарп за время своей службы подал на имя Екатерины несколько подробных меморий: две в 1784 г. (одна от 10 июня, вторая – в конце года), и еще пять в последующие года (20 сентября 1786 г., 31 марта и 17 сентября 1789 г., большую меморию от конца декабря 1790 г. и от 22 декабря 1791 г.). Приписывание чужих успехов себе – не самое низкое качество, которое отмечал Лагарп у Салтыкова.

Двуличие и лукавство Салтыкова проступают сквозь строки его ответного письма Лагарпу от 6 февраля 1791 г.: «Скажу вам как истинный и несомненный друг ваш, что ничего вы не потеряете ни теперь, ни в будущем. Не пожалеете, что здесь оказались. Будьте покойны и верьте, что я вам друг истинный». В этом же письме открывается причина, по которой Салтыков просил своих секретарей переводить письма: «Знаете вы, любезный господин де Лагарп, как мне трудно на французском писать»¹⁹. Салтыков, по всей видимости, плохо знал французский, и императрица могла бы заподозрить неладное, если бы Николай Иванович решился подавать ей мемории не на русском языке.

И остались бы прошения Лагарпа в ящике стола Салтыкова, если бы ни неожиданная болезнь Фредерика Сезара. Заболев и не имея достаточно средств на лечение, швейцарец вновь пишет Салтыкову, и, как сам признается, «решительный тон письма» и «намекы на мемории» «убедили графа, что кормить меня прекрасными обещаниями больше невозможно»²⁰. Салтыков испугался огласки, понимая, что Лагарп может набраться смелости и обратиться в императрицу напрямую, и выделил учителю 2000 рублей, сказав при этом, что прибавка эта к жалованию пожизненна. Однако, скорее всего, императрица даже не догадывалась о «прибавке». Лагарп предположил, что те 2000 рублей были выписаны из «кабинетных денег Великих Князей, которыми граф распоряжался полновластно». Однако и здесь Николай Иванович не сдержал слова, гонорар был выплачен Лагарпу лишь единожды.

Едкие характеристики, данные Николаю Ивановичу, оставшиеся на страницах мемуаров и дневников, перетекли и в исторические исследования разных лет.

---

¹⁷ Император Александр I и Фредерик Сезар Лагарп. М., 2014. С. 198.

¹⁸ Там же. С. 272.

¹⁹ Там же. С. 200.

²⁰ Там же. С. 199.

Впервые в российской историографии личностью Салтыкова заинтересовался Павел Петрович Свиньин. В «Записке о жизни генерал-фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова» (СПб., 1818), вышедшей через 2 года после смерти князя, автор дал высокую оценку его личности: «Россия лишилась одного из избраннейших сынов своих, потеряла мужа, отличившегося храбростью на поприще воинской службы, мудростью на совете правления, всеми гражданскими добродетелями украшенного»²¹. Свиньин рисовал портрет видного и уважаемого деятеля своей эпохи, отличающегося благородством, скромностью и «той добродетелью, которая во всех делах его была ему руководителем»²². Автор описывал Николая Ивановича как человека трудолюбивого, не щадившего своего покоя для пользы отечества, щедро осыпанного природою различными талантами, сохранившего живость ума до глубокой старости. «Величие его деяний» венчает то доверие, которое оказывали ему российские монархи, начиная от Елизаветы Петровны и заканчивая Александром Павловичем. При скромной оценке военных подвигов Салтыкова, оставившего военную службу в возрасте тридцати трех лет, Свиньин подчеркивал признание его заслуг во время службы при дворе и отмечал, что при всей важности занимаемых постов, Салтыков умел сохранить душевную простоту, «был доступен для всякого, приветлив в обхождении, охотно выслушивал имеющих нужду в его покровительстве и с удовольствием подавал пособие», был терпим и «всегда убежден в пользу человека», был глубоко религиозен и не начинал дня без сотворения молитвы. В быту он был неприхотлив и «роскошь почитал вредною». В характеристике, данной Салтыкову Свиньиным, нет ни слова о недостатках Николая Ивановича, лишь замечено, что «и он имел неблагодарных, но сие не ослабило его любви к благотворению. И он имел злодеев, но мщение было выше его правил»²³. Прекрасный семьянин, успешный царедворец, великодушный барин, жалеющий и послабляющий повинности собственных крестьян, – таким предстает перед нами Салтыков в панагерической «Записке» П. П. Свиньиной, написанной на смерть любимого воспитателя императора.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский в своей книге «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов» (СПб., 1840) в целом повторял риторику Свиньиной: «Несмотря на высокий сан свой, князь Николай Иванович был доступен для всякого, приветлив в обхождении, снисходителен к недостаткам других, и, будучи истинный ценитель достоинств, не оскорблял никого недоверчивостью без основательной причины»²⁴. Бантыш-Каменский подробно опи-

---

²¹ Свиньин П. П. Записки о жизни генерал-фельдмаршала князя Н. И. Салтыкова. СПб., 1818. С. 5.

²² Там же. С. 6.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. С. 202–203.

сывал карьерный взлет Салтыкова, не заостряя внимание на военной службе. Тонкими штрихами автор рисовал Салтыкова на войне: участвовал в заключении Ахенского мира, побеждал в Пруссии, сражался под знаменем Румянцева, был при взятии Колберга в 1761, содействовал взятию Хотина в 1769 году²⁵.

Близок к оценке названных авторов и Александр Иванович Вейдемейер. В своей книге «Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII века» (СПб., 1843) он так характеризовал Салтыкова: «Военные подвиги его были не значительны <...> Он пользовался особой благосклонностью всей Царской фамилии, всеобщим уважением и любовью. Тонкий царедворец, он был вместе кроток, ласков и всегда расположен к добру»²⁶.

Работы русских историков второй половины XIX – начала XX вв. демонстрируют более строгий подход к источникам, чем труды их предшественников. Расширился и сам круг источников, богаче стал общеисторический контекст, более критичными личностные оценки. Труды Д. Ф. Кобеко, Н. К. Шильдера, Е. С. Шумигорского относятся к классике русской исторической биографики. Не обошли в своих работах историки стороной и личность Николай Ивановича.

Дмитрий Фомич Кобеко в книге «Цесаревич Павел Петрович» (СПб., 1882) уделял большее внимание деятельности Николая Ивановича как обер-гофместера цесаревича. Историк привел положительную характеристику, данную Николаю Ивановичу Иосифом II во время заграничного путешествия Павла Петровича и Марии Федоровны в 1781–1782 гг., тем самым подчеркнув, что Салтыков заслужил свое звание «военными подвигами и честностью»²⁷. Также он процитировал письмо Екатерины к сыну от 6 ноября 1773 г., в котором она впервые писала о назначении Салтыкова. Императрица намекала Павлу на то, что Николай Иванович может стать тем надежным человеком в окружении цесаревича, на которого он может опереться и которому мог довериться: «Любезный сын, я назначила вам генерала Салтыкова с тем, чтобы в вашей свите было значительное лицо. Не для того, чтобы придать важность вашим выходам, но чтобы поддерживать соответствующий вашему положению порядок среди сопровождающих вас людей <...> Это человек исполненный честности и кротости, и везде, где он служит, им были довольны»²⁸. Автор также отметил, что изначально появление Салтыкова вызвало недоверие юноши. Описывая случай с камергером графом Д. М. Матюшкиным, который был недоволен назначением Салтыкова и намекнул цесаревичу, «зачем на самом деле» к нему был приставлен Николай Иванович, историк вставал на сторону Салтыкова.

---

²⁵ Бантыш-Каменский Д. Н. Указ. соч. С. 203.

²⁶ Вейдемейер А. И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII века. СПб., 1843. С. 41.

²⁷ Там же. С. 196.

²⁸ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1882. С. 178.

Кобеко отмечал главную задачу Салтыкова – быть посредником в сложных отношениях царствующей матери и великого князя. По всей видимости, Николай Иванович прекрасно справлялся с этой задачей, раз его переход на должность воспитателя малолетних Александра и Константина был воспринят Павлом с нескрываемым сожалением. Кобеко цитировал письмо Павла к Николаю Ивановичу, в котором великий князь писал, что императрица «с большой похвалой» отзывалась о Салтыкове, желая сделать его главным воспитателем своих внуков, и писал о Салтыкове, как о «благоразумном и хладнокровном» царедворце.

Борис Борисович Глинский, автор книги «Царские дети и их наставники» (СПб., 1899), давал такую характеристику Н. И. Салтыкову: «Сам Салтыков не представлял собою опытного и сведущего воспитателя и отвел себе очень скромную роль: следил, чтобы великий князь Александр и его брат не простужались, не болели, знакомил их с придворными обычаями и светскими манерами, а так же служил посредником между императрицею и учителями»²⁹.

Невысокого мнения о Салтыкове был и Василий Осипович Ключевский. В «Курсе русской истории» историк так описывал его: «Общий надзор за поведением и за здоровьем великих князей был поручен генерал-аншефу графу Н. И. Салтыкову, не блестящему, но типичному вельможе екатерининской школы, который твердо знал одно: как жить при дворе; делал, что говорила жена, подписывал, что подавал секретарь. Впрочем, его настоящей партитурой в этом педагогическом оркестре, по выражению Массона, было предохранять великих князей от сквозного ветра и засорения желудка»³⁰.

В том же ключе описывал Салтыкова Николай Карлович Шильдер. Он лишь дополнил общий портрет незначительными штрихами: «Николай Иванович Салтыков был, согласно установившемуся мнению, ни что иное как ограниченный царедворец, весьма твердо знавший придворную науку. Отличительной чертой его характера была угодливость»³¹. Историк полагал, что Екатерина не придавала серьезного значения воспитательным качествам Салтыкова. Шильдер писал, что причина выбора Салтыкова воспитателем юных великих князей крылась в благоклонном расположении к нему Павла и Марии Федоровны. По мнению автора, Салтыков являлся той «ширмой», за которой могла спрятаться императрица, когда речь заходила о воспитании внуков. Он умел смягчать гнев императрицы, был ее надежной опорой в делах воспитания внуков, транслятором ее воли и связующим звеном с семьей сына.

Сходным образом в книге «Император Павел Первый: его жизнь и царствование» (СПб., 1907) описывал Салтыкова и Евгений Севастьянович Шумигор-

---

²⁹ Глинский Б. Б. Царские дети и их наставники. Ростов-на-Дону, 1997. С. 191.

³⁰ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М., 1993. Т. 3. С. 357.

³¹ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. С. 189.

ский. По мнению историка, главным пунктом раздора между великокняжеской четой и императрицей всегда были дети – Александр и Константин. У царственной бабушки были свои виды на их воспитание, которые часто шли вразрез с мнением родителей мальчиков. Шумигорский писал о том, что Салтыков учил юного Александра Павловича лавировать между противоположными жизненными взглядами членов своей семьи, отчего мальчик рос уклончивым, двуличным, скрытным.

Великий князь Николай Михайлович, давая в своей книге «Император Александр Первый» колкую характеристику образованию и воспитанию царских наследников, назвал Салтыкова «лукавым воспитателем, все время игравшим на два фронта»³², возлагая тем самым на него ответственность за формирование двуличного характера молодого Александра.

Советских историков вопросы воспитания наследников престола и биографии екатерининской элиты интересовали мало. Так, в достаточно полной биографии Екатерины II, написанной Н. И. Павленко, Николай Иванович Салтыков даже не упоминается.

Современные исследователи дают Салтыкову характеристики, схожие с теми, которые были предложены историками XIX столетия. Так, Николай Алексеевич Троицкий считал, что Салтыков был «хорош как дядька, а не педагог»³³. Андрей Валерьевич Скоробогатов признает опыт и хитрость Салтыкова, указывая на то, что тот лишь формально исполнял распоряжение императрицы и сообщал ей лишь краткие сведения о маршрутах, встречах и расходах Павла Петровича³⁴. Александр Николаевич Архангельский в книге «Александр I» цитирует Массона, повторяя расхожую фразу о том, что основной задачей Салтыкова стала задача предохранить великих князей от сквозняков и засорения желудка³⁵. Леонид Михайлович Ляшенко также оценивает Салтыкова невысоко: «Подобный наставник никакими педагогическими задатками и идеями в принципе не мог и даже внешне выглядел весьма непривлекательно»³⁶. Майя Александровна Кучерская дает собирательный и непривлекательный портрет воспитателя: «Большая голова графа была вместилищем ума пусть не обширного, зато великолепно освоившего непростую роль посредника меж императрицей и великим князем Павлом Петровичем. Угодливый до раболепия»³⁷. Французская исследовательница Мари Пьер Рэй, соглашаясь с большинством историков об отсутствии педагогических талан-

---

³² Романов Н. М. Император Александр Первый: биография. М., 2010. С. 301.

³³ Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 48.

³⁴ Скоробогатов А. В. Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М., 2005. С. 85.

³⁵ Архангельский А. Н. Александр I. М., 2006. С. 16.

³⁶ Ляшенко Л. М. Александр I: самодержавный республиканец. М., 2014. С. 42.

³⁷ Кучерская М. А. Константин Павлович. М., 2013. С. 31.

тов у Николая Ивановича, однако пишет о том, что воспитатель сумел окружить Александра отеческой любовью и заботой, за что тот был ему благодарен и сохранил теплые чувства к нему до самой смерти³⁸.

Сергей Алексеевич Мезин в предисловии к русско-итальянскому изданию писем Екатерины II к Н. И. Салтыкову менее критичен к личности Николая Ивановича, чем остальные исследователи. Не отрицая, что Николай Иванович не смог добиться значительных успехов в военной службе, историк указывает на то, что Салтыков успешно реализовал себя на придворном поприще: «Здесь емугодились такие качества, как умение ладить с людьми, распорядительность и расторопность, твердость в исполнении воли монархов»³⁹. Характеризуя Салтыкова как образованного, не раз бывавшего за границей, набожного, семейного, с высоким уровнем культуры человека, историк дает иное прочтение его значения в процессе воспитания будущих монархов.

В одной из последних работ, посвященных эпохе екатериненского царствования, вышедшей из-под пера Н. Н. Зазулиной, о Николае Ивановиче сказано вскользь. По мнению историка, Салтыков, «будучи преданным слугой матушки-государыни, сумел стать другом Павла Петровича»⁴⁰. Зазулина также отмечает, что в отличие от дипломатичного, аккуратного в словах и поступках Николая Ивановича, его жена Наталья Владимировна расположением великокняжеской четы не пользовалась.

Подводя итоги, следует сказать, что несмотря на противоречивость оценок современников Николая Ивановича и историков, писавших о екатериненской, павловской и александровской России, учитывая сложность и неординарность личности главного воспитателя великих князей, в современной исторической литературе о нем не написано ни одной работы, которая могла бы всесторонне раскрыть его жизненный путь.

А между тем Николай Иванович Салтыков был успешным царедворцем, отличавшимся особой гибкостью, дипломатичностью. Осознавая те выгоды, которые сулило ему его положение, он не рисковал, всегда действовал аккуратно и деликатно. Многие современники и исследователи сошлись во мнении, что он был небольшого ума. Однако это не совсем так, поскольку в подобном случае Салтыков никогда бы не продержался на российском политическом Олимпе несколько десятилетий. Возможно, маска недалекого, услужливого, даже в чем-то лицемерного придворного стала хорошей ширмой, скрывающей и ум, и стремление удержаться у власти. До нас не дошло ни одной страницы дневника Салтыкова,

---

³⁸ Рэй М. П. Александр I. С. 44.

³⁹ Мезин С. А. «Вы у меня первый в списке усердных...» // Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову. Милан, 2005. С. 89.

⁴⁰ Зазулина Н. Н. Миссия великого князя: путешествие Павла Петровича в 1781–1782 гг. М., 2015. С. 55.

поэтому заглянуть за привычную маску Николая Ивановича в полной мере нам не удастся. Однако, сравнив вышеуказанные точки зрения, хочется выдвинуть предположение о том, что Николай Иванович был для царских наследников больше, чем просто придворный воспитатель. Согласимся с Мари Пьер Рэй, которая выдвинула тезис о том, что главный воспитатель, умея сгладить углы внутрисемейных конфликтов, окружил мальчиков необходимой им заботой, за что последние были ему искренне благодарны. Так, император Александр лично проводил в последний путь своего старого воспитателя, пройдя за гробом пешком до самого кладбища.

В отношении нижестоящих Салтыков был типичным придворным-руководителем, который нередко пользовался трудами своих подчиненных, боялся их возвышения, успехи замалчивал или выдавал за свои, был лукав, осторожен, умел приспособливаться, ладить с другими людьми, был угодлив, уклончив. Конечно, это не красит Николая Ивановича, но и не выделяет из круга ему подобных.

Несмотря на нелюбимые оценки придворных, доброе расположение к царедворцу выказывали и Екатерина II, и Павел I, и его сыновья – Александр и Константин. Настолько разные царствования, настолько разные характеры, но при царственных особах все тот же Николай Иванович.

С. П. Шевырев в истории Саратовской губернии

Степан Петрович Шевырев (1806–1864) – выдающийся деятель русской науки и публицистики первой половины XIX века. В историю русской общественной мысли он вошел как один из поборников теории «официальной народности». Однако этим не исчерпывается его вклад в развитие русской культуры. Шевырев был темпераментным полемистом в области литературной критики. На протяжении тридцати лет он был сотрудником целого ряда журналов и альманахов и, по словам современного исследователя его творчества В. М. Марковича, привлекал всеобщее внимание¹. Его взгляды и его личность вызывали разноречивые оценки. Маркович пишет, что они создают как бы два противоположных образа Шевырева. Его «отрицательный образ», сложившийся на основе суждений о нем А. И. Герцена, С. М. Соловьева, братьев Аксаковых, Н. В. Станкевича, А. Н. Афанасьева, В. Г. Белинского, оказал влияние на оценки его деятельности у более поздних историков русской литературы и общественной мысли. Однако, как подчеркивает Маркович, авторитетные отзывы А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, И. Ф. Буслаева создают «положительный образ» Шевырева².

Для современников представлялись совершенно очевидными заслуги Шевырева в области изучения истории русской литературы. Широко известна его преподавательская деятельность в Московском университете, в котором он получил звание профессора. В энциклопедических изданиях рубежа XIX–XX вв. Шевырев представлен как историк русской словесности, профессор, критик. Упоминается также и его поэтическое творчество³. Позднее, в трудах историков и литературоведов XX в. преобладал односторонний и предвзятый подход к его научной и литературно-публицистической деятельности. Шевырева чаще всего воспринимали лишь как одного из ярых поборников «официальной народности»⁴. Эта сторона воззрений Шевырева отмечена и в биографическом очерке о нем, помещенном в «Большой энциклопедии». Здесь подчеркивается также и его позиция в области литературной критики 1840–50-х гг., отмечено, что Шевырев выступал

---

¹ Маркович В. М. Уроки Шевырева // *Шевырев С. П.* Об отечественной словесности. М., 2014. С. 7.

² Там же.

³ См.: Шевырев // *Энциклопедический словарь* / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1903. Т. 39. С. 361–364; *Н. Ч. Шевырев Степан Петрович* // *Русский биографический словарь*: Шебанов – Шютц. СПб., 1911. Репринт. воспроизвед. М., 1999. С. 19–29.

⁴ Маркович В. М. От составителя // *Шевырев С. П.* Об отечественной словесности. С. 5.

«как противник Белинского, натуральной школы и реалистического направления литературы в целом»⁵.

Для саратовцев личность и подробности биографии Шевырева представляют особый интерес. Он был уроженцем Саратова, дворянином Саратовской губернии. В автобиографии, помещенной в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета»⁶, сказано, что Шевырев родился в Саратове 18 октября 1806 г. и что он происходил от потомственных дворян Саратовской губернии⁷. Этот факт хорошо известен, он неоднократно повторялся в биографических справках и в исследованиях. Однако в трудах саратовских историков имя Шевырева встречается редко, несмотря на его громкую известность.

В дореволюционный период только Н. Ф. Хованский поместил очерк о нем в одном из разделов своей книги, посвященной истории Саратовской губернии⁸. Хованский использовал названную выше автобиографию Шевырева. В конце очерка он указывает некоторые исследования и источники, которые также были им привлечены, – книгу Н. В. Гербеля «Русские поэты», публикации в «Русском архиве», а также письма М. П. Погодина к Шевыреву, опубликованные Н. П. Барсуковым⁹. Хованский постарался использовать и саратовские материалы. Он уточнил сведения о сроках пребывания отца Шевырева в должности предводителя дворянства Саратовской губернии на основании публикации местных источников¹⁰. Необходимо учитывать, что книга Хованского вышла в свет задолго до опубликования биографии Шевырева в энциклопедических словарях. При этом составленный им биографический очерк отличается основательностью и содержит обоснованные сведения.

Хованский охарактеризовал Шевырева как человека, имеющего «громкую известность в русской литературе», известного также и за границей¹¹. Вероятно, читателям книги Хованского было бы интересно узнать, каким образом Шевырев был связан с родной Саратовской губернией в те годы, когда он был столь зна-

---

⁵ Шевырев Степан Петрович // Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах. М., 2006. Т. 59. С. 103.

⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 года. по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. М., 1855. Ч. 2. С. 603–624.

⁷ Там же. С. 603.

⁸ [Хованский Н. Ф.]. Очерки истории г. Саратова и Саратовской губернии Н. Ф. Хованского Саратов, 1884. Вып. 1. С. 82–89.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Там же.

менит. Однако сведений такого рода автор книги не приводит. Очевидно, он их не имел. В XX в. имя Шевырева в историографии Саратовского края почти не встречается. В 1923 г. А. А. Гераклитов упомянул Шевырева как уроженца Саратова в своем очерке по истории губернского города, но никаких подробностей из его биографии не сообщил¹².

Отсутствие интереса со стороны саратовских историков к личности Шевырева и к его судьбе в XX в. можно объяснить отмеченным выше предвзятым подходом к его взглядам и деятельности, который существовал в советской историографии. Однако и в предшествующем столетии саратовские краеведы не жаловали вниманием этого знаменитого в свое время человека. Как было сказано, только Хованский занимался изучением его биографии. Причины такого отношения к Шевыреву со стороны саратовских историков, очевидно, связаны и с особенностями его общественной позиции, и с событиями его жизни. Кроме того, Шевырев, как сын землевладельца Саратовской губернии, как член местного дворянского общества, конечно, имел в нем определенную репутацию. Она могла оказать влияние на отношение к нему местных авторов.

Обратим внимание на то, что в последние годы жизни Шевырева, которые он провел в Европе, куда он уехал в 1860 г., среди его коллег в России уже фактически отсутствовал интерес к его творчеству и к его суждениям. В начале XX в. Н. П. Барсуков писал: «Известие о кончине Шевырева было принято у нас с возмущительным равнодушием. Краткое упоминание в “Дне” Аксакова об его кончине, два-три слова в “Московских ведомостях” об его заслугах, и только»¹³. В связи с этим Барсуков приводил высказывание Я. К. Грота: «В последние годы жизни Шевырева обстоятельства его приняли особенно неблагоприятный для него оборот. Вследствие разных прискорбных случайностей его прежние заслуги были забыты – что едва ли послужит к чести нашей эпохи – не раздался ни один голос в защиту человека, оказавшего существенную пользу науке. Пусть Шевырев имел свои человеческие слабости <...> в глазах потомства ничто не должно заслонять его значения как ученого и как писателя»¹⁴.

Неблагоприятные обстоятельства, на которые намекал Грот, были связаны как со служебной деятельностью Шевырева, так и с его общественно-политическими взглядами. Особенности характера этого известного человека во многих случаях приводили к обострению ситуации. Его успех в качестве преподавателя Московского университета не был устойчивым, хотя он пользовался благоволением начальства. Б. Н. Чичерин, который слушал его лекции в университете,

---

¹² Гераклитов А. А. Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов, 1923. С. 33.

¹³ Барсуков Н. П. [Предисловие] Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимова к князю П. А. Вяземскому // Старина и новизна: Исторический сборник. СПб., 1901. Кн. 4. С. 15.

¹⁴ Там же.

писал о нем: «Образованный, обладающий живым и щеголеватым слогом, он произвел большой эффект при вступлении на кафедру <...> Его погубило напыщенное самолюбие, желание играть всегда первенствующую роль, и, в особенности, зависть к успехам Грановского»¹⁵. Шевырев был одним из главных организаторов празднования столетия Московского университета в 1855 г. О проведении этого масштабного мероприятия Чичерин отозвался следующим образом: «На самом празднестве пошлость выдвигалась вперед на каждом шагу в каком-то умиленном упоении. Шевырев написал раболепную кантату, которая декламировалась на акте с аккомпанементом оркестра <...> На обеде Шевырев прочел торжественную оду в честь Назимова»¹⁶.

Празднование юбилея не прибавило ему популярности ни в среде либеральной профессуры, ни в среде студентов. В 1856 г. он начал хлопотать об уходе на пенсию из университета по выслуге лет, желая остаться «деятельным академиком» (он имел звание ординарного академика). Попечитель университета просил его не торопиться с отставкой¹⁷. Однако в 1857 г. он был уволен от должности профессора не по собственному желанию, а вследствие неприятного инцидента¹⁸. Некоторые подробности этого события описаны в воспоминаниях Чичерина. Правда, он не являлся очевидцем, а писал с чужих слов.

Он сообщает: «На каком-то смешанном заседании, происходившем в стенах университета, граф Василий Алексеевич Бобринский разглагольствовал о тогдашнем положении дел, бранил Россию и все русское. Шевырев, тут присутствовавший, возражал очень резко и упрекнул Бобринского в недостатке патриотизма. Тот отвечал дерзостью. Тогда Шевырев, как рассказывали, воспламенившись, подскочил к Бобринскому и дал ему пощечину. Бобринский был человек атлетического сложения, он бросился на Шевырева, повалил его на пол и так отколотил, что тот слег в постель»¹⁹. В этом рассказе любопытна позиция Чичерина в отношении последовавших далее событий. Его возмущает поведение Шевырева, который не вызвал на дуэль своего обидчика: «Не только не произошло дуэли, но публично исколоченный профессор писал и пускал по городу самые пошлые письма, в которых, рассказывая происшедшее с ним несчастье, объяснял, что чувствует себя вполне удовлетворенным тем вниманием, которое ему оказывали:

---

¹⁵ Чичерин Б. Н. Воспоминания // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 141.

¹⁶ Там же. С. 149. Генерал В. И. Назимов – попечитель Московского учебного округа.

¹⁷ См: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому. С. 158–159.

¹⁸ Н. Ч. Шевырев Степан Петрович // Русский биографический словарь. С. 26.

¹⁹ Чичерин Б. Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 390.

граф Закревский²⁰ присылал узнать о его здоровье, а попечитель²¹ сам приезжал его навестить»²².

Чичерин писал, что после этих событий Шевырев подал в отставку. Однако автор очерка о Шевыреве в «Русском биографическом словаре» сообщает, что профессор не сам ушел из университета, а был уволен, мало того, ему было предписано ехать в Ярославль, но по состоянию здоровья разрешено остаться в Москве²³. Эти события, а также ухудшение здоровья привели Шевырева к решению об отъезде за границу. В августе 1860 г. он писал П. А. Вяземскому: «Чувствую потребность другой атмосферы. Здесь боюсь впасть в материализм и умереть духом»²⁴. В том же году он уехал из России и на родину уже не возвращался.

Конечно, имя Шевырева не было совершенно забыто в России после его отъезда в Европу. Вскоре после его смерти М. П. Погодин опубликовал свои воспоминания о нем²⁵. В монографии Барсукова, посвященной Погодину, автор не обошел молчанием свидетельства о его взаимоотношениях с Шевыревым, в ней использованы фрагменты его переписки²⁶. В начале XX в. в энциклопедических словарях, как сказано выше, появились биографические очерки о Шевыреве.

В течение XX века помимо устойчивой традиции негативной оценки взглядов Шевырева среди литературоведов существовало стремление ряда авторов, как пишет Маркович, «преодолеть инерцию» одностороннего подхода и «оценить его деятельность объективно». В связи с этим Маркович называет имена М. И. Аронсона, Ю. В. Манна, Е. А. Маймина²⁷. В начале XXI в. в связи с двухсотлетием Шевырева, которое пришлось на 2006 г., появились посвященные ему статьи²⁸. Можно сказать, что интерес к его личности и деятельности не ослабевает и в настоящее время²⁹. Вполне закономерно то, что его жизнь и творчество

---

²⁰ Граф А. А. Закревский – военный генерал-губернатор Москвы.

²¹ Имеется в виду генерал В. И. Назимов.

²² Чичерин Б. Н. Студенческие годы. С. 390

²³ Н. Ч. Шевырев Степан Петрович // Русский биографический словарь. С. 26.

²⁴ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича. С. 173.

²⁵ [Погодин М. П.] Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве М. Погодина. СПб., 1869.

²⁶ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2.

²⁷ См.: Маркович В. М. Уроки Шевырева. С. 8.

²⁸ См.: Алексеева Е. Д. С. П. Шевырев и столетний юбилей Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2004. № 2. С. 106–120; Зыкова Г. В. «Наша ярославская филология» и журналистика середины XIX века (Споры о книге С. П. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 1. С. 209–212.

²⁹ См.: Рамазанова Г. Г. Некоторые штрихи к портрету С. П. Шевырева. (Новые документальные свидетельства о нем) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 86–90; Ильина К. А. Защита диссертации С. П. Шевырева или рождение «русского профессора» // Российская история. 2015. № 1. С. 74–80. Парсамов В. С. «История императорского Московского университета» С. П. Шевырева: от скандала к юбилею // Там же. С. 89–112.

в большинстве случаев рассматриваются в контексте истории Московского университета, либо в связи с ней. Ведь Шевырев преподавал в университете свыше двадцати лет. Сравнительно недавно, в 2004 г., Марковичем была осуществлена публикация работ Шевырева о проблемах развития русской литературы³⁰. В статье, написанной составителем, сделана попытка показать заслуги Шевырева в области литературной критики, выяснить истоки и эволюцию его взглядов в свете его общефилософских представлений³¹.

Маркович характеризует его вклад в развитие русской литературы и в ее изучение следующим образом: «Степан Петрович Шевырев принадлежит к числу основоположников отечественной литературной критики и науки о литературе. Он <...> едва ли не первым сумел претворить новые эстетические идеи и новый критический метод. Не менее важная заслуга Шевырева заключалась в том, что он одним из первых в России поставил изучение литературы и эстетики на историческую почву, одним из первых стал рассматривать эволюцию художественной мысли как отражение духовной и общественной жизни народа»³².

В трудах саратовских исследователей в начале нашего столетия также проявился интерес к жизни и творчеству этого широко известного деятеля русской культуры. В 2005 и в 2006 годах в журнале «Волга XXI век» вышли статьи, посвященные Шевыреву. Историк литературы Ю. С. Воронов опубликовал свою работу, в которой он называет Шевырева выдающимся поэтом и мыслителем³³. Основное внимание Воронов уделил взаимоотношениям нашего земляка с Пушкиным и Гоголем. Иной характер имеет совместная статья М. А. Чернышева и А. Н. Юматова, которая появилась в печати на год раньше. Несомненной заслугой авторов статьи является то, что впервые в местной историографии они показали связи Шевырева с Саратовской губернией³⁴. В качестве источников в ней использованы документы дела о дворянском достоинстве Шевыревых из фондов государственного архива Саратовской области (далее – ГАСО). Кроме того, в статье на основании изучения публикаций материалов собрания песен, былин и духовных стихов П. В. Киреевского приведены сведения о работе Шевырева по собиранию фольклора в Саратовской губернии.

Эта сторона его деятельности ранее не привлекала внимания биографов Шевырева и остается мало изученной. В конце XIX в. А. Н. Пыпин в своем труде по истории русской этнографии, в котором деятельность фольклористов рассматривается как одно из направлений этнографических исследований, не называет

---

³⁰ Шевырев С. П. Об отечественной словесности. М., 2014.

³¹ Маркович В. М. Уроки Шевырева. С. 7–56.

³² Маркович В. М. От составителя. С. 5.

³³ Воронов Ю. С. Патриарх русской «поэзии мысли» // Волга XXI век. 2006. № 9–10. С. 171.

³⁴ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Если коснуться сердцем: три страницы саратовской биографии Степана Петровича Шевырева // Волга XXI век. 2005. № 9–10. С. 158–172.

имени Шевырева в связи с созданием собрания П. В. Киреевского³⁵. Пыпин упоминает Шевырева только как историка русской литературы³⁶. Участие Шевырева в формировании «первого и важнейшего монументального собрания русского фольклора» (имеется в виду собрание Киреевского) отметил М. К. Азадовский уже в середине XX века³⁷.

В монографии Азадовского, посвященной истории изучения русского фольклора, имя Шевырева упоминается довольно часто. Правда, подчеркивая общественно-политические позиции каждого из участников обширного круга писателей и публицистов, которые занимались собиранием и пропагандой народного творчества в то время, Азадовский называет Шевырева представителем «крайне правого фланга фольклористики»³⁸. Следует заметить, что отношение Азадовского к «лозунгам официальной народности» заметно отличается от мнения большинства исследователей. Он пишет, что «под лозунгами официальной народности объединялись не только все реакционные элементы страны», они имели гораздо больший диапазон распространения, и их использование можно встретить «у различных представителей общественных течений 30-х годов, не принадлежавших непосредственно к реакционному лагерю»³⁹.

Таким образом, можно сказать, что роль Шевырева в изучении русского фольклора оказалась в поле зрения специалистов в этой области, а также и его биографов только в середине XX века. Причиной невнимания биографов Шевырева к этой сфере его интересов можно считать его собственные указания о своих научных достижениях. В своей автобиографии Шевырев не упоминал занятия по собиранию русского фольклора. Дело в том, что фольклорные исследования в его эпоху, по словам Азадовского, «еще не обособились в единое и самостоятельное целое и развивались в недрах историко-литературного процесса». Данная ситуация была характерна для XVIII в., она сохранялась и в первые десятилетия XIX века. «Первые фольклористы, – писал Азадовский, – это, прежде всего, литераторы и публицисты, и как таковые они ведут работы по собиранию и изданию фольклора»⁴⁰. Возможно, по этой причине Шевырев не считал свой интерес к устному народному творчеству достойным особого внимания.

Саратовские исследователи Чернышев и Юматов обратились к этой стороне деятельности Шевырева и сделали первый шаг в направлении изучения связей знаменитого ученого и публициста с Саратовским Поволжьем. В их статье представлены сведения о том, что Шевырев во время своих поездок в Саратовскую

---

³⁵ [Пыпин А. Н.] История русской этнографии А. Н. Пыпина. СПб., 1890. Т. 1. С. 222.

³⁶ Там же. С. 252.

³⁷ Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958. С. 328.

³⁸ Там же. С. 173.

³⁹ Там же. С. 240.

⁴⁰ Там же. С. 26.

губернию записывал русские народные песни в селе Даниловке Петровского уезда⁴¹. Тексты четырех песен, записанных им, вошли в публикацию «Песни, собранные П. В. Киреевским» (изданы в 1860–74 гг., так наз. «Старая серия» из десяти выпусков), – «Мастрюк», «Степан Разин», «Поездка Петра I в Шлиссельбург», «Илья Муромец на Соколе-корабле». В данной публикации есть указания относительно первых трех песен о том, что они записаны Шевыревым в селе Даниловке Петровского уезда Саратовской губернии. Четвертая из названных песен опубликована без упоминания автора записи, однако место записи – та же Даниловка – дает основание предполагать, что ее также фиксировал Шевырев⁴².

Относительно времени, когда были сделаны эти записи, свое предположение высказал П. Д. Ухов, которым в середине XX в. были обнаружены не известные ранее обширные материалы собрания Киреевского. Он полагал, что записи были сделаны между 1830 и 1848 годами. (Проверить эти данные у него не было возможности, поскольку автографы Шевырева в изученных им рукописных комплексах собрания Киреевского не сохранились.) Никаких помет о времени записей ему найти не удалось⁴³.

По контексту статьи Чернышева и Юматова можно сделать вывод, что фольклорные записи Шевырева в Саратовской губернии авторы относят к лету 1827 г., когда он побывал в Саратове и в своем имении⁴⁴. Имение это – село Адовщина Ивановское тож, находилось в совместном владении Шевырева с его братьями. Имеется свидетельство о том, что Шевырев был в Ивановском не только в 1827 г, но и следующим летом. Н. П. Барсуков в биографии М. П. Погодина приводит отрывок из его дневника за 1828 г., в котором автор цитирует фразу Шевырева из письма, написанного в Ивановском⁴⁵. В 1841 г. Шевырев также побывал в Саратовской губернии. В его письме к П. А. Вяземскому от 23 июля этого года сказано: «Третьего дня вечером возвратился я из Саратовской губернии, куда ездил с женою и сыном»⁴⁶.

На основании этих данных можно говорить о том, что Шевырев поддерживал связи с родной губернией. Об этом свидетельствуют и документы дела о дворянском достоинстве рода Шевыревых, которое хранится в фонде саратовского дворянского депутатского собрания. В декабре 1812 г. состоялось решение дворянского собрания о внесении в шестую часть родословной книги губернии его отца

---

⁴¹ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 165.

⁴² См.: [Ухов П. Д. Баландин А. И.] С. П. Шевырев // Литературное наследство. Т. 79. Песни, собранные писателями: новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 511.

⁴³ [Ухов П. Д. Баландин А. И.] С. П. Шевырев. С. 511.

⁴⁴ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 163–165.

⁴⁵ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. С. 179.

⁴⁶ Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому. С. 137.

Петра Сергеевича «с родом»⁴⁷. Правда, в 1838 г. выяснилось, что он не представил метрических свидетельств своих сыновей Александра, Степана и Ерминигельда, которые были необходимы для решения о внесении их имен в родословную книгу⁴⁸.

По этому поводу велась переписка, сохранившаяся в деле о дворянском достоинстве. Несмотря на то, что метрического свидетельства С. П. Шевырева в деле не имеется, возможно, оно было представлено в дворянское собрание. Во всяком случае, сам Степан Петрович не встретил затруднений, когда просил дворянское собрание о внесении уже своих собственных детей в родословную книгу. В январе 1841 г. он подал прошение о внесении своего сына Бориса, родившегося в 1835 г., в шестую часть родословной книги Саратовской губернии⁴⁹. В 1848 г. — прошение о внесении в родословную книгу сына Петра и дочери Екатерины⁵⁰. Прошения были рассмотрены, и дети Шевырева были записаны в родословную книгу как дворяне Саратовской губернии⁵¹. Оба прошения, хранящиеся в деле, являются автографами Шевырева.

Для того чтобы войти в состав дворянского общества той или иной губернии, дворянин должен был обладать имением на ее территории. В документах XVIII–XIX вв., подтверждающих права дворянина на его социальный статус, указывалось число крепостных крестьян, которые ему принадлежали. Шевырев получил по наследству от отца часть его имущества. По раздельному акту, составленному в сентябре 1838 г. наследниками П. С. Шевырева, Степану Петровичу принадлежали 60 душ крепостных мужского пола — в селе Ивановском Адоевщина Шевырево тож, в деревнях Дуровке и Елшанке Шевырево тож⁵². Село и деревни находились в Саратовском уезде.

Следует заметить, что со времени смерти отца (1821 г.) и до составления раздельного акта прошло семнадцать лет, в течение которых наследники П. С. Шевырева владели его имуществом нераздельно. «Семейное гнездо» — усадьба Шевыревых находилась в селе Ивановском⁵³. В усадьбе жил старший брат Степана Петровича Александр. Во всяком случае, в 1855 г. в метрическом свидетельстве о рождении его дочери Марии указана церковь, которая находилась в этом селе⁵⁴. Это означает, что Александр с семьей жил именно в Ивановском.

---

⁴⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 402. Л. 61–62.

⁴⁸ Там же. Л. 98 об.

⁴⁹ Там же. Л. 111.

⁵⁰ Там же. Л. 152.

⁵¹ Там же. Л. 136–136 об., 157 об.–158.

⁵² Там же. Л. 140 об.

⁵³ Там же. Л. 143.

⁵⁴ Там же. Л. 248.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отдельном акте не упоминается село Даниловка Петровского уезда. Следовательно, в нем у Шевыревых не было владения. Это подтверждается данными, которые помещены в «Списке населенных мест Саратовской губернии» по сведениям 1859 года⁵⁵. Между тем, именно в Даниловке Петровского уезда, как указывалось выше, Шевырев записал народные песни, которые вошли в собрание Киреевского. В работах специалистов по истории изучения фольклора встречается мнение о том, что Даниловка была именем Шевыревых. Чернышев и Юматов также в своей статье с уверенностью пишут об этом⁵⁶. Однако приведенные сведения опровергают сложившееся мнение. Возникает вопрос, почему записи песен Шевырев сделал в названном селе. Его решение требует привлечения дополнительных материалов, особенно – материалов о родственных связях его семьи.

Как дворянин Саратовской губернии Шевырев, конечно, мог иметь в среде местного благородного сословия и друзей, и недоброжелателей. Чернышев и Юматов обратили внимание на документы дворянского собрания, в которых был освещен конфликт, разгоревшийся в 1806 г. между отцом С. П. Шевырева Петром Сергеевичем и его племянником. Внутрисемейный спор приобрел широкую огласку – статский советник Есипов, который исполнял в то время обязанности губернского предводителя дворянства, зачитал в дворянском собрании жалобы племянника на П. С. Шевырева, «наполненные одними клеветами» (по словам самого Шевырева). Петр Сергеевич считал, что публичное оглашение жалоб было сделано в целях его дискредитации. По его мнению, споры между родичами Есипов использовал для того, чтобы не допустить избрания П. С. Шевырева на должность губернского предводителя дворянства. Шевырев написал жалобу в Министерство внутренних дел. В 1807 г. саратовский губернатор А. Д. Панчулидзе по требованию министерства вынужден был выяснять обстоятельства этого происшествия⁵⁷.

Кто был прав в конфликте между родственниками, судить сейчас трудно (речь шла о претензиях денежного характера). Однако известно, что в 1807 г. должность предводителя дворянства занимал уже не Есипов, а статский советник и кавалер Е. Т. Юнгер⁵⁸. Возможно, действия Есипова по отношению к семейному спору Шевыревых были признаны неправомочными, и ему пришлось покинуть пост предводителя. Чернышев и Юматов полагают, что «обида», которую пережил П. С. Шевырев от саратовского дворянства, «привела его позднее к мысли покинуть с семьей город». Авторы цитируемой статьи пишут о том, что

---

⁵⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. 35: Саратовская губерния. СПб., 1862. С. 14, 36, 37.

⁵⁶ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 162–163.

⁵⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 190. Л. 17–18.

⁵⁸ Там же. Л. 33.

Шевыревы переехали в Москву⁵⁹. Однако в автобиографии С. П. Шевырева, помещенной «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета», имеются недвусмысленные указания на то, что его семья в Москве не проживала. Здесь говорится, что на двенадцатом году жизни он был привезен матерью в Москву, и был принят в университетский благородный пансион⁶⁰. И далее указана следующая подробность о жизни мальчика в Москве: «Из пансиона он часто ездил в дом А. В. Евреинова, которого семейство заменяло ему на чужбине семью родную»⁶¹.

Хотя П. С. Шевырев не переехал с семьей в столицу, последствия конфликта 1806 г., возможно, сказались на его дальнейших взаимоотношениях с дворянским обществом в Саратовской губернии. Материалы дела о дворянском достоинстве, в которых описаны подробности столкновения Петра Сергеевича с родственником, а заодно – и с губернским предводителем дворянства, говорят о том, что ему были чужды всепрощение и смирение. Вероятно, именно от отца Степан Петрович унаследовал свой «взрывной» характер.

Его особенности сыграли не последнюю роль в том, как современники оценивали заслуги С. П. Шевырева. Его столкновения с окружающими по разным поводам доставляли неприятности его друзьям. Барсуков, основываясь на материале дневников друга Шевырева Погодина, пришел к выводу, что «несмотря на дружбу, между ними происходили частые столкновения». В подтверждение этого Барсуков приводит фразы из дневника Погодина за 1828 г.: «Бранил Шевырева за некоторые нелепые выходки», «Раздосадовал бестолковый Шевырев», «Крик с Шевыревым»⁶².

Интересную характеристику его личных качеств оставил С. М. Соловьев, который, как и Чичерин, слушал лекции Шевырева. Он писал: «В сущности, это был добрый человек, не ленивый делать добро, оказать услугу, готовый и трудиться много; но эти добрые качества заглушались страшною мелочностью, завистливостью, непомерным самолюбием и честолюбием и вместе способностью к лакейству; самой грубой лести было достаточно, чтобы вскружить ему голову и сделать покорным орудием для всего; но стоило только намеренно или ненамеренно затронуть его самолюбие – и этот добрый, мягкий человек становился зверем, готов был вас растерзать и действительно растерзывал, если жертва была слаба. Но если она выставляла сильный отпор, то Шевырев долго не выдерживал и являлся с братским христианским поцелуем»⁶³. По мнению Соловьева, его

---

⁵⁹ Чернышев М. А., Юматов А. Н. Указ. соч. С. 160–161.

⁶⁰ Биографический словарь профессоров. С. 603.

⁶¹ Там же. С. 604.

⁶² Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. С. 178–179.

⁶³ Соловьев С. М. Из воспоминаний // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 222–223.

«задорливость, соединенная с слабостью» сильно раздражала «людей крепких», и вселяла в них полное отвращение и презрение к Шевыреву⁶⁴.

«Задорливость» Шевырева видна и в том, как он расценивал враждебное отношение, которое заслужил от многих коллег-литераторов, в результате журнальной полемики. В автобиографии, которая была опубликована в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Московского университета», он специально отметил факты такого характера⁶⁵. Вероятно, Шевырев гордился тем, что у него было много литературных «врагов» и рассматривал это как собственное достижение. Повествуя о своей журналистской деятельности в «Московском вестнике» в 1828 г., он сообщает: «Разборы “Северной пчелы”, сочинений г. Булгарина, “Московского телеграфа” приобрели Шевыреву постоянную вражду издателей “Телеграфа” и «Сев. Пчелы»»⁶⁶. Далее в автобиографии сказано, что в 1835 г. он помещал свои статьи в журнале «Московский наблюдатель», «выразил искренно свое мнение о том направлении, которое в то время “Библиотека для чтения” давала русской литературе, и тем навлек на себя вражду этого журнала»⁶⁷. В 1844 г. в журнале «Москвитянин» он поместил «пять чтений, входящих во “Введение в историю русской словесности”. Мнения, открыто выраженные Шевыревым в противность “Отечественным запискам” приобрели ему постоянную вражду этого издания»⁶⁸.

Особенности характера С. П. Шевырева не могли не проявляться и в его общении с земляками – дворянами Саратовской губернии. Если учитывать, что его отец в год рождения Степана Петровича оказался в центре скандала в местном обществе, можно думать, что у Шевыревых была в нем специфическая репутация. Заслуги знаменитого ученого и литературного критика, вероятно, были известны образованным саратовским дворянам. Тем не менее, в анналы местной истории его имя попало только в конце XIX в., благодаря труду Хованского. В статьях, вошедших в два тома «Саратовского сборника»⁶⁹, которые были изданы саратовским губернским статистическим комитетом, Шевырев не упоминается. То же самое можно сказать и о другом коллективном труде, созданном членами Саратовской губернской ученой архивной комиссии – «Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы»⁷⁰.

---

⁶⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 223.

⁶⁵ Биографический словарь. С. 603–624.

⁶⁶ Там же. С. 607.

⁶⁷ Там же. С. 614.

⁶⁸ Там же. С. 620.

⁶⁹ Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Саратов, 1881. Т. 1; 1882. Т. 2.

⁷⁰ Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1.

Для саратовской интеллигенции, которая играла значительную роль, как в статистическом комитете, так и в ученой архивной комиссии, Шевырев не мог быть авторитетом, ввиду его широко известных политических убеждений. Симпатии местных историков второй половины XIX в. были на стороне другого знаменитого уроженца Саратова – Н. Г. Чернышевского. Собрание материалов о его жизни в Саратове началось уже с конца 80-х гг. XIX века⁷¹. (Чернышевский умер в 1889 г.). С того времени и до наших дней историки-регионоведы постоянно занимаются изучением его жизни, творчества и его связей с родным городом.

Как известно, Чернышевский выступал с критикой взглядов Шевырева. Данное обстоятельство также могло отразиться на выборе саратовскими историками «приоритетной личности». Что касается связей Шевырева с Саратовской губернией, то об этом историки второй половины XIX в. могли и не знать. Саратовцы – современники Шевырева вряд ли обращали внимание на его фольклорные изыскания. Публикация собранных им песен была осуществлена в составе издания «Песни, собранные П. В. Киреевским». Для того чтобы выяснить имена всех «вкладчиков» в это собрание, необходимо было провести специальное исследование. Оно было осуществлено только в XX веке⁷². В названном выше очерке Хованского отсутствуют упоминания о том, что Шевырев собирал народные песни на территории губернии. Эта сторона его деятельности стала объектом внимания саратовских историков только в XXI веке.

---

⁷¹ Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф. В. Духовникова) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 41.

⁷² Соймонов А. Д. Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Литературное наследство. Т. 79. С. 121–166.

**О наименовании правого крыла русского народничества:
к итогам дискуссий 1990–2000-х годов**

Изучение истории правого крыла народничества, прошедшего путь от разрозненных культурнических кружков 1870-х гг. до создания в 1906 г. собственной политической партии – одно из наиболее перспективных направлений развития отечественного народниковедения. За последние четверть века историография темы пополнилась примерно шестью десятками диссертаций и сорока монографиями¹.

В отличие от революционных народников, занятых подготовкой радикального переворота, т. н. «мирные» народники в скорую революцию не верили, да и пользу в ней (ввиду культурной и политической неразвитости масс) видели небольшую. Большинство их научно-публицистических трудов – это, по сути, попытка перевести абстрактные социологические схемы народников 1870-х гг. на язык практических формул деятельности в новых общественных условиях. Об успешном решении этой задачи свидетельствует т. н. «второе хождение в народ» на «культурную работу», обеспечившее преобладание в народничестве 1880-х – начала 1890-х гг. теории «малых дел». Кстати говоря, именно эта теория помогла тысячам вчерашних «отщепенцев» и «лишних людей» осознать себя в качестве созидательной общественной силы.

Еще недавно считалось, что правое народничество – это отрывок революционного движения 1870-х – начала 1880-х гг., а народные социалисты «откололись» от социалистов-революционеров. Современные исследователи рассматривают правое народничество как широкое и вполне самостоятельное идейно-политическое течение со своей идеологией и непростой историей. Дело в том, что сторонники эволюционного пути к осуществлению идеалов народнического социализма сравнительно поздно оформились в организационном отношении – на рубеже 1870–1880-х годов. А в литературе и общественном сознании их стали воспринимать как единое целое еще позже – с середины 90-х гг. XIX в., когда легальные народники единым фронтом выступили против марксистов. Но и тогда из-за жестких идейно-тактических разногласий далеко не все «легалисты» позиционировали себя как представители одного народнического лагеря. Например, Михайловский, активный борец за расширение в стране политических свобод, в 1893 г. публично отрекся от права называться народником, чтобы его не стави-

---

¹ Подробнее см.: История и историография правого народничества: Сб. ст. Воронеж, 2014. С. 7, 24.

ли в один ряд с культурниками И. И. Каблицем и В. П. Воронцовым – тогдашними «официальными» теоретиками народничества.

Отсутствие внутреннего единства, а соответственно и общего самоназвания, привело к серьезным трудностям с наименованием правого крыла русского народничества. В современной российской историографии сосуществуют, по меньшей мере, три основных варианта: легальное, либеральное и реформаторское народничество.

Термин «легалисты» ввел в употребление еще в начале 1870-х г. П. Л. Лавров, применив его к тем, кто действовал на законной почве, но опирался при этом на свои собственные силы, а не на правительство². О необходимости именно легальной работы на пользу народа «честных» земцев, врачей и учителей еще в 1880 г. писал народнический журнал «Мысль»³. Неслучайно в 1883 г., после того как идейные противники народовольцев объединились в газете «Неделя», Г. В. Плеханов первым назвал их «народниками-легалистами» и «легальными народниками»⁴.

Наименование правого крыла народничества легальным хорошо отражает его отличие от народничества левого, революционного. Неслучайно его часто использовали мемуаристы⁵. Правые народники действовали на легальной основе, демонстрируя тем самым свою приверженность к мирным, законным (т. е. признаваемым государством, обществом и народом) средствам борьбы за народнические идеалы. Главное их «оружие» – открытая печать, общества и кружки, преимущественно культурно-просветительского характера, а также органы земского самоуправления⁶.

После 1917 г. понятие «легальное народничество» употреблялось сравнительно редко по причине утверждения в марксистской историографии термина «либеральное народничество». Его в 1897 г. придумал В. И. Ленин, отстаивающий концепцию упадка и перерождения позднего народничества. В советской историографии за основную тенденцию эволюции народничества (или «крестьянской демократии») в 80–90-е гг. XIX в. принималась его постепенная либера-

---

² Лавров П. Л. Вперед! – Наша программа // Избр. соч. на социально-политические темы: в 8 т. М., 1934–1935. Т. 2. С. 36.

³ N. N. [Оболенский Л. Е.] Беллетристика в журналах 1880 г. // Мысль. 1880. № 11. С. 78–79.

⁴ Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939. С. 13, 247, 251, 328.

⁵ См.: Дейч Л. Г. 16 лет в Сибири. СПб., 1906. С. 237; Антекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. По личным воспоминаниям. 2-е изд. Пгр., 1924. С. 308; Ковалик С. Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 65.

⁶ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Что такое «легальное народничество»? // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2011. № 2.

лизация, которую историки-марксисты связывали с изменением социальной природы русского крестьянства – его неизбежным обуржуазиванием⁷.

О том, что марксистская концепция упадка народнической мысли в 1880–1890-е гг. противоречит историческим фактам, историки заговорили только на излете советского периода. В 1979 г. с «программной» статьей о задачах изучения «либерального» народничества выступил аспирант МГУ В. И. Харламов, ученик проф. М. Г. Седова⁸.

Формально Харламов сохранял верность ленинскому пониманию народничества как идеологии крестьянской демократии в России. Не отказался он и от идеи «классового перерождения» (обуржуазивания) народничества в 1880-е годы. Старое (революционное) народничество пыталось поднять народ на революцию, а новое (либеральное) сделало акцент на культурной работе в деревне при сохранении основ существующего строя. Однако, по убеждению Харламова, это новое народничество олицетворяли главным образом публицисты газеты «Неделя» (И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов) и журнала «Русского богатство» (Л. Е. Оболенский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко). Кумир радикальной молодежи 1870–1890-х гг. Н. К. Михайловский, как сторонник политических преобразований и самый яркий критик аполитизма Каблица, был назван идеологом не либерального, а легального народничества (более широкое понятие, объединяющее всех народников, действовавших легально⁹). Определяя положения Михайловского в народническом лагере (между либеральными и революционными народниками) Харламов, по его собственному признанию, опирался на труды М. Г. Седова, Ф. М. Суловой и Э. С. Виленской¹⁰.

Как оказалось в дальнейшем, попытка Харламова разграничить понятия «либеральное» и «легальное» народничество послужила точкой отсчета длительной полемики о наименовании правого крыла русского народничества. Она развернулась с рубежа 1980–1990-х гг., когда историки получили возможность изучать народничество без оглядки на ленинские цитаты.

---

⁷ См.: *Карпачев М. Д.* Очерки истории революционно-демократического движения в России (60-е – начало 80-х гг. XIX в.). Воронеж, 1985. Гл. 2. «Об определении народничества».

⁸ *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. Подробнее об авторе см.: *Мокшин Г. Н.* В. И. Харламов и становление современной историографии правого народничества // Вестник РУДН. Сер. История России. 2015. № 1.

⁹ В начале 1980-х гг. идеи разделения «либерального» и «легального» народничества помимо В. И. Харламова придерживался такой видный народниковед как В. Г. Хорос. См.: *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 38.

¹⁰ *Харламов В. И.* Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России [1982 г.] // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 706–707.

В 1990 г. молодой историк В. В. Зверев, чтобы отгородиться от марксистской концепции истории правого народничества, предложил для него термин «легально-реформаторское» направление¹¹. Однако развернутого обоснования он тогда не получил и в литературе по-прежнему господствовало понятие «либеральное народничество». Более того. В 1995 г. оно было закреплено Б. П. Балугевым (ведущим сотрудником Института российской истории РАН) в первой обобщающей монографии по истории данного направления «Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков»¹².

Необычные хронологические рамки работы Балугева объясняются авторской концепцией поступательного развития либерального народничества после 1881 года. Ее ядро – идея двух народнических призывов: 1870–1880-х гг. (на платформе газеты «Неделя») и 1890-х годов (вокруг обновленного «Русского богатства» Н. К. Михайловского)¹³. Балугев, как и Харламов, считал, что Михайловский занимал в народничестве особое положение, но в 1890-е гг. вынужден был стать в ряды его правого крыла. Возглавив в 1893 г. обновленное «Русское богатство», Михайловский сумел собрать вокруг себя новых единомышленников (Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин и др.), которые в 1906 г., уже после смерти своего вождя, создали партию народных социалистов¹⁴.

Балугев является выразителем классового подхода к изучению народничества, но уже очищенного от свойственной марксистской историографии очернительной тенденции в оценках взглядов его поздних идеологов. По убеждению ученого, все они (от Каблицы до Михайловского) по сути своей крестьянские демократы. Поэтому он не считал возможным отказываться от традиционного именования этих народников «либеральными». «Сразу оговоримся, – пишет Балугев в главе “Историография проблемы”, – что встречающееся иногда в нашей научной литературе для обозначения этого направления общественной мысли название “легальное народничество” мы считаем не вполне корректным и правомерным, ибо легальность или нелегальность – это показатель формы, а не существа направления»¹⁵. Всех «либеральных» народников, по мнению Балугева, роднят такие типологические черты, как «осознанная отстраненность» от подпольных и тем более террористических методов борьбы, вполне лояльное отношение к «малым делам» (несмотря на теоретическое их осуждение Михайловским и его сто-

---

¹¹ Зверев В. В. В поисках социалистической перспективы // Наше Отечество (Опыт политической истории). М., 1991. Т. 1. С. 190, 191.

¹² Подробнее о трудах Б. П. Балугева см.: Мокшин Г. Н. Б. П. Балугев как исследователь правого народничества // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 1.

¹³ Балугев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 259.

¹⁴ Там же. С. 258–259.

¹⁵ Там же. С. 7.

ронниками) и, наконец, апелляция к властям по поводу сохранения общинных устоев в деревне¹⁶.

Однако книга Балугева явно запоздала. В середине 1990-х гг. классовый подход уже не устраивал новое поколение народниковедов. Как раз в это время в историографии народничества утверждается теория модернизации, активным проводником которой стал визави Бориса Балугева – Василий Зверев. Именно он одним из первых интерпретировал народничество как идеологию самобытной модернизации России, а народническую интеллигенцию как самостоятельного субъекта общественных преобразований, с собственным пониманием задач русской жизни. В 1997 г. Зверев издает монографию «Реформаторское народничество и проблема модернизации России», которая способствовала окончательному разрыву историков народничества с марксистской исследовательской парадигмой.

По убеждению Зверева, либерализм и народничество – доктрины, полярные в своей основе. «Либерализм, – пишет исследователь, – ориентирован на индивидуализм личности, народничество на первое место ставит коллектив личностей. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества»¹⁷.

Большинство современных специалистов по истории позднего народничества считают отстаиваемый Зверевым термин народники-реформаторы более предпочтительным и в последние годы он практически вытеснил традиционный, марксистский. Но название «реформаторское народничество» тоже не безупречно. Как заметил Ю. А. Зеленин, реформы на почве существующих порядков могут привести лишь к их усовершенствованию, тогда как народники стремились хотя и к постепенному, но все-таки *качественному* изменению общества. Поэтому, по мнению историографа, более правомочен термин не «реформаторское», а «эволюционное» народничество¹⁸. Понятия «революция» и «эволюция» действительно больше соответствуют друг другу, чем «революция» и «реформа». Проблема в том, что «эволюционное народничество» – это нововед, который пока «режет ухо». Хотя понятие «эволюционный социализм» уже прижилось.

В концепции реформаторского народничества В. В. Зверева есть и еще один изъян. Исследователь представляет народников и либералов как антагонистов,

---

¹⁶ Балугев Б. П. Указ. соч. С. 55, 78, 258–259.

¹⁷ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 24. Аналогичные сомнения в правомерности понятия «либеральное народничество» выражены в рецензиях Н. Д. Ерофеева и М. Д. Карпачева на книгу Б. П. Балугева «Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков» (М., 1995). См.: Ерофеев Н. Д. [Рецензия] // Отечественная история. 1997. № 1. С. 179; Карпачев М. Д. [Рецензия] // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 166.

¹⁸ Зеленин Ю. А. Советская историография классического народничества в России: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С. 54–55.

игнорируя тем самым особенности становления и развития отечественного либерализма и народничества.

В 2006 г. историк В. В. Блохин защитил в РУДН докторскую диссертацию, посвященную эволюции общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского в 1880-е – начале 1900-х годов. В центре внимания Блохина оказалась предложенная Михайловским концепция руководящей роли интеллигенции в жизни общества, в соответствии с которой ей было необязательно считаться с мнениями «незрелого», «веками забитого» народа. По мнению исследователя, именно на этой почве с конца 80-х гг. XIX в. Михайловский сближается с либералами (сторонниками «мирного» прогресса, опирающегося на современные достижения науки и общественной практики), что повлияло на окончательное оформление его доктрины «либерального социализма»¹⁹.

Доказывая некорректность строгого разведения либералов и народников, Блохин не развил свой подход в самостоятельную концепцию эволюции позднего народничества. Лишь в 2009 г. он предложит именовать Михайловского и его литературную семью «либеральными» народниками. Это, пишет исследователь, «левый, западнический, индивидуалистический фланг реформаторского народничества, а не все реформаторское народничество, как трактовалось в историографии»²⁰. Заметим, что в свое время Харламов утверждал совершенно обратное: либеральные народники – это сторонники Каблица, антипода Михайловского. Как говорится, круг замкнулся.

В последние годы тенденция к сближению народнического эволюционного социализма и идеологии социального либерализма рассматривается исследователями как отражение общей линии развития общественной мысли второй половины XIX – начала XX веков. Формированию полусоциалистической, полулиберальной системы ценностей способствовал тот факт, что социал-реформизм (с его стремлением примирить либерализм в политике и социально ориентированную экономику) не был жестко связан с какой-либо определенной доктриной²¹.

Итак, понятия «либеральное» и «реформаторское» народничество фиксируют разное понимание исследователями степени сближения либерализма и народничества: от взаимопроникновения до полной противоположности. Примирить позиции Балужева и Зверева вряд ли возможно, т. к. это два крайних подхода к определению сущности правого народничества.

---

¹⁹ Блохин В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 30–32, 37–38.

²⁰ Блохин В. В. Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века. М., 2009. С. 209.

²¹ Пантин И. К. А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 124, 126; Селезнев Ф. А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 32.

Очевидно, что выход из этого терминологического тупика – использование какого-то другого понятия, не связанного с особенностями доктрины мирных народников, ибо объединяет их не либерализм или реформизм, а неприятие революционной стратегии общественных преобразований. Самый подходящий вариант – «легальное народничество» (по аналогии с «легальным марксизмом») ²². Как уже отмечалось, этот термин освящен традицией и лучше всего отражает характер деятельности представителей правого крыла народничества. Правда, пока по понятным причинам у него сравнительно мало сторонников ²³.

Проблема наименования правого крыла русского народничества имеет еще один важный аспект. Это хронологические рамки его существования.

Большинство современных народниковедов (В. В. Зверев, Б. П. Блохин, Г. Н. Мокшин и др.) по сложившейся традиции определяют их от эпохи отмены крепостного права до революции 1905 года. То есть речь идет о так называемом «классическом» правом народничестве, прошедшем в своем развитии четыре стадии: генезис, становление, развитие и упадок (он же период генезиса неонародничества). Датировка их историками не во всем совпадает, но различия не носят принципиального характера ²⁴.

Некоторые из народниковедов (Б. П. Балугев, С. Н. Касторнов), и они пока в меньшинстве, включают в понятие «либеральные народники» или «народники-реформисты» не только представителей народничества 1870–1890-х гг., но и энесов и трудовиков начала XX века. Примечательно, что данный подход начинает проникать в учебную и энциклопедическую литературу ²⁵. И вполне оправдано. Нельзя рассматривать историю классического народничества в отрыве от ее логического продолжения – истории неонародничества. Сама идея искусственности их резкого разграничения имеет немало сторонников ²⁶. Конечно, неонародниче-

---

²² Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 27, 33–36.

²³ Некоторые исследователи полагают, что альтернативой терминам «либеральное» и «реформаторское» народничество может стать «мирное» народничество (см., напр.: Коржавин В. К. Народничество 70-х годов: Учебное пособие. Калининград, 2007. С. 12). Но, на наш взгляд, это слишком неопределенное понятие. Отрицание насилия и крови, действительно, отличало большинство правых народников, но совсем без принуждения им было не обойтись. Особенно когда речь шла о необходимости демократизации существующего общественно-политического строя.

²⁴ См.: Мокшин Г. Н. Проблемы периодизации истории легального народничества // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3.

²⁵ Лосева А. В., Карчемник В. Д. Правое народничество в России, 1905–1917 гг.: методические указания. Новосибирск, 1992; Азаркин Н. М. Эволюция народнической идеологии // История политических учений: Учебник для вузов. М., 2002. С. 736; Народничество // Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь. Европедия. М., 2003. С. 560.

²⁶ Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 10, 42; Васильева Т. А. Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 9; Касторнов С. Н. Народники-реформисты

ство – это качественно новый этап в биографии русского народничества, связанный с образованием массовых политических партий. Но между ним и классическим народничеством все-таки больше общего, чем различий. Это развитие одного и того же явления/процесса, но в новых общественно-политических условиях²⁷.

К сожалению, широкая периодизация истории правого народничества плохо разработана. Например, попытавшийся это сделать С. Н. Касторнов довел ее до 1905 г., т. к. изучение неонароднического этапа не входило в задачи его исследования²⁸. Специалисты же по истории неонародничества ранее 1890-х гг. вообще не заглядывают. Иными словами, у исследователей нет практической необходимости разрабатывать «пространную» периодизацию истории правого народничества. Но когда она потребуется, то в основу ее, видимо, будет положен принцип развития идейно-организационных основ движения, а не одной только идеологии (как в узкой периодизации). Возможный вариант – выделение этапов «раннего» (1860-е – начало 1870-х гг.), «зрелого» (середина 1870-х – рубеж 1890–1900-х гг.) и «позднего» народничества (начало XX века). Кстати, такая периодизация применима и к истории русского народничества в целом, а не только к его правому крылу.

Признание идеи поступательного развития идеологии и движения правого крыла народничества естественно ставит вопрос о его общем названии. На наш взгляд, простое распространение терминов «либеральное», «реформаторское» или «легальное» народничество на правых неонародников не очень удобно, так как это еще больше запутает их содержание. Здесь нужно что-то другое, более нейтральное и в тоже время хорошо знакомое современным исследователям. Таковым вполне может стать термин «правое» народничество (он вполне совместим с понятием «левое» – революционное народничество, которое уже давно используется в литературе).

Обычно под правыми народниками понимают приверженцев легальной культурно-просветительской деятельности в народе (от Каблицы-Юзова до Кривенко), которых противопоставляют народникам-политикам во главе с Михайловским. Такая типология легального народничества возникла еще в начале 1900-х гг. в неонароднической историографии. Новое, более широкое значение устоявшегося понятия потребует оговорок. Тем не менее, правое народничество – это пока единственный термин, который может использоваться в обобщающих трудах по истории народничества, не вызывая нареканий со стороны исследователей в силу его нейтральности.

о социальных и общественно-политических проблемах России второй пол. XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 21.

²⁷ Подробнее см.: *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 266–270.

²⁸ *Касторнов С. Н.* Указ. соч. С. 247–248.

Подводя итоги дискуссии 1990–2000-х гг. о наименовании правого крыла русского народничества, следует признать, что ее участники так и не пришли к общему знаменателю. Каждый остался при своем. Однако это не означает, что терминологические споры оказались бесполезными.

Во-первых, отстаивая тот или иной вариант названия («либеральное», «реформаторское» или «легальное» народничество) исследователи лучше обосновывали свои позиции. Никто не пытался переубедить своего оппонента, ибо у каждого определения есть свои резоны.

Во-вторых, данная полемика велась не только о словах. Каждый из рассмотренных нами терминов выражает определенный подход к интерпретации явления правого народничества. Корень разногласий – различное понимание соотношения в нем элементов либерализма и социального радикализма. И хотя оно осталось не до конца проясненным, совершенно очевидно, что либерализм и народничество имели немало точек соприкосновения, особенно в тактике действий.

И, наконец, споры о том, чем нужно руководствоваться при определении народничества (его содержанием или формой, стратегией или тактикой, мнениями на этот счет самих народников или их оппонентов) помогли народниковедам сформулировать новые задачи его изучения. Одна из наиболее актуальных – разработка более широкой периодизации истории правого крыла народничества (от 1860-х – до конца 1910-х годов).

«История Англии» Полидора Вергилия и начало осмысления места державы Кнута Великого в истории Северной Европы

Эпоха Возрождения оказала огромное влияние на развитие всей мировой культуры, составив своеобразное переходное звено между Средними веками и Новым временем. Идеи Ренессанса, зародившись в XIV в. в Италии, спустя столетие начинают распространяться за пределами своей колыбели – по всей Европе. Это культурное течение получило название Северного Возрождения (при этом имеется в виду распространение ренессансных идей во всех странах к северу от Альп). В разных странах идеи гуманистов распространялись в разное время, но приблизительно Северное Возрождение охватывает период с середины XV по конец XVI века.

Особенности развития идей Возрождения за пределами Италии состояли в том, что они были в гораздо большей степени связаны с религиозной идеологией и в процессе своего развития тесно переплелись с идеями Реформации. В отличие от Италии, здесь продолжали жить и развиваться традиции готического искусства, а интерес к античному наследию был меньше¹.

Своих творческих вершин Северное Возрождение достигло в Германии и Фландрии, хотя оно принесло зрелые плоды во многих других странах.

Ярким представителем этого культурного явления был ученый-гуманист Полидор Вергилий (1470–1555). Он был итальянцем, родился на востоке Италии в городе Урбино, однако большую часть жизни провел в Англии. Из его произведений пользовался известностью сборник латинских поговорок (*Proverbiorum libellus*). Как и многие другие гуманисты, Полидор обращался к изучению природы, и им была написана работа о различных изобретателях и открытиях, сделанных в эпоху Возрождения (*De inventioribus rerum*). Главным же трудом Полидора по праву может считаться «История Англии», благодаря которой он известен и поныне².

Детские годы ученого не оставили значительных следов в свидетельствах источников. Известно, например, что его отец Георгио де Антонио держал собственную аптеку. Сам Полидор выбрал для себя духовную стезю, обучался в университетах Падуи и Болоньи. Духовный сан он принял в 1496 году. Прослужив несколько лет у герцога Урбино, Полидор перешел на службу к самому папе римскому, знаменитому Александру VI, в 1502 году.

---

¹ O'Neill J. The Renaissance in the North. NY, 1987. URL: <http://libmma.contentdm.oclc.org/cdm/ref/collection/p15324coll10/id/113542>

² Михайлов М. И. Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке. Т. 3. М., 1958. С. 17.

Несколько месяцев спустя Полидор был отправлен в Англию в качестве помощника кардинала для сбора «денария святого Петра» – налога, взимавшегося в пользу папы римского. Пребывание Полидора в Англии растянулось на долгие годы, а карьера шла вверх. К 1504 г. он стал епископом города Бата, а в 1508 г. архидьяконом Уэльса. Несмотря на свою должность, большую часть своего времени он проводил в Лондоне. К 1505 г. Полидор был принят ко двору короля Генриха VII (1485–1509). Первый представитель династии Тюдоров на английском троне остро нуждался в «правильной» версии истории страны, особенно относительно событий, непосредственно предшествовавших его восшествию на престол, то есть Войны Роз.

Блестяще образованный итальянский гуманист представлял собой идеальную кандидатуру для решения этой задачи. Так было положено начало работы над «Историей Англии», которая продолжалась около 8 лет – с 1505 по 1513 год (издана впервые она была только в 1534 году).

Труд Полидора был закончен уже при новом короле – Генрихе VIII (1509–1547). Вскоре после восшествия последнего на престол в жизни Вергилия произошел резкий поворот – по обвинению в оскорблении правителей страны, короля и всемогущего канцлера Томаса Уолси, он был заключен в Тауэр. Итальянца ожидала казнь, но благодаря связям и заступничеству папы римского, Полидор избежал этой участи. Вновь обретя свободу, он продолжал жить в Англии, занимаясь своими церковными обязанностями. Незадолго до смерти, в 1553 г., Полидор вернулся на родину – в город Урбино, где и умер спустя два года.

«История Англии» постоянно дорабатывалась и дополнялась. Исправления были не только стилистическими, но содержали и новую информацию. К первоначальным 25 главам были добавлены еще две. Первые 7 книг включали раннюю историю Англии до короля Кнута Великого, причем посвященная этому королю глава была выделена в поздних изданиях³. В отдельной главе рассматриваются события с 1035 г. до нормандского завоевания 1066 года. Каждая из остальных книг посвящена одному английскому королю, начиная с Вильгельма Завоевателя и заканчивая правлением Генриха VIII до 1537 года. Стоит отметить, что в последней книге автором дана нелицеприятная оценка современной ему политической ситуации и верховной власти в стране.

Произведение Полидора выдержано в русле классических традиций историографии эпохи Возрождения. Это ярко проявилось, в частности, при освещении правления короля Кнута, прозванного Великим, которое не могло остаться незамеченным историком-гуманистом. Как известно, историки эпохи Возрождения нередко включали в свои труды пространные речи, которые будто бы произносились правителями и полководцами в самых различных ситуациях, например, в разгар ожес-

---

³ *Polydore Vergil*. *Anglica Historia*. 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/7eng.html> (далее ссылки на это произведение даются в скобках – номера книги и главы).

точного сражения. Например, во время поединка между Кнутом и английским королем Эдмундом, от исхода которого зависела судьба английского престола, один из соперников обращается к другому со следующей речью: «Что за необходимость, мой храбрый брат, настойчиво искать нам ранней смерти, сражаясь за королевство. Лучше сложить свое оружие и договориться о мире. Ты можешь полагаться на Кнута, если хочешь, он к твоим услугам и сделает то, что ты пожелаешь» [7.11].

В освещении истории правления Кнута, в соответствии с традициями гуманистической историографии, большое место занимают морализаторские рассуждения. Например, во время переговоров между названными королями один из воинов осуждает кровопролитие и войну: «Но другие (которым я не спешу следовать) говорят, что дело было проведено, что один из военачальников (неизвестно, был ли он даном или англичанином) воспользовался случаем, чтобы сказать в присутствии обоих королей: «Мы сражались достаточно, мои славные полководцы, достаточно крови пролилось с обеих сторон, достаточно доказали вы доблесть свою и своих людей, и вы все еще не способны терпеть свою судьбу, хорошая она или плохая. Когда один из вас завоевывает, он свирепо атакует побежденного, когда один из вас побежденный, он возобновляет свой бой до победы. Во имя дьявола, что же это за непреодолимая воля? Вы больше цените войну, чем мир? Где, в конце концов, ваша жажда власти или жадность до славы будет утолена? Если вы сражаетесь за королевство, то разделите одно богатое, которое раньше было достаточно для существования семи королевств. Но если слава вынуждает вас кидать неведомые кости владычества и рабства, вы должны найти другой путь чтобы решить, кто из вас лучше, без великого побоища, без великого кровопролития ваших людей». Так он сказал, и это замечание не вызвало неудовольствия Эдмунда. Кнуту, которому благоволила судьба, тоже оно понравилось» [7.11].

Нарисованный в труде Полидора образ Кнута лишен индивидуальных черт. Он выступает в образе почти идеального правителя. Несмотря на характеристику его отца Свейна, языческий нрав, жестокость завоевания Англии, король в целом представлен как мудрый, справедливый, добрый, благородный христианский правитель. Именно с подачи Полидора легенда о Кнute и волнах стала широко известна, цитировалась различными историками, и ныне известна каждому англичанину с детства⁴. Таким образом, нарисованный Полидором образ целиком обусловлен особенностями историографии того времени.

Труд Полидора содержит также ценную страноведческую информацию, интересные данные о географии, быте, нравах жителей Англии и других стран Европы,

---

⁴ Прогуливаясь по берегу моря, Кнут услышал от одного из своих приближенных льстивые слова, что сильнее короля нет никого на свете. В ответ он сел на берегу и приказал волнам, чтобы они не мочили его ноги. Когда произошло обратное, он сказал, что повелевать всем на земле может только бог.

генеалогии правителей. «Сейчас Норвегия это полуостров, находящийся в Немецком море, имеющий плохую почву для урожая, скалистый и соленый повсюду. И Швеция находится в том же море, напротив Дании и Норвегия к западу от нее. Люди думают, что наши люди называют Глессарии и греки называют Электриды из-за обилия янтаря. Сейчас король Дании владеет ими обеими» [7.13].

При этом «История Англии» содержит (в духе историографии эпохи античности и во многом подражавшей ей гуманистической историографии эпохи Возрождения) ссылки на вмешательство сверхъестественных, божественных сил в дела человеческие. «Но вскоре Свейн⁵ поплатился за то, чего лишил монахов, этих приверженцев чуда. Как они говорят, он ликовал в компании своих солдат, хвастаясь королевством, которое он завоевал, как неожиданно он был сражен, как если бы кинжал появился из небес, и рухнул, крича, что он был убит и умер на месте. Все присутствующие, пораженные произошедшим, даже не видя убийцу, подумали о том, что это сделали их боги. И очень занятная история появилась в последующие времена, что он был убит тем же кинжалом, что святой Эдмунд носил при жизни» [7.5].

Присутствуют в тексте Полидора «Истории Англии» и некоторые анахронизмы: так, парламент в Англии, по мнению Полидора, уже существовал во времена Альфреда Великого, т. е. в IX в., а возможно, даже раньше. Наряду с парламентом, как полагал историк, при этом короле существовал тайный совет – политический институт, возникший несколько столетий спустя.

Тем не менее, при всех недостатках труда Полидора нельзя не отметить его яркий литературный стиль и ту обстоятельность, с которой историк-гуманист подходил к написанию своего труда. Одним из первых в английской исторической традиции он изучил все известные ему свидетельства источников, сравнивал их, пытаясь сделать вывод о том, какие из них наиболее правдоподобны. При этом он предпочитает не разьяснять, откуда он берет ту или иную информацию, ограничиваясь простой фразой «другие говорят», «другие думают». Анализ источников он представляет так: «Я затронул эту тему, как должен, чтобы моя история стала яснее благодаря включению свидетельств многих историков» [7.12].

Его собственные оценки по некоторым вопросам вызывали бурное возмущение у англичан того времени, подогреваясь фактом итальянского происхождения Вергилия⁶. Некоторые признавали его талант уже в XVI в, окончательно же его заслуги перед историографией были оценены в XIX веке. В настоящее время Полидор Вергилий считается одним из первопроходцев исторической науки в Англии. Особо ценен его вклад в дело систематизации источников при изучении древней и средневековой истории страны, а также драматических событий второй половины XV – первой половины XVI века.

---

⁵ Имеется в виду король Дании Свейн Вилобородый, отец Кнута Великого.

⁶ См.: *Hay D. Polydore Vergil: Renaissance historian and man of letters. Oxford, 1952. P. 157–165.*

У истоков финской историографии. Микаэль Агрикола и Паавали Юстен

Финляндская историография эпохи Реформации была одним из направлений литературной и культурно-просветительской деятельности, тесно связанной с религиозной жизнью. Не случайно у ее истоков стоит выдающийся просветитель, создатель финской письменности епископ Микаэль Агрикола (1510–1557). Он получил образование в латинской школе Выборга и Виттенбергском университете, где в XVI в. учились многие финские религиозные деятели. По возвращении в Финляндию он был назначен ректором кафедральной школы в Турку, где началась его литературная и просветительская деятельность. Главным делом его жизни стало издание финской азбуки и перевод Нового завета с непонятной не только населению, но и части духовенства средневековой латыни на финский язык.

Агрикола был не только лютеранским теологом и реформатором в узком смысле этого слова. В сфере его интересов были история, география, этика, юриспруденция, языкознание. Изучая эти предметы, он стремился не только сам получать знания, но и передавать их другим¹. Для того, чтобы познакомить финнов с историей и географией их родины, он поместил во введении к переводу наиболее употребительных богослужебных книг краткие экскурсы в историю и географию Финляндии на финском языке. Это делало их доступными для самых широких кругов финского общества.

Во вступлении к переводу Нового завета (1548) Агрикола дает краткий обзор распространения христианства в Финляндии как результата шведских крестовых походов. В их истории он выделяет три этапа: покорение племени сумь, покорение племени емь (хяме) и покорение карел. К этим акциям шведов он относится довольно сдержанно. Шведский король Эрик Святой для него был больше завоеватель, чем миссионер. «Эрик начал войну против финнов <...> присоединил их к себе, – пишет Агрикола. – Он преследовал и притеснял хяме до тех пор, пока они не дали крестить себя и приняли христианство»².

Далее Агрикола перечисляет финские губернии: собственно Финляндия, Сатакунта, Хяме, Карелия, Уусимаа, Расепори, Эстерботния, Похьянмаа), среди которых он выделяет собственно Финляндию, считая ее «матерью» других финских территорий. Он пишет, что поскольку юго-западная Финляндия раньше других земель приняла христианство и там был построен первый собор, то город Турку стал центром епархии Суоми, название которой постепенно распространи-

¹ *Tarkiainen V.* Mikael Agrikolan suhde historiaan ja maantieteeseen // *Virittäjä*. 1947. 2. S. 129–138.

² *Agrikola M.* Teokset. Osa II. Porvoo, 1931. S. 17.

лось на всю страну. Этим он объясняет то обстоятельство, что несмотря на наличие в Финляндии различных диалектов, за основу финского литературного языка, на который был осуществлен перевод Нового завета, он взял западно-финский диалект, но привлек также слова и выражения других наречий³. Следовательно, Агрикола считал, что единый финский язык должен быть синтезирован на основе различных финских диалектов⁴. Заслуживает внимания его утверждение о том, что шведоязычное население Финляндии происходит из Швеции или с Готланда и что оно раньше, чем финноязычное население, приняло христианство.

В предисловии к Псалтыри (1551) Агрикола дал описание языческих верований и перечислил языческих богов, которым прежде поклонялись карелы и финны⁵. Языческие боги интересовали его, прежде всего, с практической точки зрения: в связи с борьбой с языческими верованиями финнов и карел. При этом к пантеону языческих божеств он причислил и героев карело-финского эпоса Вяйнемейнена и Ильмаринена⁶. Он распределил языческих богов между карелами и емью таким образом, что, приписав того или иного бога еми, он уже не включает его в список карельских богов, и наоборот⁷.

Характерно, что в своих исторических экскурсах Агрикола идет не от Священного писания к истории, а от истории к Священному писанию. Библия не является для него главным историческим источником. Подобно немецкому евангелическому реформатору Филиппу Меланхтону, он считает историю богоугодным делом, так как люди должны знать, как распространялась христианская вера и какой была церковь в различные времена. Влияние Меланхтона проявляется и в том, что, создавая историю, Агрикола не превращает ее в легенду.

Основным источником Агриколы была «Шведская хроника» шведского историка Олауса Петри. Начало его вступления к переводу Нового завета почти дословно повторяет соответствующее место из сочинения Петри⁸. Но Агрикола не ограничивался работами шведских и западноевропейских авторов. В заслугу ему следует поставить использование актового материала. При освещении истории Финляндии он использовал рукописное наследие своего предшественника епископа Мауну Сяркилахти, которого финский историк Я. Яккола считал основателем финской исторической традиции⁹. Обширная переписка Сяркилах-

---

³ *Agrikola M.* Op. cit. S. 19.

⁴ *Карху Э. Г.* История литературы Финляндии. Л., 1979. С. 62.

⁵ *Agrikola M.* Op. cit. S. 212.

⁶ *Евсеев В. Я.* Исторические основы карело-финского эпоса. Т. I. М.; Л. 1957. С. 121.

⁷ *Бубрих Д. В.* Этническая принадлежность рун «Калевалы» // Труды юбилейной научной сессии. Петрозаводск, 1950. С. 148–149.

⁸ *Lehtinen E.* Suomen varhaishistoria ja ristiretkikauden kuvasta uskonpuhdis- ja suurvaltaaikana. Juväskylä, 1968. S. 55–56.

⁹ *Jakkola J.* Maunu Särkilähti, vanhin "Suomen historian isä" // Historiallinen aikakauskirja. 1950. S. 257.

ти, содержащая богатый материал по истории финской церкви конца XV в., вошла в состав копийной книги Туркусского собора, которой пользовался Агрикола. Собственно, именно он положил начало сбору документов по истории финской церкви¹⁰.

Таким образом, интерес к истории Финляндии со стороны Агриколы определялся его практической деятельностью как реформатора финской церкви и просветителя.

Линию Агриколы в финской историографии продолжил его земляк епископ Паавали Юстен (1516–1575). Также как и Агрикола, он учился в Выборгской школе и Виттенбергском университете. Поставив перед собой цель, осветить «начальные этапы» истории финской церкви и ее развитие»¹¹, он составил «Хронику туркуских епископов» (1565), ставшую ценным и практически единственным в своем роде источником по истории финского средневековья. Благодаря этой хронике он снискал у потомков славу «первого финского историка»¹².

В епископской хронике Юстена отчетливо выделяются две части: старейшая, составленная предшественниками Юстена и в некоторых местах доработанная и дополненная им, и та часть, которая написана непосредственно им самим.

Первая часть написана по определенной схеме: сообщается имя очередного епископа, его происхождение, краткие сведения о его деятельности до того, как он стал епископом и после, сведения о смерти и месте погребения. Отклонения от этой схемы позволяют выделить в этой части хроники еще три слоя¹³. Наиболее отчетливо прослеживается последний слой, автор которого питает особый интерес к политическим событиям. Он добавляет к биографиям епископов краткие сведения об антидатском восстании в Швеции под предводительством Стена Стуре, о Стокгольмской «кровавой бане» (жестокой расправе датского короля Кристиана II со своими политическими противниками), коронации Густава Васы. Финский историк Э. Лехтинен предполагает, что эти фрагменты, вкрапленные в первоначальный текст хроники, принадлежат Юстену¹⁴. Сам Юстен писал во введении к хронике: «Я собрал имена и жизнеописания финских епископов в таком виде, в каком их оставили наши предшественники. Я начал с того места, где они остановились...»¹⁵.

---

¹⁰ *Tarkiainen V.* Op. cit. S. 138.

¹¹ *Justen P.* Suomen piispain kronikka. Helsinki, 1956. S. 11.

¹² *Макаров И. В.* Очерки истории реформации в Финляндии (1520–1620-е гг.): формирование национальной церковности. Портреты выдающихся деятелей финской реформации. СПб., 2007. С. 372.

¹³ *Schmidt W.* Paul Justen och Finlands gamla biskopskronika. Åbo, 1942. S. 105–106.

¹⁴ *Lehtinen E.* Op. cit. S. 70–71.

¹⁵ *Justen P.* Op. cit. S. 11.

Юстен отмечает, что христианство в Финляндии утвердилось в результате трех крестовых походов шведов, и пишет, что для финнов большим благом является приобщение к святой церкви. Показательно, что Юстен оценивает деятельность некоторых упоминаемых им лиц с точки зрения защиты финских национальных интересов. Его национальное чувство проявляется также при описании епископа Фоллингиуса, уроженца Швеции. Он пишет, что Фоллингиус был назначен епископом по протекции тех, кто не любил финский язык. Не знавший финского языка Фоллингиус в личных и общественных делах вынужден был прибегать к помощи переводчика¹⁶. Он характеризует Фоллингиуса как нечистого на руку интригана и врага финского языка. Вполне вероятно, что такая оценка своего предшественника на епископской кафедре была продиктована досадой, что освободившееся после смерти Агриколы место досталось не ему¹⁷.

Сообщения хроники Юстена о шведских крестовых походах в Финляндию, как и в большинстве шведских хроник, отличаются чрезвычайной краткостью; Юстен не сообщает об этом ничего нового по сравнению с Агриколой. Он упоминает лишь первый крестовый поход, то есть завоевание шведами юго-западной Финляндии. Завоевание центральной Финляндии и борьба с Новгородом практически остаются за рамками хроники и упоминаются лишь во введении.

Юстен использует шведские исторические сочинения Олауса Петри и братьев Юхана и Олауса Магни, но его сочинение отличается от них тем, что в центре внимания находится история финской церкви. Он описал реформацию в Финляндии, современником которой он был. Он высоко оценивает Лютера как церковного реформатора, а его финского последователя Петера Сяркилахти как провозвестника очищения веры в Финляндии. Особенно подробно он описал деятельность Агриколы, которого знал лично.

Таким образом, Юстену удалось собрать воедино довольно скудные источники, освещающие древнюю историю Финляндии, и присовокупив к нему биографии последних епископов, довести ее изложение до современности. Видный финский общественный и политический деятель Ю. В. Снельман называл его хронику первым проектом собственно финской истории¹⁸.

Юстен является также автором изданного Х. Г. Портаном описания посольства в Москве, в котором была дана живая картина русской действительности того времени¹⁹.

Таким образом, исторические сочинения появляются в Финляндии в то время, когда ее культурное развитие создало предпосылки для накопления исторических

---

¹⁶ *Justen P.* Op. cit. S. 67–68.

¹⁷ *Макаров И. В.* Указ. соч. С. 144–145.

¹⁸ *Snellman J. V.* Kootut teokset. Osa VIII. Porvoo, 1932. S. 343.

¹⁹ *Юстен П.* Посольство в Московию 1569–1572. СПб., 2000.

знаний и подготовило просвещенные круги финского общества к восприятию исторических представлений. Появление этих сочинений было связано с возникновением финской письменности и началом книгопечатания в Финляндии.

Сочинения Агриколы и Юстена выгодно отличались от многих исторических сочинений следующего столетия тем, что в них почти отсутствовали легенды и вымысел, что было характерно для финско-шведской патриотической историографии эпохи великодержавья.

Это объясняется прежде всего различием в целях авторов. У историков XVII в. они были глобальными: создать историю Скандинавии (Мессениус), опровергнуть мнение о том, что финны были язычниками, и доказать, что истинная религия зародилась в Финляндии уже в начале новой эры (Бонг), прославить свое отечество через его историю (Юслениус). Несоответствие этих задач источниковой базе и уровню исторических знаний эпохи с неизбежностью породили пустоты, которые были заполнены вымыслом и фантазиями.

На этом фоне те цели, которые ставили перед собой Агрикола и Юстен – дать обзор распространения христианства в Финляндии и осветить основные этапы истории финской церкви – были не столь масштабными, но вполне реальными. Поэтому они увенчались скромными, но более достоверными практическими результатами.

У истоков осмысления места средневековых городов в судьбах западноевропейской цивилизации¹

Город представляет собой одно из самых ярких явлений в истории западноевропейского средневековья. История городов неизменно является предметом пристального внимания медиевистов. Тем не менее и сегодня она таит в себе немало загадок для исследователей.

Эти загадки связаны не только с теми или иными страницами истории городов, но и с трудностью постижения самой природы средневекового городского развития, осмысления истоков той преобразующей новизны, которую внесли города в развитие стран Западной Европы.

На исключительно важную роль средневековых городов в судьбах западноевропейской цивилизации обращали внимание уже просветители XVIII века. Давая резко отрицательную оценку европейскому обществу эпохи средневековья, они делали исключение именно для городов, с которыми связывали первые ростки перемен, пролагавших пути к переустройству общества на разумных началах, к прогрессу наук, искусств и просвещения.

Так, знаменитый английский историк-просветитель, поместивший в качестве введения к своему труду «История царствования императора Карла V» краткий очерк истории Западной Европы в средние века, отмечал особое значение начавшегося благодаря крестовым походам оживления городской жизни. Он писал, что возросшее богатство городов «при содействии нового, особенного учреждения, привело их в состояние обеспечить свою свободу и независимость. Это учреждение есть образование городов в общины, или отдельные целые с правом особенного судопроизводства и, может быть, более всех других причин способствовало началу и распространению в Европе благоустроенного правления, внутреннего порядка и промышленности»².

Выдающийся французский мыслитель эпохи Просвещения Жан Антуан Кондорсэ в своем «Очерке истории развития человеческого разума» подчеркивал важное значение средневековых городов в подготовке постепенного пробуд-

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного автором на научном семинаре «Город и общество», состоявшемся 25 декабря 2015 года в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

² Робертсон В. История государственного императора Карла V, с описанием устройства гражданских обществ в Европе, от разрушения Римской империи до начала шестнадцатого столетия: в 4 т. М., 1839. Т. 1. С. 30.

ждения наук, искусств, идей гражданской свободы в последние столетия средних веков³.

Выдающийся немецкий просветитель Иоганн Готтлиб Гердер в своем труде «Идеи к философии истории человечества» писал: «Города Европы стали как бы военными лагерями культуры, горнилом трудолюбия, началом нового лучшего общественного строя, без которого земля эта до сих пор оставалась бы невозделанной пустыней <...> В городских стенах, на малом пространстве, теснилось все, что только могли пробудить, создать прилежание, находчивость, гражданские свободы, хозяйство, порядок, нравственность»⁴.

Важнейшей вехой на пути осмысления истории средневекового городского развития стали труды Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, и прежде всего – его «Философия истории».

Подобно просветителям XVIII в., Гегель видел в городах источник обновления западноевропейского общества, движущую силу его прогрессивного развития. Но при этом концепция Гегеля существенно отличается от взглядов его предшественников.

Давая в целом отрицательную оценку эпохе средневековья (точнее – «феодальной системе»), которая, по его мнению, установилась в странах Западной Европы после распада империи Карла Великого⁵), Гегель, в отличие от просветителей XVIII в., рассматривал ее как необходимый и закономерный этап прогрессивного развития человечества, а в средневековых городах видел форму разрешения присущих феодальной системе противоречий.

Размышления Гегеля о средневековых городах являлись составной частью его представлений о смысле всемирной истории как процессе самопознания абсолютного духа, который в конечном счете сводится к познанию человечеством идеи свободы⁶.

Феодальная система, как полагал Гегель, была выражением «реакции индивидуумов против законной и государственной власти, против субординации, воинской повинности, организации судопроизводства. Она вызвала обособленность индивидуумов и благодаря этому их беззащитность. Вследствие этой реакции исчезло общее начало (*Allgemeines*) государственной власти: индивидуумы искали защиты у сильных, и последние стали притеснителями»⁷.

---

³ Кондорсэ Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.; Л., 1936. С. 119–122.

⁴ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 603–604.

⁵ Гегель Г. Философия истории // Гегель Г. Сочинения. М.; Л., 1935. Т. 8. С. 345.

⁶ См.: Каримский А. М. Философия истории Гегеля. М., 1988; Гулыга А. В. Гегель. М., 2008. С. 145–160; Шлыков В. М. Философия истории Г. Гегеля // Вестник Российского нового университета. 2011. № 1. С. 7–10 и др.

⁷ Гегель Г. Указ. соч. С. 345.

Возникновение средневековых городов трактуется Гегелем как «реакция против насилия, свойственного феодальному строю»⁸.

Процесс становления городской жизни видится мыслителю следующим образом: «Сильные принуждали других искать у них защиты. Такими пунктами, где можно было найти защиту, были укрепленные места (Burgen), церкви и монастыри, вокруг которых собирались лица, нуждавшиеся в защите, которые с тех пор становились гражданами, стоявшими под защитой владельцев укрепленных мест и монастырей. Таким образом во многих местах развилась прочная совместная жизнь... С этого времени положение лиц, пользовавшихся защитой, вызвало развитие принципа свободной собственности, то есть из несвободы возникла свобода»⁹.

Путь к обретению свободы лежал, по мысли Гегеля, через коммунальное движение, порожденное пробудившимся в городах «стремлением к свободе»: «Индивидуумы, которые сближались друг с другом благодаря тому, что они обрабатывали землю, образовали между собой союз, конфедерацию или заговор. Они соглашались делать для себя то, что они прежде делали только для господина. Первым общим предприятием было то, что строилась башня, в которой привешивался колокол: когда раздавался колокольный звон, все должны были собираться, и назначение союза заключалось в том, чтобы организовать таким образом своего рода милицию. Затем устанавливалась общественная власть старшин, присяжных, консулов, взимались налоги, пошрины и т. д. Для общей защиты выкапывались рвы и строились стены, и отдельным лицам воспрещалось иметь для себя особые укрепления... Когда впоследствии эти общины окрепли, все права выкупались у господ или от них силой добивались их отмены: города мало-помалу покупали себе собственные судебные полномочия, а также освобождались от всяких налогов, податей, оброков... Постепенно города настолько усилились, что они образовали свободные республики, особенно в Италии, затем в Нидерландах, в Германии, во Франции»¹⁰.

Казалось бы, отсюда должен был открываться прямой путь к гражданскому обществу нового времени. Однако, по мысли Гегеля, средневековые города не стали полным воплощением идеи свободы, поскольку под влиянием феодальной системы и проникавшего в городскую среду дворянства в городах сложилось «патрицианское дворянство», которое «не допускало простого народа в управление государством, а борьба политических партий вызывала «постоянное изменение городского устройства»¹¹.

---

⁸ Гегель Г. Указ. соч. С. 361.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 361–362.

¹¹ Там же. С. 363.

Путь к торжеству идеи свободы проходил, как полагал Гегель, от феодальной системы к монархии. «Феодализм, – отмечал мыслитель, – есть многовластие: существуют только господа и холопы; наоборот, в монархии есть один господин и нет холопов, потому что холопство сокрушено ею, и в ней господствует право и закон: из нее вытекает реальная свобода»¹².

При этом основой и предпосылкой образования монархии является складывание наций: «Церковь, власть которой простиралась на все государства, и города, где впервые вновь начал устанавливаться правовой порядок, являлись силами, от которых исходила реакция против государей и династов. Затем против этих двух укрепившихся властей началась реакция государей: император борется против папы и городов»¹³.

С образованием национальных монархий в Западной Европе, полагал Гегель, «человечество почувствовало, что действительно произошло примирение духа в нем самом, и оно с чистой совестью может смотреть на свою действительность, на мирское. Человеческий дух стал самостоятельным... Небо духа проясняется для человечества. С успокоением мира при установлении государственного порядка, которое мы рассмотрели, был связан еще и дальнейший, более конкретный духовный порыв к более благородной гуманности. Три факта: так называемое возрождение наук, расцвет изящных искусств и открытие Америки и пути в Ост-Индию можно сравнить с утренней зарею, которая после долгих бурь впервые предвещает прекрасный день. Этот день был днем торжества всеобщности, который наконец наступает после продолжительной, богатой последствиями и ужасной ночи средних веков. Этот день ознаменовался развитием науки, искусства и стремлением к открытиям, то есть самым благородным и высоким из того, что дух, ставший свободным благодаря христианству и обновленный церковью, выражает как свое вечное и истинное содержание»¹⁴.

Утренняя заря эпохи Возрождения возвестила о восходе «все преобразующего солнца Реформации»¹⁵, в которой всемирная история находит, с точки зрения Гегеля, свое завершение.

В движении человечества к этой конечной цели значительно место Гегель уделял средневековым городам, в истории которых он подчеркивал особое значение освободительного коммунального движения. Гегель впервые поставил вопрос о движущих противоречиях развития средневекового города, высказал мысль о его нефеодальной природе, обосновал положение о городе как форме разрешения противоречий феодальной системы. Диалектический подход Гегеля

---

¹² Гегель Г. Указ. соч. С. 374.

¹³ Там же. С. 363.

¹⁴ Там же. С. 383–384.

¹⁵ Там же. С. 388.

существенно обогатил методологический арсенал урбанистики, открыл новые горизонты изучения средневековых городов Западной Европы.

Разумеется, многое в концепции Гегеля видится сегодня малоубедительным. Здесь свою роль сыграло то, что в его время история городов средневековья была изучена в незначительной мере. Самое же главное состоит в его сугубо идеалистическом подходе к осмыслению истории, который приводит Гегеля к логично встроенным в его концепцию, но не находящим подтверждения в данных источников выводам.

Наиболее показательны в этом отношении его суждения об экономическом развитии средневековых городов. Так, например, становление самоуправляющихся городских общин представляется ему не следствием, а предпосылкой развития ремесла: «В таких общинах развивались ремесла, отличавшиеся от земледелия. Вскоре лица, занимавшиеся ремеслами, неизбежно должны были очутиться в более благоприятном положении, чем земледельцы. Так как последние были принуждаемы к труду, а первые действовали самостоятельно, они были заинтересованы в том, чтобы усердно работать для заработка»¹⁶.

Великий мыслитель даже не скрывает своего недоумения перед фактом устойчивого прогресса городской экономики в условиях крайней нестабильности политической жизни городов: «Когда мы рассматриваем это беспокойство и изменчивость во внутренней жизни городов, и непрерывную борьбу партий, то удивляемся, что с другой стороны наблюдается цветущее состояние промышленности, сухопутной и морской торговли». Парадоксу дается следующее объяснение: «Это процветание было вызвано тем же самым принципом жизненности, который поддерживался именно этим внутренним возбуждением»¹⁷ (повидимому, имеется в виду острота происходившей в городах политической борьбы. – *А. Г.*)

Такого рода оценки и суждения Гегеля являются достоянием времени. Открытый же им диалектический метод изучения истории предоставляет широкие возможности и для современного исследователя, в том числе обращающегося к изучению проблематики городского развития средневековой Западной Европы.

---

¹⁶ Гегель Г. Указ. соч. С. 362.

¹⁷ Там же. С. 363.

ПУБЛИКАЦИИ

Я. Н. Рабинович

Малоизвестный труд Г. А. Замятина о походах шведов в Поморье в начале XVII века

Имя Германа Андреевича Замятина (17 февраля 1882 – 2 января 1953) до последнего времени было известно лишь узкому кругу специалистов. Долгое время труды этого крупнейшего специалиста по истории русско-шведских отношений начала XVII в. незаслуженно замалчивались. Когда в 1966 г. вышли «Очерки истории исторической науки в СССР» в четырех томах, то Г. А. Замятину в этом труде была посвящена лишь одна строка в последнем четвертом томе, в подстрочнике. Говоря о советских историках, изучающих внешнюю политику России в XVII в., авторы (А. А. Зимин и А. А. Преображенский) пишут: «Можно назвать лишь *небольшие работы, посвященные русско-шведским отношениям XVII в.*» (курсив мой. – Я. Р.). В примечании к этой цитате авторы делают ссылку на единственную работу Г. А. Замятина «Два документа к истории Земского собора 1616 г.» (Труды ВГУ. Воронеж, 1925)¹.

Творческий путь Г. А. Замятина рассмотрен в специальных статьях Г. М. Коваленко и Л. Дубьевой². Он родился в г. Слободском Вятской губернии в семье священника. Духовная семинария, учеба в университетах Юрьева и Санкт-Петербурга (1902–1907), а также в Петербургском археологическом институте (1907–1909), публичная защита магистерской диссертации «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол» (1913), работа в качестве приват-доцента в Юрьеве (1913–1918), переезд в Воронеж (1918), защита диссертации в Воронеже (1921), преподавание в Воронежском университете (1922–1929), репрессии, арест и освобождение, работа в библиотеках Воронежа и Курска, в пед-

---

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. Т. 4. М., 1966. С. 306.

² Коваленко Г. М. Герман Андреевич Замятин // ИЗ. М., 2006. № 9 (127). С. 358–367; Dubeva L. G. A. Zamjatin (1882–1953) als Forscher der Sammlung De la Gardie // Die baltischen Länder und der Norden. Tartu, 2005. S. 519–520.

институтах Курска и Сталинграда (1936–1938) – таковы основные этапы жизненного пути Г. А. Замятина до его переезда в Пермь.

Наиболее плодотворный в плане научных достижений период жизни Г. А. Замятина (1938–1952) связан с работой в Молотове (Перми) на кафедре всеобщей истории Пермского педагогического института (сначала в должности исполняющего обязанности профессора пединститута, а затем – зав. кафедрой всеобщей истории). С 1 января 1942 г. он преподавал по совместительству в Пермском университете (до 1947 г.), читал лекции в областной партийной школе.

Многим трудам Г. А. Замятина, написанным в Перми, была уготовлена печальная судьба, они не были опубликованы ни при жизни ученого, ни после его кончины, а некоторые из рукописей не найдены до настоящего времени.

Труду Г. А. Замятина, о котором пойдет речь в настоящей статье, можно сказать, «повезло». Он не был забыт, на него иногда ссылались исследователи, он был даже опубликован уже в 1941 г. (это большая редкость в отношении трудов историка). Но в действительности дело обстояло намного сложнее. Этот труд оказался по различным причинам недостаточно изученным, а ссылки на него иногда делались чисто формально.

Данная работа Г. А. Замятина объемом 2,9 а.л. была написана в конце 1930-х гг. в Перми, куда Герман Андреевич переехал из Сталинграда в 1938 году. Не исключено, что отдельные сюжеты статьи были подготовлены еще ранее – в Курске и Сталинграде.

Работая на кафедре всеобщей истории Пермского педагогического института, уже весной 1940 г. Замятин подготовил докторскую диссертацию, состоящую из 4-х очерков. Экземпляр данной работы с датой 1940 г. на титульном листе хранится в личном фонде академика Е. В. Тарле в архиве Российской Академии наук в Москве³. В письмах Е. В. Тарле от 7 мая и 9 июня 1940 г. диссертация получила очень высокую оценку⁴. Первый очерк диссертации посвящен походам шведов в Поморье.

В течение 1940 г. Замятин делал небольшие дополнения к данному очерку, учитывая новейшие исследования советских ученых, таких, как В. Лилеев, В. Виргинский, Б. Тельпуховский. В 1941 г. этот очерк под названием «Походы шведов в Поморье в начале XVII в.» опубликован в местном издании небольшим тиражом. Выпуск № 8, в котором была опубликована статья Замятина, был первым выпуском научных работ исторического факультета Молотовского педагогического института. Герман Андреевич был назначен ответственным редакто-

---

³ *Замятин Г. А.* Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века. Молотов, 1940. 468 с (машинописный вариант) // Архив Российской Академии наук (Москва). Ф. 627. Оп. 5. Д. 44; см. также: НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 2. Д. 3.

⁴ Письма Е. В. Тарле Г. А. Замятину. Москва. 7 мая и 9 июня 1940 г. // НИОР РГБ. Ф. 618. Карт. 10. Д. 6. Л. 1–2.

ром этого выпуска. Каждая статья выпуска предварительно докладывалась на заседании Совета института. Сборник «сдан в производство» 24 февраля 1941 г., а подписан к печати 6 июня, за полмесяца до начала Великой Отечественной войны. В конце 1941 г., несмотря на трудные военные условия, этот сборник статей появился в печати тиражом в 465 экземпляров⁵.

Мало кто из историков в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы был знаком с данной работой. Ничего о ней не знали И. С. Шепелев, опубликовавший свою работу в 1949 г., а также Р. Б. Мюллер (1947) и И. П. Шаскольский, который в 1950 г. написал книгу о шведской интервенции в Карелии. Этим авторам Замятин отправлял свою работу уже после выхода их трудов⁶. Сборник со своей статьей о походах шведов в Поморье Герман Андреевич отправил осенью 1951 г. Ксении Николаевне Сербиной.

Сербина писала в ноябре 1951 г. после получения посылки со статьей Замятина: «Вып. 8, действительно в ленинградских библиотеках отсутствует; поэтому я особенно признательна Вам за присылку Вашей статьи... Книгу я сегодня же вручила Р. Б. [Мюллер]». В другом письме, написанном через год, К. Н. Сербина указывала: «Для Всемирной истории я использовала вашу очень интересную работу о шведской интервенции на русском Севере. Я очень благодарна Вам за то, что вы прислали мне ее, т. к. ее нет в библиотеках Ленинграда»⁷. Отметим, что в научную библиотеку Саратовского университета данный сборник поступил вместе с предыдущими выпусками Молотовского пединститута в 1945 году.

С момента публикации данной работы Г. А. Замятина прошло уже свыше 70 лет, однако она по-прежнему малоизвестна. Не знает о данной работе Г. А. Замятина и крупнейший исследователь Севера И. Ф. Ушаков⁸.

Статье Г. А. Замятина не нашлось места в обширной библиографии, приведенной как авторами Славянской энциклопедии (2004), так и современными

---

⁵ Замятин Г. А. Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // Учен. зап. Пермского гос. пед. ин-та. Ист. филол. факультет. 1941. Вып. 8. С. 44–77.

⁶ Шепелев И. С. Шведская интервенция в России и отношение к ней Первого земского ополчения // Сб. научных трудов Пятигорского гос. пед. ин-та. Пятигорск, 1949. Вып. 4. С. 175–198; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947; Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

⁷ Письмо К. Н. Сербиной Г. А. Замятину. Ленинград, 15 ноября 1951 г. // Замятин Г. А. «К Российскому царствию пристоят». Борьба за освобождение русских городов, захваченных шведами, в 1613–1614 гг. / сост. А. Н. Одинокоев, Я. Н. Рабинович; под ред. Г. М. Коваленко. Великий Новгород, 2012. С. 178–179; Письмо К. Н. Сербиной Г. А. Замятину. Ленинград, 20 ноября 1952 г. // Там же. С. 184.

⁸ Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972; Он же. Кольский острог (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960.

исследователями В. А. Волковым (2004), Е. И. Кобзаревой и др. учеными, изучающими историю русско-шведских отношений в Смутное время⁹.

Как писал сам Г. А. Замятин, работа написана на основании «*русских и опубликованных в печати шведских источников*». Среди шведских источников стоит отметить документы, опубликованные в 4-х томах финским историком Ваараненом еще в 1874 г. Замятин использовал 18 документов из данного издания, а также документы, опубликованные в Швеции (переписка канцлера Оксеншерны и многотомное собрание документов по Скандинавской истории). На сборник, опубликованный Ваараненом, Замятин ссылался еще в диссертации 1918 г. (опубликована впервые в 2008 г.)¹⁰.

Замятин почти не использовал в данной статье документы из шведских архивов и архива Делагарди в Тарту, а ограничился трудом В. А. Кордта¹¹.

Среди документов, хранящихся в московском архиве (ныне РГАДА), стоит отметить «Память московским послам Ивану Туренину с товарищами» 1594 г., а также другие документы фонда 96 (Сношения со Швецией).

Замятин привлек многочисленные источники, опубликованные в русских дореволюционных изданиях: ААЭ, АИ, Акты Шуйского, Сб. НОЛД, донесения голландских послов, приложение к труду Н. Харузина о русских лопарях и некоторые другие. Многие из этих источников исследователь сумел использовать благодаря многочисленным выпискам, сделанным задолго до его отъезда в Пермь.

Некоторые исследования русских, шведских и финских ученых были найдены Замятиным в библиотеках Ленинграда во время кратковременной командировки в северную столицу (в Перми, а тем более в Сталинграде, эти труды отсутствовали). Исключение составляет труд А. А. Савича о Соловецкой вотчине (1927). Возможно, Замятин и Савич были лично знакомы друг с другом. Герман Андреевич писал, что А. А. Савичу хорошо известен его труд об избрании Михаила Романова, опубликованный в 1926 г. в Воронеже.

Столичные журналы, в которых были опубликованы статьи В. Лилеева, В. Виргинского, Б. Тельпуховского, достать в Перми было гораздо легче, а Новгородский исторический сборник (НИС) со статьями В. А. Фигаровского ему присылали из Новгорода.

---

⁹ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004; Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. / авт.-сост. В. В. Богуславский. М., 2004; Кобзарева Е. И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005.

¹⁰ Замятин Г. А. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.: Падение кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / сост. Г. М. Коваленко. СПб., 2008. С. 31–242.

¹¹ Кордт В. А. Из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. Юрьев. унив. 1894 г. № 2.

Особо следует выделить новый труд офицеров шведского генштаба (1937). Трудно сказать, каким образом он оказался в руках Замятина, возможно, благодаря ленинградским коллегам.

В начале работы Замятин отмечал, что в последнее время возрос интерес к истории шведской интервенции в России начала XVII века. Он приводит в качестве примера новые труды: В. А. Фигаровского, В. Лилеева, но при этом указывает на крупные недостатки данных исследований: «...игнорирование источников на шведском языке не только архивных, но и давно опубликованных в печати, а также замалчивание шведской исторической литературы». Из шведских исследователей, без которых невозможно обойтись в данном вопросе, Замятин особо выделил Юхана Видекинда, Хельга Альмквиста, а также отметил новейший труд офицеров генштаба.

Критикуя современных отечественных исследователей, Замятин был вынужден констатировать, что у них, практически, не было предшественников. Дореволюционная отечественная историография по данному вопросу довольно бедна, а из советских исследователей только А. А. Савич «дает лишь отрывочные сведения», к тому же «неверно понимает источники на русском языке», вследствие чего делает ошибочные выводы.

Замятин подчеркивает, что этот вопрос – «забытый в литературе момент». Действительно, дореволюционные историки больше внимания уделяли походам шведов в Поморье в конце XVI в. (А. В. Тищенко, А. Чумиков и др.), чем аналогичным походам в период Смутного времени.

Замятин не приводит имен дореволюционных историков, которые все же писали о походах шведов в Поморье в 1611 г. По-видимому, историк не был знаком с трудами архим. Досифея, Н. А. Голубцова, А. Н. Попова, Н. Орлова.

Условно работу Замятина можно разделить на две части. Первая часть посвящена событиям 1606–1610 гг. (в основном – дипломатической переписке), а вторая часть – походам шведов в 1611 г. и реакции со стороны Дании, Англии и руководителей ополчения на данные походы.

Почти половину объема статьи Замятина занимает обзор проектов Карла IX захватить русскую территорию на Севере и русские города, а также инструкций короля своим военачальникам по этому вопросу, составленных еще до подписания Выборгского договора, по которому Швеция и Россия стали союзниками.

В начале работы много внимания Замятин уделил пограничным инцидентам, спорам о межах, происходившим в 1606–1607 гг. в Лопской земле (Лапландии), где жили саами. Шведские власти (улеборгский наместник Исаак Бем) выполняли инструкции короля Карла IX. Замятин сравнивает текст Тязвинского договора 1595 г., на основании которого была намечена в 1596 г. в межевой записи пограничная линия, и текст инструкции шведского короля 6 октября 1606 г., в которой

указана новая пограничная линия. Эта новая линия находилась намного восточнее; в инструкции короля «явно проглядывает стремление захватить часть русской территории». Шведы воспользовались тем, что межевая запись 1596 г. осталась только на бумаге, межи на этом участке «меж корельского уезда с Выборгскою и финскою землею и в лопскую землю, т. е. от Реппулы к Мурманскому морю», так и не были проложены. Трудно сказать, по чьей вине в течение 10 лет с 1596 г. границы в Лапландии так и не были точно установлены и межевые знаки не поставлены (каждая из сторон обвиняла другую сторону). Теперь, в 1606 г. во времена Смуты для шведов настал удобный момент захватить русские земли «пока между русскими нет единства».

Замятин (ссылаясь на Г. В. Форстена) писал, что царь Б. Годунов, планируя свадьбу дочери Ксении с датским принцем, действительно хотел уступить часть Лапландии датскому королю. Поэтому, боязнь захвата Лапландии Данией (злейшим врагом Швеции) вызывала такие мероприятия Карла IX по захвату пограничных земель, тем более, что границы не были твердо установлены.

Далее Замятин рассматривает вопрос, как же выполнялись эти королевские инструкции. Шведский комиссар Исаак Бем написал грамоту-ультиматум воеводе Сумского острога (также – в Кольский острог). В грамоте шведы указывали новые границы, которые необходимо проложить в соответствии с королевской инструкцией от 6 октября 1606 г., требовали прибытия русских уполномоченных на рубеж к установленному сроку и сообщали, что в случае неприбытия шведы будут сами прокладывать эти межи.

Эти грамоты были отправлены местными русскими воеводами в Москву (якобы в Коле, Сумах, Соловках, Холмогорах не было переводчиков). Замятин не указывает, что это была обычная уловка русских воевод (в действительности, переводчики, конечно же, были). Но воеводы не могли взять на себя ответственность за маркирование новой границы, да еще намного восточнее той, которая указана в Тявзинском договоре. Ведь границы, хоть и не были четко обозначены (проложены), но были хорошо известны местным жителям.

Замятин подробно разбирает ответные действия правительства Василия Шуйского, пишет об отправке гонцов из Москвы в Колу и Архангельск с царскими грамотами. Царь узнал, что шведы начали прокладывать новые межи, а стрелецкого сотника, целовальника и дьячка, которые пытались воспрепятствовать этому, захватили в качестве заложников (в ответ на задержку в Сумах шведских посланников). Царь требует, чтобы шведские посланцы были поскорей отпущены из Сумского острога, он также указывает отправить лазутчиков в порубежные шведские города узнать, будут ли шведы самовольно ставить новые границы на других рубежах.

В Москве понимали, что такие действия шведов – это насильственный захват русской территории. Но сил для противодействия этому произволу не было. Москва только что освободилась от осады повстанцами Ивана Болотникова.

Воеводы северных городов должны были заявить шведам решительный протест, но при этом им предписывалось обходиться своими силами, к тому же, им давалось указание, чтобы русские не начинали ссоры. Боязнь военных осложнений проглядывает и в заключительных словах царских грамот.

В новых инструкциях шведского короля Карла IX от 22 апреля, 11 сентября 1607 г. и 13 августа 1608 г. говорится о необходимости завершения межевания границ в других районах, о сборе дани с местных жителей. Шведы должны собирать дань в таком же размере, как собирали датчане и русские. Чтобы ни русские, ни датчане этому не могли воспрепятствовать, шведские сборщики должны взять с собой отряд воинов-кнехтов.

Замятин подробно останавливается на действиях шведов на севере после заключения Выборгского договора 1609 г. Теперь русские и шведы – союзники в борьбе против общего врага, Лжедмитрия II, но замыслы шведского короля по захвату русских территорий на севере остаются прежними. В дальнейшем, в связи с победами М. В. Скопина-Шуйского и Я. Делагарди, у Карла IX появляется надежда, что царь уступит Швеции не только Корелу, но и часть другой территории на севере.

Замятин выделяет три основных объекта шведских захватов: Сумский острог вместе с Соловецким монастырем, Кольский острог, Печенгский монастырь.

Шведский король в очередной инструкции Исааку Бему от 13 февраля 1609 г. предписывал с крупным отрядом после получения известий о начале похода Я. Делагарди «вступить в Россию и с тех из русских, которые отпали от Василия Шуйского, получить контрибуцию и захватить, что можно. Он может получить Сумский острог (Store Somen)». Из этой инструкции совершенно ясно, что Карл IX, отправляя Я. Делагарди в Россию, в то же время замыслил поход на севере против Сумского острога.

Замятин приводит содержание писем Исаака Бема к игумену Соловецкого монастыря Антонию и к воеводе Сумского острога от февраля 1609 г., в которых шведский губернатор сообщает об отправке в Россию Я. Делагарди с войском, призывает не признавать самозванца и служить царю Василию Шуйскому. Исаак Бем также писал о том, что король приказал ему здесь, на севере, наказывать тех, кто отпал от царя Василия Шуйского и оказать помощь сторонникам царя. Таким образом, шведы искали предлог для вторжения и захвата северных русских земель. Об ответе игумена и воеводы шведам в это время ничего не известно.

Осенью 1609 г. шведский король уже стремится захватить Колу. Замятин приводит содержание инструкции короля от 3 октября 1609 г. Бальтазару Беку

и Исааку Бему. Оба шведских военачальника после проведения мобилизации и сбора войск с наступлением зимы и установлением удобной санной дороги должны двинуться к Кольскому острогу и «посмотреть, могут ли они его захватить». Шведы должны использовать не только военную силу, но и дипломатию. Шведские воеводы должны сообщить русским, что якобы Кола раньше принадлежала шведам, и что царь Василий Шуйский по договору передал шведам Колу в награду за военную помощь.

В случае успеха данной операции шведские воеводы должны оставить в Коле надежный гарнизон и сразу начать прокладывать новые границы в сторону Норвегии и привести к присяге местных окрестных жителей.

Третьим объектом для захвата шведский король в декабре 1609 г. намечает Печенгский монастырь. Шведские воеводы должны захватить его в случае неудачи с захватом Колы. При этом, чтобы обмануть местных жителей, они должны были сказать, что царь Василий уступил Швеции кроме Кексгольма (Корелы) также Нотебург, Ивангород, Ям, Копорье, Колу и Печенгский монастырь (Pitzniki Clöster).

История Печенгского монастыря в это время недостаточно изучена. Ранее существовало мнение, что после разгрома монастыря в 1590 г. он прекратил свое существование, а монахи ушли в Колу, где основали новый монастырь. Из данной инструкции короля следует, что монастырь функционировал в 1609 г., местные монахи контролировали район Варангер фиорда.

Особое внимание в инструкции короля в случае захвата Колы и Печенги предполагалось уделить обороне этих пунктов не только от русских, но и от датчан. Также шведы должны захватить Вордё, (Wordehuus), укрепиться в Альтен фиорде (Alten) и там построить крепкий шанец для защиты, оставив гарнизон.

Сумский острог, Кольский острог, Печенгский монастырь были объектами шведских нападений еще в период русско-шведской войны 1589–1595 гг. Замятин приводит подробные сведения русских документов из РГАДА о разорении Поморских волостей во время этой войны, особенно в 1589–1592 гг. (память русским послам Ивану Туренину). Эти же пункты шведы хотели получить и при ратификации Тязвинского договора (инструкции Карла IX уполномоченным для ведения переговоров с русскими о заключении вечного мира от 31 августа 1606 г.).

Карл IX стремился сохранить свои намерения в глубокой тайне от русских союзников, чтобы русские послы Смирной Отрепьев и Пятой Григорьев, направлявшиеся в Швецию, ничего не заметили (инструкция короля Эрику Элфссону от 24 февраля 1610 г.). Узнав, что Исаак Бем не успел летом 1609 г. подготовиться к походу на Колу и не осуществил этот поход зимой 1610 г., король потребовал наказать Бема (приказы Карла IX от 24 марта 1610 года.). Таковы основные проекты Карла IX захватить русские города до весны – лета 1610 года.

Вторая часть труда Замятина посвящена осуществлению на практике шведских проектов по захвату русской территории после лета 1610 г. Замятин вынужден констатировать, что данные, имеющиеся в его руках, «недостаточны, чтобы нарисовать полную картину походов шведских отрядов».

Из писем короля Замятин делает два вывода. Во-первых, наступательные действия шведов на севере России были запланированы задолго до Клушинского поражения 24 июня 1610 года, когда шведы и русские были еще союзниками: «двурушническая политика Карла IX по отношению к России выясняется хорошо». Во-вторых, шведы до апреля 1610 г. на севере России еще не дошли до русских пределов и не сумели реализовать свои планы.

После Клушино и присяги москвичей королевичу Владиславу, когда шведы из союзников превратились во врагов, наступление шведов в Поморье началось в нескольких направлениях. Из письма короля от 7 августа 1610 г. своим военачальникам, отправленным в поход на Колу вместо Исаака Бема (Бем был отстранен от должности), мы узнаем о боях под Корелой, о нападении корелян на шведский лагерь. Замятин также приводит другой документ, из которого видно, что царь Василий после Клушино отказался передавать шведам Корелу за их измену.

Поход шведов летом 1610 г. на Колу не состоялся, зато хорошо известен другой поход в начале 1611 г. Замятин подробно останавливается на походах шведов к Кольскому острогу и к Сумскому острогу, которые были предприняты почти одновременно.

Поход на Колу, предпринятый в феврале 1611 г. под руководством Бальтазара Бека, завершился провалом. Замятин подчеркивает, что отпор шведской агрессии у Кольского залива был дан местными силами. Никакой помощи из Москвы жители Колы не получили. Сведения о данном походе Замятин брал в основном из новейшего труда офицеров шведского генштаба. О походе на Колу имеются данные и в русских документах, в том числе в грамоте Прокопия Ляпунова в Новгород 23 июня 1611 г., которую привел Юхан Видекинд, в грамоте сумских воевод шведским военачальникам и в более поздней царской грамоте. Все эти источники Замятин также использовал в своей работе. К сожалению, Замятин не указал, что собой представлял Кольский острог, как крепость, какие здесь были укрепления, вооружение, состав гарнизона, численность жителей, кто был воеводой. Все эти сведения имелись в труде Н. Харузина (Писцовая книга Алая Михалкова 1608–1611 гг.), на который Замятин ссылался в своей работе¹².

---

¹² О состоянии Кольского острога в Смутное время см.: Рабинович Я. Н. Кольский острог в 1611 г.: поход Бальтазара Бека на Колу // Мининские чтения 2011: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н. Новгород, 2011. С. 74–85.

До Замятина об этом походе вскользь (в одном предложении) упомянул В. Лилеев, но говоря об отпоре, который получили шведы, данный исследователь даже не делает ссылки на документ, из которого он почерпнул эти сведения. По-видимому, Замятин не был знаком с дореволюционными трудами архим. Досифея и Н. А. Голубцова, в которых кратко сообщалось об этих походах на Колу и к Соловецкому монастырю¹³.

Более подробно Замятин остановился на походе шведов к Сумскому острогу. Он приводит содержание инструкций короля 25 января 1611 г. Эриху Харе и 30 января Андерсу Стюарту и Кнуту Хоканссону, в которых шведским военачальникам предписывалось «разведать подробно, как обстоит дело с Сумским острогом и Соловками, и приложить все силы, чтобы захватить с помощью петард либо одно, либо оба укрепления, или же отодвинуть дальше границы Швеции». После захвата Сум и Соловков там должен оставаться сильный шведский гарнизон.

Эрих Харе, выполняя королевскую инструкцию, отправил 24 февраля 1611 г. игумену Соловецкого монастыря письмо короля Карла IX. Ответ игумена Антония королю 12 марта 1611 г. хорошо известен, однако многие исследователи, не зная содержания королевского письма, делали ошибочные выводы, будто Карл IX предлагал своего сына на русский престол. Замятин в данном труде, а также еще ранее – в диссертации 1918 г. и в опубликованной статье 1926 г. привел содержание данного королевского письма от 20 января 1611 г. из Стокгольмского архива. Карл IX предлагал выбирать царя только из русских боярских родов, игумен, в свою очередь, ответил, что как в Москве, так и в Соловецком монастыре и Сумском остроге не хотят видеть царем никого из иноверцев, только «своих прирожденных бояр Московского государства».

Несмотря на благоприятный ответ игумена, шведы в конце марта из Каянеборга начинают наступление на Сумы и Соловки. Говоря о неудаче этого апрельского похода, Замятин, ссылаясь на письмо Кнута Ханда (при этом историк приводит интересные сведения из биографии этого военачальника), называет в качестве главной причины климатические трудности, «глубокий снег в рост лошади». В подтверждение своего тезиса Замятин приводит мнение известного географа П. П. Семенова-Тян-Шанского. И все же главной причиной неудачи похода следует считать сопротивление местного населения.

Из письма Андерса Стюарта игумену Антонию от 7 июля 1611 г., текст которого привел Замятин, видно, что из-за бегства местных жителей войску шведов неоткуда было получать продукты и фураж, и оно вернулось в свою землю, ожидая указаний короля.

---

¹³ Архангельский край в Смутное время / под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1913. С. 8–9.

В конце данного письма Стюарт пишет о нападениях русских «людей и мужиков» на шведских крестьян. Замятин не верит этому сообщению, считает что *«Стюарт явно выдумывает о неприязненных действиях русских. Он просто ищет благовидного предлога для того, чтобы начать военные действия против Соловецкого монастыря, захватить его»*. Едва ли стоит отрицать ответные действия русских людей на шведскую агрессию. Скорее всего, местное население, вначале захваченное врасплох, оказывало пассивное сопротивление, предпринимая тактику «выжженной земли», а затем организовалось в партизанские отряды и стало нападать на захватчиков на их территории. Одним из организаторов этой борьбы был староста из Тикши Иван Рогачев (Роккачу)¹⁴.

Шведский король уже к 9 июня 1611 г. узнал, что Стюарт вернулся в Улеаборг. В новой инструкции, которая была дана незадачливому покорителю Кольского острога Бальтазару Беку 9 июня 1611 г., король приказывает ему присоединиться к Андерсу Стюарту и предпринять второй поход к Соловкам. Об этом втором походе сведений сохранилось еще меньше, чем о первом. Говоря, что шведы при этом повоевали 11 волостей (сведения из письма сумских воевод Андерсу Стюарту и Эриху Харе от 7 сентября) Замятин пишет: *«Когда произошел разгром 11 волостей, установить мы не в силах; бесспорно лишь то, что он произошел до сентября 1611 года»*.

Потерпев неудачу в военном походе, шведские военачальники пытаются осуществить вторую часть королевской инструкции – *«отодвинуть дальние границы Швеции»*. Замятин приводит текст письма шведских военачальников к игумену и в Сумский острог, написанного до Иванова дня (до 24 июня 1611 г.), из которого видно, как шведы пытались добиться расширения своих границ за счет русской территории. Шведы требовали, чтобы граница шла по *«старому рубежу, по Дубу и Золотцу»*. Замятин, пытаясь определить, где находятся эти Дуб и Золотец, приходит к выводу, что северный пункт пограничной линии (Золотец) определяется вблизи Сумского острога, а Дуб находится вблизи Выгозера. Эта пограничная шведская линия по Дубу и Золотцу находится значительно восточнее русско-шведской границы (данный участок, в отличие от Лапландского, был маркирован вскоре после Тявзинского мира). Об ответе с русской стороны ничего не известно.

Замятин не использовал труд соловецкого историка Досифея Немчинова, в котором автор, ссылаясь на некую старинную летопись, писал, что шведы по реке Кемь выплыли в Белое море, высадились на Кусовых островах в 30 км западнее Соловков. Здесь шведы устроили базу, но простояв целое лето, без успеха возвратились назад. Об этих событиях до Замятина кратко писал Н. А. Голубцов.

---

¹⁴ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 67.

Через 10 лет после выхода труда Замятина об этих походах шведов к Соловецкому монастырю писал И. П. Шаскольский, причем, более подробно (этот исследователь не был знаком к тому времени с трудом Замятина). Позже этому сюжету много внимания уделил Г. Г. Фруменков, который высоко оценил труд Замятина, хотя и не согласился с ним по ряду вопросов (снежный покров, взгляды игумена Антония по отношению к царской кандидатуре и т. д.)¹⁵.

В духе времени Замятин дает ответ на вопрос *«в интересах какого класса шведы совершали походы в Поморье?»* Историк в своих трудах очень редко ссылается на классиков марксизма-ленинизма, но в данном случае делает исключение, ссылаясь на К. Маркса. Если захват шведами Новгорода и его пригородов производился в интересах шведского дворянства, это была борьба за новые земли, то в Поморье все было иначе. Походы в Поморье были предприняты в интересах шведского купечества и буржуазии.

Историк отмечает, *«что указанные пункты шведам, очевидно, были необходимы по каким-то соображениям»* и раскрывает причины такой экспансии шведов на севере. Замятин пишет о попытках многих мореплавателей проникнуть северным путем в Китай и Индию, о стремлении шведских купцов оттеснить конкурентов из Англии и Голландии, а также о желании шведов захватить важнейшие промышленные пункты на Беломорском побережье и выйти на океанские просторы. Шведы пытались *«прорубить окно в Западную Европу»*, ведь все морские пути контролировались Данией, а Швеция очень нуждалась в море. Это было необходимо для развития торговли, для развития буржуазии. Кроме того, Кола имела большое стратегическое значение *«так как она является наибольшей опорой для всех крепостей и городов того края»*.

Несмотря на то, что все походы на севере завершились для шведов неудачей, ни игнорировать, ни уменьшать значения событий на севере нельзя. Здесь на севере столкнулись интересы России, Швеции, Дании и Англии. Эти небольшие события имели важные международные последствия. Замятин пишет о реакции правительств упомянутых государств на попытки захвата шведами русских городов в Поморье.

Прежде всего, он говорит о действиях руководства Подмосковного ополчения. Руководство ополчения сразу же откликнулось на эти события в Поморье. Были предприняты дипломатические и военные шаги. Прокопий Ляпунов в мае – июне 1611 г. указывал новгородцам, чтобы они на переговорах с Делагарди требовали, *«чтобы он, написав своему королю, постарался устранить на будущее время такие попытки»*.

---

¹⁵ Архангельский край в Смутное время. Архангельск, 1913; Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950; Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1963.

Одновременно для защиты Кеми и Сумского острога сюда направляются воеводы Максим Васильевич Лихарев и голова Елизарий Денисьевич Беседного с отрядом ратных людей. 15 августа 1611 г. они уже прибыли в Сумский острог. Эти воеводы в переписке со шведскими военачальниками сообщили, что под Москвой ополченцы избрали царем шведского королевича и послали к королю своих послов во главе с кн. И. Ф. Троекуровым. Поэтому шведы не должны нападать на русские земли, *«потому что у нас с вашим королем доброе дело сталося»*.

Таким образом, избрание советом Подмосковного ополчения в цари шведского королевича рассматривается как база для мирных отношений между Россией и Швецией. Руководители ополчения при переговорах со шведскими воеводами в Поморье добивались мира, понимая, что одновременно против двух врагов – Польши и Швеции – русским не устоять.

Представитель ополчения на севере воевода М. В. Лихарев стремился заключить мир со шведами. Это видно из содержания второго письма русских воевод к Андерсу Стюарту и Эриху Харе от 7 сентября 1611 года. Новый шведский король Густав Адольф (ноябрь 1611 г.), а затем и Государственный совет Швеции (14 февраля 1612 г.) порекомендовали Стюарту и Харе *«продолжать дело о перемирии с русскими»*. Очевидно, вследствие таких указаний Эрик Харе и заключил перемирие 29 июня 1612 года.

Замятин подробно описывает планы шведов захватить крепости на Севере уже после заключения этого перемирия. Он пишет, что, несмотря на это перемирие, стремление захватить север России у шведов не ослабевает. Так, например, Я. Делагарди писал королю, что в случае приезда Карла Филиппа в Россию и заключения союза между Швецией с Россией, можно будет доставлять всевозможные товары в Швецию через гавань св. Николая (в устье Сев. Двины) и в другие места. Позднее Делагарди предлагал напасть на Холмогоры.

Планы Густава Адольфа были более грандиозными. В своей инструкции комиссарам, сопровождавшим принца Карла Филиппа в Выборг летом 1613 г., король выразил желание получить в вечное владение разные города и укрепления, включая Колу, Сумский острог и Соловецкий монастырь на Белом море. Король требовал, чтобы в России шведам была предоставлена монополия торговли, чтобы англичане, голландцы и другие купцы-европейцы были изгнаны из России.

Густав Адольф думал не только о торговых выгодах в России, но и о захвате Колы. Правда, в 1613–1614 гг. Эрик Харе еще предпринимает меры, чтобы сохранить местное перемирие на севере, заключенное в 1612 году. Замятин приводит текст письма Э. Харе новому игумену Соловецкого монастыря Инарху от 28 сентября 1614 г., которое было написано по указанию короля (при этом приводит текст письма короля Э. Харе от 28 апреля 1614 г.). Одновременно король, проводя двурушническую политику по отношению к России, пытается организо-

вать морскую экспедицию с целью захвата Колы. Замятин приводит письмо короля канцлеру А. Оксеншерне от 17 мая 1614 года о контракте, заключенном королем с авантюристом Гансом Георгом фон Арнимом (король предоставляет военный корабль и финансирует все затраты на экспедицию). После захвата Колы Арним должен там оставаться в качестве шведского наместника. Далее Замятин пишет: *«Мы не можем ничего рассказать о походе Arnim на Колу в 1614 г., не можем сказать и того, выполнен ли был договор, но стремление Густава II Адольфа захватить Колу необходимо констатировать»*.

Замятин объясняет причины такой двурушнической политики короля. Риксдаг в Эребро (январь 1614 г.) показал, что все сословия Швеции хотят мира с Россией. Сословия рекомендовали Густаву Адольфу проявить инициативу в переговорах о мире, после чего король дал указания Эверту Горну написать москвичам о своей согласии на переговоры. Исполняя обещания риксдагу, Густав II Адольф вел примирительную политику, но в то же время он не оставлял и замыслов захватить русские земли, особенно Колу. Этот вопрос о Коле король рекомендовал посредникам поставить на мирных переговорах в Дедерино.

Об этой попытке захвата Колы ничего не писал крупнейший исследователь Севера И. Ф. Ушаков (1960, 1972), который, по-видимому, не был знаком с данным трудом Замятина, давно уже ставшим библиографической редкостью. Экземпляры данного труда Г. А. Замятина имеются в библиотеках Перми, где его никто не читает, так как ученый не оставил после себя учеников.

Замятин подчеркивает, что стремление шведов захватить ряд местностей у Ледовитого океана вызвало осложнения не только с Россией, но и с Данией. Корни шведско-датской войны 1611–1613 гг. следует искать в захватнической политике Карла IX на севере и на востоке. Противоречия между Швецией и Данией в первое десятилетие XVII в. резко обострились. Активная политика Карла IX на востоке и на севере с намерением прорвать окружение, которое угрожало ослабить самостоятельную жизнь Швеции, заключала в то же время сильную угрозу для Дании, как владычицы Балтийского моря и Ледовитого океана.

Датский король Кристиан IV понимал, что в случае захвата шведами приморской территории у Северного Ледовитого океана, которая отделяла Норвегию от России (район Колы), Дании пришлось бы отказаться от притязаний на Кольский полуостров. Не зря сам датский король предпринял продолжительное путешествие в район Вардё. Шведы на переговорах с Данией в 1601 и 1603 гг. высказали притязания на часть побережья Ледовитого океана от Альтен фиорда до Варангер фиорда. При своей коронации Карл IX принял титул *«государя над лопарями в Норрланде»*. В 1607 г. король назначает наместником Норрландца Бальтазара Бека. С этого времени шведская политика на севере становится все более и более активной.

Разумеется, Дания не могла относиться безразлично к этому: она вмешивается в дела Лапландии, стремясь захватить земли в районе Печенгского монастыря. Попытки Карла IX в начале 1611 г. завладеть наиболее важными местностями на русском побережье Ледовитого океана, на которые постоянно заявляла притязания Дания, лишь подлили масла в огонь: укрепившись зимой на суше в русских городах, Карл IX предполагал летом 1611 г. захватить с помощью эскадры всю область.

Угроза со стороны Швеции самым северным позициям Дании наряду с возрастающей активностью Швеции на Балтийском море привела Кристиана IV к мысли, что только война может положить конец планам шведской экспансии. 4 апреля 1611 г. последовало объявление Данией войны Швеции. Война Швеции с Данией в свою очередь отразилась на ходе шведской интервенции в России. Замятин подчеркивает, что датско-шведскую и русско-шведскую войны невозможно рассматривать изолированно.

Замятин рассматривает вопрос о том, как реагировала на активную шведскую политику Англия. Еще в 1914 г. И. И. Любименко выступила в печати со статьей «Английский проект 1612 года о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I». По словам И. И. Любименко, основная мысль этого проекта состояла *«в подчинении северной России, нынешней Архангельской и Вологодской губернии, а также по возможности и Поволжья, суверенитету или протекторату английской короны»*. Вслед за Любименко такую же мысль высказал современник Замятина В. Виргинский¹⁶.

Замятин согласен с этим положением, но в качестве причины, побудившей англичан приступить к выработке этого проекта, он считает не историю с кандидатурой Карла Филиппа на русский престол (таково мнение И. И. Любименко в новой статье, написанной в Париже в 1933 г.), а с самыми реальными попытками шведов завладеть Колой и другими областями в Поморье. В случае успеха шведов торговля англичан с Россией потерпела бы значительный ущерб.

Таким образом, активная политика Карла IX на севере и востоке не только обострила противоречия между Швецией и Данией, но и между Швецией и Англией. Во время переговоров о мире между Россией и Швецией английский посредник Джон Меррик, поддерживал Россию, в то время, как представители Голландии поддерживали Швецию. Такое поведение Замятин объясняет *«противоречиями интересов Англии и Швеции на побережье Ледовитого океана»*. Так, западное Поморье в начале XVII в. превратилось в узел противоречий не только

---

¹⁶ Любименко И. И. Английский проект 1612 года о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал. 1914. Т. 2. Вып. 3. № 5; Виргинский В. Проекты превращения Северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке // Исторический журнал. 1940. № 11.

между Швецией и Россией, но и между Швецией с одной стороны, Данией и Англией – с другой.

В заключение своей статьи Замятин делает следующие выводы.

Приготовления к интервенции в Московское государство идут в Швеции уже в 1606–1607 гг., но началом открытой интервенции следует признать походы шведов зимой 1610–1611 гг. на Колу и другие русские поморские города.

Споры русского и шведского правительств о границах позволяют сделать вывод, что границы России в начале XVII в. на севере Финляндии проходили западнее линии: оз. Иликитка, Куолаярви, верховье Кемп-йоки, оз. Энаре, Паз-река.

Шведская интервенция совершалась по двум направлениям: 1) на юге по линии захвата русских местностей у Финского залива и Ладожского озера; 2) на севере у Ледовитого океана и Белого моря по линии захвата Колы, Сумского острога и Печенгского монастыря

Стремление Швеции расширить свои границы, в том числе и за счет русской территории в Поморье, вызывает контрмеры не только со стороны России, но и со стороны Дании и Англии. Так в отдаленной и от центральной Европы и от Москвы местности на побережье Ледовитого океана завязывается узел международных противоречий.

Посмотрим теперь, как относились к данному труду Г. А. Замятина историки после его смерти (умер 2 января 1953 г.).

В очередном томе Очерков истории СССР (конец XV – начало XVII вв.), вышедшем в 1955 г., можно найти ряд ссылок на эту работу Замятина¹⁷. В. Г. Гейман и И. П. Шаскольский, говоря о шведских походах на Колу и к Сумскому острогу, сослались на статью Замятина (при этом И. П. Шаскольский учел замечания, высказанные Замятиным в его адрес в 1951 г.).

В 1957 г. в Петрозаводске вышел коллективный труд «Очерки истории Карелии»¹⁸. Авторы сослались на работу Замятина, говоря о событиях конца XVI в. (разорение шведами Поморья), при этом ошибочно указали выходные данные этой статьи. Не стоит удивляться тому, что труд Замятина долгое время не был известен исследователям Ленинграда, Петрозаводска, Мурманска, для которых «Очерки истории Карелии» оставались главным университетским учебником по истории родного края.

Высоко оценил работу Замятина о походах шведов в Поморье при написании своей монографии о Соловецком монастыре Г. Г. Фруменков. Он пишет: «...статья проф. Замятина почти целиком посвящена разбору дипломатических связей и вооруженных столкновений монастыря со шведами. В ней читатель

---

¹⁷ Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. / под редакцией А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М., 1955.

¹⁸ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 109.

найдет убедительную аргументацию и ряд заслуживающих серьезного к себе отношения наблюдений»¹⁹. Правда, данной работе Замятина опять не повезло. В книге Г. Г. Фруменкова в ссылке на данную работу сделана опечатка в названии статьи Замятина (назван XVIII век вместо XVII).

Стоит упомянуть о вышедшей в 2000 г. на русском языке книге шведского королевского историографа второй половины XVII в. Юхана Видекинда²⁰. В составлении комментариев к данной книге принимали участие много историков. Некоторые из них использовали труд Г. А. Замятина, в том числе И. П. Кулакова²¹.

Этот труд Г. А. Замятина был опубликован свыше 70 лет назад, но так и не стал по многим причинам достоянием широкой общественности, особенно на Северо-Западе России, хотя именно здесь происходят основные события, описанные в данной работе. Будем надеяться, что эта работа Г. А. Замятина, наконец, найдет своих читателей. Эта его работа о событиях четырехвековой давности нисколько не устарела.

Переиздание данного труда – дань памяти Герману Андреевичу Замятину, выдающемуся исследователю Смутного времени.

---

¹⁹ Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1963. С. 5, 6.

²⁰ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / перевод С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000.

²¹ Там же. С. 608, 610.

Походы шведов в Поморье в начале XVII века*

За последнее время значительно возрос интерес к истории шведской интервенции в России начала XVII века, которая в трудах историков как-то отступала далеко назад по сравнению с польской интервенцией того же времени: об этом свидетельствует появление в печати новых работ В. А. Фигаровского и В. Лилеева¹. Однако эти работы страдают крупными недостатками. Основной их дефект – игнорирование источников на шведском языке не только архивных, но и давно опубликованных в печати, а также замалчивание шведской исторической литературы. Ни один из авторов не цитирует работ Helge Almgvist, считающегося в Швеции лучшим знатоком периода крестьянской войны в России²; ни один из авторов не цитирует новейшего издания шведского генерального штаба «Sveriges krig 1611–1632», в первом томе которого на основании богатых архивных данных не только Швеции, но и Дании и Эстонии изложена история русско-шведской войны начала XVII века; ни один из авторов не цитирует и старого труда Widekind'a, появившегося в XVII веке сперва на шведском языке, а затем на латинском³.

Это игнорирование шведских источников и литературы приводит к определенным результатам. Неизбежным следствием игнорирования шведских источников и литературы является неполное освещение интервенции с одной стороны (ряд важных моментов выпадает из поля зрения историка), с другой – рутинность взглядов, развиваемых авторами. Неполнота особенно заметна в работе Лилеева, взявшего очень широкую тему. У автора, объясняющего интервенцию стремлениями Швеции превратить все Балтийское море во внутри-шведское

---

*Замятин Г. А. Походы шведов в Поморье в начале XVII в. // Ученые записки Молотовского государственного педагогического института. Вып. 8. Историч. фак. Молотов (Пермь). 1941. С. 47–77.

¹ Фигаровский В. А. О грамоте Новгородского правительства в Москву в 1615 году // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). Вып. II. Л., 1937. С. 53–72; *Он же*. Отпор шведским интервентам в Новгороде // НИС. Вып. III–IV. Новгород, 1938. С. 58–85; *Он же*. Партизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века // НИС. Вып. VI. Новгород, 1939. С. 34–50; Лилеев В. Шведская интервенция начала XVII века // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 100–110.

² Основным трудом Helge Almgvist'a является его диссертация “Sverige och Ryssland 1595–1611. Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens eröfring och den stora dynastiska planen”. Uppsala, 1907.

³ Издание “Sveriges krig 1611–1632” вышло в 1936 г. Соч. Widekind'a, наз. “Historia belli svenco-moscovitici decennalis...”, вышло в Стокгольме в 1672 г. [на лат. яз.]; на шведском языке оно появилось в 1671 г. под названием “Thet Swenska i Ryssland Tijo ohrs Krijgz – Historie...”. Stockholm, 1671. Другое сочинение Видекинда “Historia Gustavi Adolphi” вышло в 1691 г.

озеро, мы не находим освещения попыток шведов овладеть городами русского Поморья, не говоря о других вопросах. Впрочем, следует подчеркнуть, что этим походам уделил мало внимания и Almgvist. Только в издании шведского генерального штаба эти северные походы нарочито подчеркиваются, но авторы-шведы опять-таки не воспользовались источниками на русском языке.

Из советских историков касается этих походов А. А. Савич в своей книге «Соловецкая вотчина XV–XVII веков» (см. особенно главу 2-ю), но и он, видимо, не располагая источниками на шведском языке, не только дает лишь отрывочные сведения, но порою даже неверно понимает источники на русском языке.

В настоящем очерке мы намерены по мере сил осветить забытый в литературе момент в уверенности, что это изложение северных походов шведов на основании русских и опубликованных в печати шведских источников бросит некоторый новый свет и на события в Московском государстве⁴.

Столкновения русских со шведами в начале XVII века начались с пограничных инцидентов. Остановимся на одном таком споре о межах. Согласно донесения воеводы Кольского острога Алексея Толстого и подьячего Ивана Махонина царю от 22 марта 115 (1607) года, они послали 27 ноября 1606 года «на Лешую Лопь сотника стрелецкого Тимофея Грязева для крестного целованья», т. е. для приведения к присяге воцарившемуся Василию Шуйскому. «На Китко озере» Грязев 13 января 1607 года «съехался с Свейским межевщиком с Овлуйским державцом, с Ысаком Безиным, а с ним немец человек с полтора ста». Т. Грязев стал говорить Безину: «... что ты ездил по Лопской земле без нашего государя царя и великого князя Василия Ивановича всея русии послов и межси собою разводил?» На это последовал ответ: «Мы-де межси разводим по Борисовым грамотам Годунова. Да и летося-де у нас о том грамоты к Москве посланы, и ваших межников про што нет»? Сотник Грязев вместе с целовальником Смиркою Микитиным и дьячком Дружинкою Сумароковым были задержаны шведами. Воевода и подьячий из Кольского острога в грамоте царю добавляли: «... и сотник, государь, Тимофей Грязев и целовальник и дьячок к нам, холопом твоим, в Кольский острог февраля по 19 число не бывали»⁵.

Кто такой «свейский межевщик овлуйский державец»? По-фински Оулу — это Улеборг. Таким образом, со стороны шведов в качестве действующего ли-

---

⁴ Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII веков. Пермь, 1927. Должен отметить, что работа финского ученого S. Jngman “Kaarlo IX: nen Jäämeren politiikka”. Helsingisso. 1894 г. D. 14. S. 161–277 известна мне лишь по названию.

⁵ Отписка Кольского воеводы о произвольном межевании шведов русских лопских земель и ответная государева грамота о том же. 1607, 30 марта: акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 1610 г. 17 июля) / собрал и редактировал А. М. Гневушев // ЧОИДР. 1915. Кн. 2, № 78. С. 97–98. См. рецензию А. Андреева на этот сборник в Жур. Мин. нар. просв. 1915 г. № 7, отд. 2. С. 178–197.

ца выступает Улеоборгский наместник. Позднее мы точно установим и его имя. Действует он в «Лешей Лопи». В официальных документах различались: «Лопь Кончакская», «Лопь Терская», «Лопь Лешая» или «Дикая»... «Лешей Лопью» назывались саами, жившие на юг от г. Кандалакши до 65° сев. шир. Они же назывались и «Дикая Лопь»... В XVI веке и ранее восточной границей была, приблизительно, линия от оз. Кильдина на север и до мыса Турьего на юге Кольского п-ва; южной границей Кончакской и «Лешей Лопи» – широта Кандалакши⁶. Воевода из Колы указывает точно, что инцидент произошел на «Китко озере». Мы считаем возможным разуметь под «Китко озеро» – озеро Иликитку.

---

⁶ Географический словарь Кольского полуострова. Ленинград, 1939. Т. I. С. 55–56, «Лапландия». Приведем здесь встретившиеся нам данные о Лапландии.

I. «125-го (1616) декабря в 22 день вышли из Великого Нова города на Тихвину посадкой человек, Петруика сын Плавков, да Солецкого погоста с Волхова дьячок Ондрюшка Никифоров, а в роспросе сказали: приказывал с ними к государевым послом ноугородцкой подьячей Данило Раков: есть-де в Нове городе писцовая книга Димитрея Китаева, а как писана, тому 123 лета, и в той книге писан Нов город и ноугородцкой уезд и пригороды и которые волости и погосты х которому городу приписаны; и с тех-де книг выписал Анца Бракилев лопских семь погостов, а смежны те погосты с Олонецким и Заонежскими погосты, и приписаны те погосты к Нову городу, и им бы (шведам) те погосты приписать х Кореле или к Орешку, а доходу-де с тех погостов государю на год ходит по 120 рублей, а угодья в тех погостах звериная ловля. Да ис тех же-де книг выписан Старорусского уезду Сомерской погост, а хотят приписывать к Иваню городу или Яме для того, что-де ныне на Москве тех книг нет, и государевым-де послом про то неведомо, что те погосты приписаны к Ноугородскому уезду. И после-де того, как поехал из Нова города воевода Свант в Ладозу, и те-де книги взял с собою. И государевым – бы-де послом те книги ведомы были, чтоб на них о тех погостах слатца, что они приписаны к Нову городу» (ГАФКЭ. Швед. д. 1616 г. № 9). [В настоящее время – РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. Столбцы 1616 г. № 9. – Я. Р.]. Из приведенного сообщения видно, что полное описание лопских погостов было сделано Дмитрием Китаевым в 1494 году.

II. В грамоте царя Михаила Федоровича 26 октября 1620 г. в Кольский острог воеводе П. М. Юшкову да Второму Шестакову читаем: «И в прошлом во 125 году по челобитью Лешие Лопи крещенных и некрещенных лопарей Пяозерской волости Павлика Никиева да Орезерской волости старосты Демешка Изардеев да Еletzозерской староста Гришика Федотов, да Куитозерской староста, Степанко Ондреев, да некрещенных лопарей Колозерской волости староста Юганки Гаренцов, да Аемской волости староста Пяви Икандуексов до Шомбеского старосты Пямвесарка Меллыно да Ратневой волости староста Икимска Оглуев, да Киткозерской волости староста Агика Игалова, да Маселской староста Шарденка Игаексов и всех лопарей место пожаловали и мы их, велели на них имать за данные денги и за мелкую ружлядь по пятидесят рублей на год, а збирати им те денги самим и присылати к нам к Москве на срок на Евдокеин день». Грамота напечатана по копии за приписью дьяка Ивана Грамотина, найденной в архиве земской канцелярии Улеоборгско-Каянской губ., в журнале «Северный Архив» 1825 г. № 18, стр. 136–141. В грамоте, как видно, перечислены волости, бывшие в Лешей Лопи. К слову сказать, в перечне погостов, станов и волостей Поморского края в XVII в. приложенном к известной работе М. М. Богословского «Земское самоуправление на русском Севере в XVII в.» (Чтения О.И.Д.Р. 1910 г., кн. 1), названы лишь два погоста: Пяозеро и Рува. Интересно, что жители перечисленных волостей бьют челом в 1616 г. московскому царю. Отсюда сам собою напрашивается вывод, что названные области входили в состав территории русского государства.

По чьей же инициативе действовал улеборгский наместник? В наших руках две инструкции короля Карла IX Isaach Behm u Gabriel Tomaszon, данные в Стокгольме 6 октября 1606 года. В первой дается указание, чтобы Behm u Tomaszon отправились в Kemi Lappemarck «за три недели до Фоминой мессы» (tree wekor för Thomesmesse)⁷ и привели в порядок дела по сбору дани, торговые и т. д. Наше внимание привлекает особенно §§ 7 и 8 королевской инструкции. В § 7 король предписывает не допускать, чтобы русские принуждали лопарей в Мансельки, Китки и Коле-йерви переходить с шведской стороны через границу, что они предлагали, и на что Moris Iörensson согласился к ущербу шведской короны. 8-м пунктом (последним) предписывается «занять Китки-йерви озеро (träsk)»; королевскому величеству представляется случай захватить и другие озера, которые расположены в верхней части Кеми, где река Кемь берет свое начало. В заключение указывалось, что то, что посланные не смогут сделать теперь, они должны выполнить будущим летом.

Пока воздержимся от выводов, сделаем это после ознакомления со второй инструкцией, данной того же 6 октября 1606 года Исааку Бему и Габриэлю Томассону. Она касается установления границ в Лапландии между Швецией и Россией. В инструкции пять пунктов или параграфов. Изложим ее содержание подробнее.

После того, как Бем и Томассон сделают в Лапландии все, что предписано первой королевской инструкцией, они должны отправиться к Иоваре и съехаться с русскими либо с Кольского залива (Kolendzu) или из Сумского острога (Store Somen) после того, как Исаак Бем велит им написать об этом. Они должны дать знать русским; в виду того, что Мориц Йёренссон и Федор Клобеков (Клобуков), уполномоченные Швеции и России провести границы между упомянутыми государствами в 1596 году, проложили межи лишь до Иовара, король послал их ныне для установления границ дальше от Иовары, там, где другие кончили, и у Westrehafwet.

§ 2. Если русские ответят, что пусть границы, раз положенные, так и остаются, то королевские посланные должны сказать, что границы вовсе не проложены: ведь Мориц Йёренссон ничего не сделал; его договору нельзя придавать значения. Тогда даже не были приглашены лучшие люди из обоих государств для при-

---

⁷ По лютеранскому календарю днем св. Фомы считается 8-е декабря (по ст. ст.) или 21 (по нов. ст.). Стало быть, Behm и Tomaszon предписывалось отправиться не позднее половины ноября. По определению Sjögren'a, Kemi Lappmarken, составляющая самую северную часть Финляндии, расположена между 65 ½ и 70° (с несколькими минутами) северной широты и 42 – 48 долготы. На севере и на западе она граничила с Норвегией, на востоке с Кемским с Кольским округами. См.: Joh. A. Sjögrens gesammelte Schriften. В. I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861, статья Aufzeichuunden über die gemeiden in Kemi Lappmarken. S. 96, Отмечу, что впервые работа Sjögren'a появилась в 1828 г. на шведском языке.

сутствия при проведении границ. Да хотя границы были и проложены, все же русские их не уважали; они взимали дань в Лапландии с лопарей – подданных короля. Они взимали дань и с лопарей на морском побережье против Норвегии, несмотря на то, что в договоре о вечном мире указано, что лопари должны платить дань Швеции, а не России.

§ 3. Если русские не явятся, в таком случае посланные должны сами положить межи и поставить межевые знаки следующим образом: сначала от Йовара к деревням Масельке, Китки и Kole-Jerfwí, оттуда между двумя реками, которые текут с горного хребта одна к Кеми, другая в Кольский залив (Kolensu), дальше посреди Энаре-озера (Enareträsk) и Bassioki-реки к заливу так, чтобы одна половина Энаре-озера и Bassioki-реки принадлежала шведской короне, а другая – России. Когда границы будут положены таким образом, дани с лопарей, которые живут на запад от границ, ни русские, ни датчане не должны собирать.

§ 4. В случае если русские на это заметят, что раньше шведы не собирали там никакой дани, посланные короля должны ответить, что границы никогда не были установлены, и русские допускали несправедливость по отношению к шведам тем, что взимали дань от Trinnäs, там, где шведская корона исстари собирала дань, а теперь хотят отгеснить от межевых знаков, которые Мориц Йёренссон намерен был положить посреди Энаре-озера, и не хотят, чтобы река, вытекающая из Энаре-треск, была границей, но желают взять шведов на другой стороне около Нявдемы (Nougdoma), что несправедливо. Если русские заявляют на это право, то шведская корона имеет такие же права; поэтому надо делать по праву; шведы должны взимать дань и в Trinnäs, как это делалось раньше.

§ 5. В случае, если русские явятся на границу, но не будут проводить границ без Мансельки, Китки и Kole-Jerfwí, посланные короля должны заявить, что если русские желают проложить границы, как теперь указано, именно, чтобы они шли без упомянутых лопарских деревень по середине Энаре-озера и по реке, текущей в Westrehafwet, то они (посланные) соглашаются на то, чтобы три деревни Мансельке, Китки и Kole-Jerfwí платили дань как России, так и Швеции. Если русские этим удовлетворятся, тогда шведские посланные могут закрепить это на письме с приложением печати, однако с условием, чтобы река, вытекающая из Энаре-озера, разделила местность⁸.

К изложенной инструкции считаем целесообразным дать два пояснения. Для уточнения границ, которых добивался шведский король, не лишнее отметить, что Bassioki, вытекающая из Энаре-озера, по-фински – это Патс-йоки (Patsjoki), по-русски Паз-река, по-шведски Пасвик (Posvik-elf). Междуречье это – может быть территория между Кеми-йоки, впадающей в Ботнический залив, и р. Нота, впадающей в Ното-озеро, соединяющееся р. Туломой с Кольскою губою. Из других,

---

⁸ Handlingar rörande Skandinaviens historia. D. 39. Stockholm, 1858. S. 207, 213 (№ 22).

упомянутых в инструкции, местностей без долгого размышления можно отождествить Kole-Jerfwі с нынешней Куоло-ярви (расп[оложен] несколько южнее 67° широты, между 29–30° долготы). Труднее определить Мансельке. Мы все же решаемся отождествить ее с Manselka, станцией ж. д. на пути от Ваттула в Куусамо. Так довольно четко определяется географическая линия, намечаемая Карлом IX в качестве политической границы: Иовара, Мансельке, Китко-озеро, Куоло-ярви, междуречье, Энаре-озеро, Пате-йоки. Запомним эту линию, чтобы понять последующие споры.

Второе наше пояснение должно коснуться межевания границ после заключения мирного договора в Тявзине в 1595 году. Как известно, работа по межеванию велась на трех участках:

1-й участок – *«меж Орешка и Выборга на реку Сестрею, а от устья ее по рубежу меж карельского и выборгского уездов по полумаловскую четвертину Новгородской волости»;*

2-й участок – *«меж корельского уезда с выборгскою и финскою землею от полумаловской четвертины до деревни Реппулы близ карбоцкие земли»;*

3-й участок – *«меж корельского уезда с выборгскою и финскою землею и в лопскую землю, т. е. от Реппулы к Мурманскому морю».*

На первом участке уполномоченными с русской стороны были князь Василий Андреевич Звенигородский и дьяк Игнатий Сафонов, со стороны шведов Матс Ларссон, Ларс Торстенссон и Arvid Tönnesson. Так как В. А. Звенигородский не довел межевание до конца, то в 1596 году отправлены были московским правительством с тою же целью Юрий Иванович Вельяминов и Григорий Витовтов, закончившие межевание.

На втором участке уполномоченными с русской стороны были Василий Тимофеевич Плещеев и дьяк Василий Нелюбов, со стороны шведов Kles Fleming, Gödik Finke, Arvid Henriksson и Iöran Henriksson.

На третьем участке уполномоченными с русской стороны были Ермола Федорович Коробов и дьяк Афанасий Малыгин, со стороны шведов были Mauritz Iöransson, Hans Hansson, Sven Persson и Gerdt Joestink⁹. Для дальнейшего нам необходимо познакомиться с работой уполномоченных на третьем участке.

Не останавливаясь на деталях работы комиссии, укажем лишь ее результаты. После долгих пререканий между сторонами выработан был текст межевой записи. По словам Н. Н. Бантыш-Каменского, *«официальная на шведском языке межевая запись в Архиве под № 13»*. Сколько известно, в печати текст межевой записи впервые был опубликован I. A. Sjögren'ом, нашедшим копию в церковном

---

⁹ Бантыш-Каменский Н. Обзор внешних сношений России, Ч. IV. С. 133; H. Almgvist. Sverige och Ryssland. S. 17 и след.; Тельпуховский Б. Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями // Военно-исторический журнал. 1940. № 3.

архиве в Nurmis и сравнившим ее с копией в Стокгольмском архиве. Мы пользуемся работой Sjögren'a¹⁰.

Запись осталась на бумаге. По словам Альмквиста, границы в Лапландии, к северу от Jiovara, не были окончательно установлены. Мнение Альмквиста в наши дни можно подтвердить заявлением царя Василия Шуйского; царь признает, что *«рубежи Ермола Коробов с товарищи с Свейскими послы с Маврицем Тенисовым с товарищи не доехали и не размежевали»*. Кто тут был виновником, русские ли уполномоченные, как утверждали шведы, или, как говорится в царской грамоте, *«то замешкалося их же (т. е. шведов) неправдою, что хотели они итти граней класти по нашей (русской) земле мимо старожильцовы скаски своим произволением»*, судить не беремся. Нам необходимо констатировать одно: пограничная линия, намеченная в межевой записи Jorensso'n'a и Коробова 1596 г. не совпадает с линией, намечаемой королем Карлом IX в инструкции, данной Бему и Томассону в 1606 г.; в последней явно проглядывает стремление захватить часть русской территории¹¹.

Невольно поднимается вопрос: что же побуждало Карла IX к захвату русской земли? В первой инструкции короля есть глухое упоминание о том, что представляется удобный случай захватить земли, но это указание неясно. Разумеется, жестокая классовая борьба в Московском государстве начала XVII века вызывала желание поживиться за счет восточного соседа. *«Надо пользоваться временем смут в России, — указывает король в своем письме к пограничным комиссарам от 24 декабря 1606 г., — ибо пока между русскими нет единства, не трудно составить себе там партию приверженцев и через нее действовать в свою пользу»*¹².

Почему же Карл IX обратил внимание прежде всего на Лапландию? Чтобы понять это, необходимо вспомнить переговоры правительства Б. Годунова с Данией. Известно, что Б. Годунов не прочь был уступить часть Лапландии датскому королю¹³. В наших руках нет документальных данных, которые позволили бы утверждать категорически, что о переговорах русских с Данией шведское правительство было осведомлено, но мы допускаем это в качестве предположения.

---

¹⁰ Названные работы Sjögren'a указано в прим. 7. Из работ на шведском языке по вопросам о границах важна работа В. Е. Hildebrand. См.: *Hildebrand V. E. Om Nöteborgska Freden och Sveriges gräns mot Russland från år 1323 till början af 17-de orhundradet / Konigl. Vitterhets, Historie och Antiquitets akademins handlingar. D. 20. Stockholm, 1852.*

¹¹ *Almquist H. Sverige och Ryssland. S. 115; Акты времени Василия Шуйского. С. 99–101.* Наглядное представление о том, какие русские земли хотел захватить Карл IX в Лапландии, дает карта, помещенная в *Atlas de Finlande*, изд. Географическим обществом Финляндии (Helsingfors, 1899), № 32-а "Frontieres historigues".

¹² *Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). Т. II. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб., 1894. С. 73.*

¹³ *Форстен Г. В. Сношение Дании с Россией в царствование Христиана IV // ЖМНП. 1892 г. Вып. 4 (апрель). С. 292 и след.; РИБ. Т. XVI. Предисл.*

Овладение Лапландией, несомненно, усилило бы Данию на севере, владевшую в это время еще Норвегией, и стеснило бы развитие Швеции. Вот не боязнь ли захвата Лапландии Данией вызывала мероприятия Карла IX?

Благоприятным условием было, конечно, и то, что границы не были твердо установлены.

Посмотрим теперь, как выполнены были инструкции Карла IX. Материал дают для этого источники на русском языке. Очевидно, Бему дан был «образцовый список», форма, по которой он должен был писать в разные русские города. С грамотой на шведском языке Бем послал двух немцев сначала в Сумский острог. Содержание грамоты передадим словами царской грамоты: *«А в том листу пишет из свейского городка из Олуя державец о размежеванье нашии лопские земли (с) Свейскою землею, о тех рубежах, которые рубежи Ермола Коробов с товарищи с Свейскими послы с Маврицем Тенисовым с товарищи не доехали и не размежевали. И ныне бы с ним съехатись из Сумского острогу на срок на Онтоньев день декабря в 2-м числе на Цоваре (Июовара?) и съехався в те рубежи довершити, которые по ся мест с обеих сторон не довершены. А только из Сумского острогу межевати и граней класти к нему не будут, и он хочет грани класти один, а рубеж положити хочет до Манселки, Китки и до Колирейского уезда и через Лопскую землю и посреди Треска, а от Трески к Васикю-реки»*¹⁴.

Во избежание недоразумений объясним сейчас же географические названия, встречающиеся в грамоте. Названия «Манселка», «Китка» объяснены выше. Необходимо пояснить термин «Колирейский уезд». Колири – это, очевидно, местечко Колари, расположенное на реке Муонио, левом притоке реки Торнео, между 67–68° с. ш. В XVII веке это был город. По имени этого города назван и уезд*. Недоумение вызывает выражение «посреди Треска». В шведских документах этого названия нет. Träsk, по-шведски – озеро, болото. По-видимому, русские превратили треск в собственное имя. Под träsk на наш взгляд следует разуметь Энаре-озеро. «Васик-река» – это Posvik-elf по-шведски, Патс-йоки – по-фински, Паз-река – по-русски. В итоге пограничная линия, которую желал провести Исаак Бем, называемый русским Исааком Безиным, это та линия, какая намечена Карлом IX в инструкции 6 октября 1606 года (см. выше).

Продолжим теперь наш рассказ.

Грамоту Олуйского державца на немецком языке старцы (монахи) и посадские люди Сумского острога, который находился в ведении Соловецкого монастыря, послали в Архангельск ко князю П. Бельскому и дьяку Николаю Новокшенову. Последние, получив немецкий лист из Сумского острогу, послали его в Москву, потому что в *«Колмогорском городе и на Колмогорах немецких пере-*

¹⁴ Отписка Кольского воеводы... // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. № 78. С. 99.

* Указать его границы мы не в силах.

водчиков нет, и того свейского листа перевести было некому»; что касается гонцов, то воевода и дьяк велели одного из них отпустить из Сумского острога *«назад в Олуй городок»*, а другого оставить в Сумском остроге до царского указа.

Срок отправления шведской грамоты из Архангельска в Москву установить точно не удастся: судя по тому, что уже 8 января 1607 г. из Москвы была отправлена в Архангельск ответная царская грамота, надо думать, что шведская грамота была прислана еще в ноябре 1606 года. Не забудем, что съезд на Цоваре намечен был на 2 декабря 1606 года. Одновременно с посылкой грамоты о размежевании Лапландии в Сумский острог, Бем отправил двух немцев *«Свейские земли»* Юнтея да Табейко с грамотой аналогичного содержания в Кольский острог. Но так как в *«Кольском остроге свейского толмача и переводчика нет»*, грамоту Бема воевода Алексей Толстой да подьячий Иван Махонин отправили в Москву. Это было 23 декабря 1606 года.

Что делает царское правительство? Уже 8 января 1607 г. с пушкарем из Архангельска, Андреем Заверткиным, посылается князю Д. Бельскому и дьяку Н. Новокщенову государева грамота. Она пока не найдена, но содержание грамоты передано в другой царской грамоте в Архангельск 24 марта 1606 года¹⁵. Вместе с грамотой был послан в Архангельск и образец (форма) грамоты, какую должен был отправить *«в Олуй городок»* воевода Бельский в ответ на грамоту Исаака Бема. Царь приказывал воеводе и дьяку *«с того образцового списка написать на лист грамоту и, запечатав ее воеводскою печатью, послать со стрельцом или с другим двинским жильцом, с кем пригоже»*, в Сумский острог, а там отдать ее *«свейскому немчину, который прислан из Олуя городка с листом и оставлен в Сумском остроге»*; немчину надо было сказать, что грамота прислана по указу царя *«с Двины»* от князя Бельского в ответ на *«лист»* Бема; пусть он везет грамоту Олуйскому державцу. Царь приказывал воеводе также написать в Сумский острог *«к старцам и посадицким людям»*, чтобы они отпустили немчина назад, а не задерживали.

Вместе с этим царь предписывал: *«А в неметикие и украинные города и в волости послали-б (старцы и посадцкие люди) из Сумского острогу лазучников торговым обычаем (под видом торговцев) или, как пригоже, велели о неметцких о всяких вестях проведати, чтоб вам (воеводе и дьяку) и им (старцам и посадским людям) безвестными не быти; да и про то велено проведывати, не станут ли немцы самовольным обычаем достальных рубежей самовольством разъезжати и граней класти, и не будет ли от них какова задору. Да что*

---

¹⁵ Государева грамота на Двину об освобождении и отсылке «свейского немчина», который задержан в Сумском остроге. 1607 г. 4 марта // Акты времени Шуйского. № 77. С. 95. Редактор ошибочно датирует грамоту 4 марта. Нужно: 24.

по тому у вас немецких вестей объявитца, и вам велено о том писати к нам к Москве тотчас»¹⁶.

16 января 1607 г. «с Кольским стрельцом с Оксенком Тарасовым» пошла из Москвы другая царская грамота – в Кольский острог. И эта последняя остается неизвестной. О содержании ее судим по царской грамоте в Кольский острог 30 марта 1607 года. Царь предписывал в случае, если «олуевский державеи» потребует ответа на свое письмо, «к нему приказати», что о размежевании Лопской земли с Свейскою землею ответ ему уже дан из Архангельска от воеводы Д. Бельского, «и грамота к нему послана против его листа из Сумского острогу, и посланцы его отпущены»¹⁷.

Таковы меры царского правительства. Оно еще не получило из Архангельска уведомления, были ли выполнены воеводою и дьяком царские предписания, как 22 марта 1607 г. пришло в Москву из Кольского острога новое сообщение о встрече стрелецкого сотника Тимофея Грязева на Китко-озере с Исааком Бемом и о задержании Грязева шведами (см. выше). Снова царское правительство дает предписание. Указав в грамоте 24 марта 1607 г. в Архангельск воеводе Д. Бельскому и дьяку Новокшенову, что «ссора учинилася с немецкими людьми» от нерадения и оплошки воеводы и дьяка, правительство потребовало выполнения указаний, данных в январской грамоте, и вместе с тем объяснения, почему эти директивы остались невыполненными. Отписку приказано было направить в Посольский приказ дьяку Василию Телепневу.

Неделю спустя (30 марта) из Москвы отправлена была новая грамота в Кольский острог. Она сохранилась. Царь констатировал, что воевода Архангельска Д. Бельский и дьяк Н. Новокшенов «не писывали и по ся места», отправили ли они грамоту в Сумский острог и отпустили ли задержанного в остроге «немчина» назад. «Нечто будет, – прибавлял царь, – того немчина задержали они для иных каких новых дел, или будет с нашими грамотами Архангельского города пушкарь Ондрюшка Заверткин где позамешкал в дороге». Не написали и из Кольского острога, приехал ли туда с грамотою «кольский стрелец Оксенко Тарасов или нет, и для чего столь долго... не бывал». Ныне царь писал на Двину воеводе Бельскому и дьяку Новокшенову «вдругоряд» (вторично), чтобы они отправили грамоту Исааку Бему, а «немчина», задержанного в Сумском остроге, отпустили назад. Список с грамоты, какую должны послать Бему воевода и дьяк из Архангельска, царь прислал в Колу, чтобы и там «про то дело было ведомо». Особенного внимания в грамоте заслуживают инструкции, что делать воеводе А. Толстому и подьячему Ивану Махонину в Коле. Если шведский воевода еще держит русских

---

¹⁶ Отписка государю Архангельских воевод об отдаче задержанному немчину грамоты. 1607 г. Апрель // Акты времени Шуйского. № 80. С. 103–104.

¹⁷ Акты времени Шуйского. № 78. С. 99–100.

у себя, если он начнет снова писать о межеваньи, *«чтоб ныне съехався с обе стороны достальные рубежи розъехати и межжи размежевати»*, если он будет просить освободить из Сумского острога задержанного шведа, тогда воевода А. Толстой должен написать, что *«немцы их из Сумского острогу отпущены в ту же пору и лист с последним немчином к нему послан»*. Надо указать, что *«державец»* *«сам делает не гораздо, что наших людей, сотника Тимофея Грязева да целовальника Смирку да дьячка Дружинку, поймав на нашей земле, держит у себя кабы полоняников, не ведомо за что, и в нашу землю, переходя за рубеж свейские люди самовольством вступаются и к своим землям осваивают»*.

Последние слова показывают, что действия Олуйского державца московское правительство квалифицировало как насильственный захват русской территории. Но какие же меры для предупреждения захватов земли в будущем правительство принимает? Царь напоминает, что если рубежи между русскою землею и землею шведов *«и не разъеханы, и то замешкалося их же неправдою, что хотели они итти граней класти по нашей земле мимо старожильцовы сказки своим произволением, а которые межжи были и размежеваны, и они те грани стесали и владеют нашими землями и водами во многих местах, да и ныне приезжают также самовольным обычаем и межсвати хотят неправдою по нашей по прямой земле»*. Обычно бывает, что о съезде наперед договариваются путем грамот, назначают срок, определяют, сколько человек должно быть на съезде с той и с другой стороны, и только после договора съезжаются, *«державец»* же *«ныне без обсылки самовольными своими причинами рубежи разъезжает и межжи размежевывает и грани, кладет один и в наши в прямые земли вступается и осваивает к своим землям неведомо почему»*.

Пусть *«державец»* отпустит задержанных русских в Кольский острог, пусть *«вперед»* не начинает *«задоров»*, – *«и за рубеж в наши земли не переезжали, и земель наших к своим землям не осваивали и не отводили, и задору ни в чем не делали, чтоб от их задору и от самовольных причин мирному постановлению порухи не было»*. Но что делать, если шведский воевода не прекратит захватов? *«Что за тое их неправду над государя его людьми от государя нашего людей учинитца, и то им будет самим от себя, потому что они сами задоры всчинают и мирное постановление нарушают, а нашего царского величества люди за нашу землю за одну пять терпети им не учнут»*.

В дальнейшем, однако, тон грамоты резко понижается. Воеводе А. Толстому и подьячему Ивану Махонину предписывается: *«и берегли-б есте нашии земли смотря по тамошнему делу, как возможно, чтоб им межсвати и владети нашею землею не дати, а ссоры-б с ними не учинити»*. Царь ни словом не упоминает о присылке дополнительно ратных людей, а приказывает оберегать русскую землю, *«смотря по тамошнему делу, как возможно»*. В этом сквозит признание

правительством своего бессилия. Очень характерно здесь указание, чтобы не начинать ссоры. Боязнь царского правительства военных осложнений проглядывает и в заключительных словах грамоты: *«а где будет в которых местех свейские люди учнут вперед переходити за рубеж на наши земли и похотят нашею прямою землею и угоды владети к своим землям воровски насильством или дань с которых волостей учнут збирати, и вы-б порубежным людем приказали накрепко, чтоб они нашею прямою землею и угоды свейским людем владети не давали и их ни в чем не слушали и к себе их не пуцали и за свое прямое стояли, а им своим ничем владети не давали, а в их бы земли наши порубежные люди потому-ж ни вступалися и задоров и смуты напрасные ни в чем не делали, а однолично-б есте о том делали розсмотря, чтоб вам с свейскими людьми ссоры и драки не учинити, а нашею-б землею владети им не дати»*¹⁸.

Последние слова – это, в сущности, призыв к самообороне. Мы поймем положение, если вспомним события в Московском государстве. Хотя 1 декабря 1606 г. царскими войсками одержана была победа над Болотниковым у д. Котлы под Москвой, но последний засел в Калуге. Здесь восставшие укрепились и, как известно, осада Калуги затянулась. Войска понадобились, чтобы отрезать связи Болотникова с севером и югом. Известно, что весной 1607 г. пришел в Тулу царевич Петр Федорович вместе с путивльским воеводою князем Гр. П. Шаховским. В то же время Шереметев усмирлял Астрахань¹⁹. При таких условиях, где же было взять войска для отпора шведскому самовольству на далекой окраине?

Пока царское правительство переписывалось с воеводами в Архангельске и Коле, Карл IX продолжал действовать. 22 апреля 1607 г. он дает полномочие Исааку Бему и Якову Симонссону произвести порученное межевание границ вдоль Патсйоки или Пасвиг-реки и взимать дань в Варангер (фиорде) и в Вадсэ в таком же размере, как собирают датчане. Не ясны обстоятельства, при которых дано было новое полномочие Бему, но это не уменьшает интереса к нему. Король предписывает проложить границы таким образом, чтобы раздельная линия проходила по Vasjoki-реке до моря, чтобы половина реки принадлежала Швеции, половина России.

Вместе с тем король приказывает позаботиться, чтобы рыбаки платили столько же дани Швеции, сколько они дают России. Если русские будут возражать и жаловаться, что граница проходит слишком близко, тогда шведские посланные должны ответить, что русские оттеснили шведов от сборов на Trinäs, русские взимали дань вопреки по мирному договору у моря, взимали третью часть, которая была уступлена шведской короне, также взимали дань в Kemi-Lappemarck

---

¹⁸ Акты времени Шуйского. № 78. С. 100–102.

¹⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 258.

с лопарей – подданных Швеции. Шведы не могут выносить этого дальше, они желают иметь границу по Basioki-реке. Когда посланные это установят, они должны отправиться к Нявдеме и запретить жителям давать впредь дань русским или оказывать им какое-либо повиновение, и позаботиться о том, чтобы жители тянули к шведской короне. Затем посланные должны отправиться к Варангер-фиорду и посмотреть, каково положение там, а также отправиться к Waszöen и позаботиться, чтобы те, кто там живут, платили дань Швеции так же, как они делают в отношении Норвегии. Те, кто желает ловить рыбу у Waszöö, будут ли это норвежцы или лопари, должны давать шведам так же, как они делают в отношении датского короля: пять талеров и часть рыбы. Чтобы ни русские, ни датчане этому не могли воспрепятствовать, посланным необходимо взять с собою пятьдесят или шестьдесят человек из кнехтов Остерботнии²⁰.

11 сентября 1607 года король дает инструкцию Эрику Яганссону, бывшему, видимо, начальником над Westthersiölapperne. Король предписывает Яганссону ехать до Basioki и Nougdoma (Патс-йоки и Нявдема) и привести их под власть шведской короны, так как они лежат на той стороне реки, которая обращена к Варангер (фиорду); одновременно Яганссон должен положить раздельную линию от Westerhafwet до Omunnen на Энаре-озере, там, где это делал наместник в Улеоборге и Остерботнии. Яганссон не должен допускать, чтобы русские взымали дань дальше реки, которая течет в Энаре-озеро²¹.

В 1608 г. 13 августа Карл IX дает Бему новое полномочие – проложить границы между деревнями Kemi-Lappmarck и Россией. Король напоминает, что Исаак Бем должен был дать знать воеводе Архангельска Ивану Васильевичу Меленкову о поручении короля, данном уже несколько лет назад Бему – проложить границы от Rajanso, там, где клал межи Мориц Йеренссон со своими товарищами, и затем проложить границы между Kemi-Lappmarck деревнями и Россией, оттуда к Энаре-озеру посреди озера так, чтобы половина озера принадлежала Швеции, а другая половина России, от озера дальше вниз к реке, которая вытекает из Энаре-озера, и так по реке до Басйоки к морскому заливу, так, чтобы половина реки принадлежала Швеции, половина России. Король узнал от Исаака Бема, что царь не желает посылать со своей стороны, кто должен проложить границы по справедливости. Поэтому он приказал наместнику Исааку Бему отправиться и проложить границы одному посреди Энаре-озера и затем по реке вниз к Westerhaffwet. Воевода Архангельска гордо ответил Исааку Бему, что он не желает ехать на границу, так как у него нет указа от государя по этому делу. Письмо воеводы квалифицируется как в высшей степени надменное.

---

²⁰ Handlingar rörande Skandinaviens historia D. 39. S. 228 и след.

²¹ Ibid. С. 265 (№ 28).

Вследствие такого ответа король дал приказ Бему снова написать Архангельскому воеводе, что тот должен придти зимою и по справедливости размежевать границы как в *Kemi-Lappmarck*, так и по половине Энаре-озера и по половине реки вниз до залива. Наместник Улеборга должен дать знать воеводе, что король не желает допустить, чтобы царь и великий князь в России еще более утвердился на шведской земле; отец короля и другие короли видели много несправедливости от русских царей, последние много раз вторгались в пределы Швеции. Король не желает больше терпеть того, что прежний царь и великий князь в России Иван Васильевич и его отец, равно как и его дед, оттеснили шведского короля силой и несправедливо от *Tarschanawolath*, который истари платил 1/3 часть Швеции, 1/3 часть Дании, 1/3 России. Царь удержал *Terschanawolath* за собою, а король шведский, равным образом король Дании были вытеснены оттуда, но это несправедливо – вторгаться в земли других королевств и переступать границы. Король не желает дальше терпеть эту несправедливость, он желает оставаться при границах, которые запишет наместник Исаак Бем, он желает снова получать дань, которая до того времени взималась с *Terschanawolath*, установить, как было при предшественниках Карла IX. Королю известно, что право короля на *Terschanawolath* не уступлено в договоре о вечном мире русскому царю. Король не желает поступаться ни одним из указанных выше прав. Он приказывает наместнику защищать границы; ему дан также приказ не позволять жителям или чиновникам великого князя ходить в *Kimi-Lappmarck* или выше Энаре-озера и реки, как они до сих пор делали насильно, чтобы взимать дань или там пользоваться рыбными ловлями или другими промыслами. Король приказывает Исааку Бему и наместнику Торнео и Вестерботнии Бальтазару Бэку не допускать, чтобы царь снова вторгся в королевские владения. Если царские слуги вздумают насильно переступить границы Швеции, то шведские уполномоченные должны на это ответить также силой²².

В конце февраля 1609 г., как известно, был заключен Выборгский договор. За помощь войском царь Василий Шуйский поступился Швеции городом Корелюю (Кексгольмом) со всем уездом²³. После того были отправлены царем и уполномоченные для передачи г. Корелы с уездом Швеции: Иван Михайлович Пушкин, Алексей Иванович Безобразов, Никита Дмитриев. Однако передача не состоялась. После поражения русского и шведского войска поляками при Клушине 24 июня 1610 г., когда, по мнению русских, явно обнаружилась измена шведов, царь Василий отправил упомянутым лицам грамоту с приказанием отказать шведам в передаче Корелы за их измену. Грамота Шуйского не найдена, но в «*рости-*

---

²² *Handlingar upplysande Finlands historia under Karl IX s tid, utg. af J. E. Waaranen (Samling af urkunder rörande Finlands historia). Helsingbors, 1866. Bd. II. № 511.*

²³ *Акты исторические. Т. II. СПб., 1841. №№ 158, 159, 160, 257, 258, 272.*

си, что государевых дел взято из Посольского приказа на свейские посольское дело» в числе других грамот значится «список с грамоты царя Василия, что велено Ивану Пушкину, да Алексею Безобразову да Никите Дмитриеву о Кореле свейским немцом за их измену отказать»²⁴. Известно, что Делагарди силой овладел Корелою 2 марта 1611 года.

Поднимается вопрос: отправление шведского войска под начальством Делагарди внутрь Московского государства, передача Корелы и возможность захватить русские земли близ Финского залива не побудили ли Карла IX отвлечься от предприятий на севере? Альмквист придает большое значение походу Делагарди и даже прекращает рассказ о мероприятиях Карла IX на севере. Изучение документов показывает, что замыслы короля на севере не прекращаются; наоборот, в связи с победами М. В. Скопина-Шуйского и Делагарди в России у Карла IX появляется надежда, что царь уступит Швеции и часть территории на севере. Разумеется, Карл IX старался поддержать партию Шуйского, для него было выгоднее, чтобы в России было свое национальное правительство, но не агентура Польши. Интересные показания о настроении Карла IX дал архимандрит Киприан на допросе, которому его подвергли шведы после того, как он в 1615 г. вернулся из Москвы в Новгород. «А сказывали вы, Яков (Делагарди) и Еверн Горн, и ты, Монша, – заявил Киприан, – что король Карлус, умираючи, дал приговорную грамоту, написав с своею радюю и с вами думными с приказными людми сыну своему нынешнему королю Густаву, и тое-де грамоту укрепил королю рукою своею и печатми со всею радюю за руками, чтоб его вам приговору не порушити его до смерти, чтоб быти вековечному миру с московскими государи во веки, будет они себе государя оберут из московских бояр изо Мстиславского, из Голицыных, из Романовых, на Владимирское и на Московское государство. Да о том-де мы и к Москве к боярам писали, что я от вас слышал». Стоит отметить, что шведы подтвердили показание Киприана: «Ино было так»²⁵.

Однако Карл IX не скрывал своего желания захватить русскую территорию. Очень интересно его письмо знакомому нам Исааку Бему 13 февраля 1609 года. Давая общие указания, что надо бороться с Лжедмитрием и помогать законному царю Василию Шуйскому, король предписывает Бему написать игумену Соловецкого монастыря согласно прилагаемого образца (по форме). «Бем должен постараться набрать в Ботнии пару тысяч людей, частью на конях, частью пеших, с ними вступить в Россию и с тех из русских, которые отпали от Василия Шуйского, получить контрибуцию и захватить, что можно. Он может получить Сумский острог (Store Somen)». Впрочем, Бем должен это сделать не прежде, чем получит известие, что Яков Делагарди вступил в пределы

---

²⁴ ГАФКЭ. Швед. д. 1615 г. № 8.

²⁵ Там же. № 9.

России. Если станет известно об этом, тогда Бем может идти дальше. Все необходимое следует взять в области Гельсингфорса. Для этого надо послать одного конного вестового²⁶.

Из этой инструкции совершенно ясно, что Карл IX, отправляя Делагарди в Россию, в то же время замыслил поход на севере против Сумского острога. Его действия были координированы! В этом еще более убеждаешься, изучая действия Исаака Бема. Познакомимся с ними. В Актах Археогр. Экспед. т. II, №№ 108 и 109 напечатаны: 1) лист Бема к игумену Соловецкого монастыря, с убеждением не признавать самозванца и служить царю Василию Ивановичу, 2) лист того же Исаака Бема к Сумскому воеводе о присылке шведским королем в Россию вспомогательного войска и об уведомлении, кого он признает государем.

Если сравнить лист Бема игумену Соловецкого монастыря с формой письма на шведском языке, напечатанной Waaranen²⁷, то можно видеть, что русский лист не что иное, как перевод со шведского. Лист датирован 23 февраля 1609 г., иначе говоря, написан через десять дней после письма короля, о котором была речь выше. Содержание письма след[ующее]. До сведения Бема дошло, что на Руси ныне два великих князя. Часть русских отпала от царя Василия и передалась Дмитрию, которого привели в Россию поляки и литовцы и посадили царем; он выдает себя за сына Ивана Васильевича, который на деле давно умер; он стремится погубить старую греческую религию. Другие еще помнят присягу и держатся законного великого князя Василия Ивановича. Бем высказывает опасение: русские так долго меняют великих князей, что поляки и литовцы разобьют их на голову; у них совершенно ясная мысль: уничтожить старую греческую религию и подчинить себе всю Россию. Шведский король, наоборот, желает русским добра и стремится оказать им помощь, чтобы защитить русскую нацию от тирании поляков и литовцев, сохранить старую греческую религию, свободу и не допустить зла со стороны поляков. С этой целью король отправил войско под начальством Делагарди и других на помощь Василию Шуйскому. Графу Мансфельту, фельдмаршалу и воеводе в Лифляндии, также дан приказ – выступить при первой возможности на помощь Шуйскому. Король дал приказ и Исааку Бему сделать здесь (на севере) с воинскими людьми то же самое: наказать, кто отпал от царя Василия Шуйского, а тем, кто держится его и стоит против Лжедмитрия, оказать помощь. Бем призывал игумена убедить подчиненных (*undersotere* – подданные), чтобы они держались царя Василия, а не Дмитрия: последний послан римским папою и римским цезарем, а также поляками и литовцами, чтобы вызвать тревогу и возмущение в России. Пусть игумен увещевает своих подчи-

---

²⁶ Handlingar upplysande Finlands historia under Karl IX: s tid, utg. af J. E. Waaranen. Bd. III. № 259.

²⁷ Ibid. Bd. III. № 530.

ненных и всех русских, чтобы они береглись происков поляков и литовцев, держались законного царя Василия и помогли прогнать находящихся в России поляков и литовцев; пусть напишет Бему, кого он признает царем и желает ли помощи шведского короля.

Лист Бема в Сумский острог по содержанию сходен с только что разобранным письмом в Соловки. И от Сумского воеводы Бем требовал ответа, кого из правителей он, воевода, держится и желает ли «подмоги» короля. Получил ли Бем ответы из Соловков и из Сумского острога, неизвестно. Таким образом, о результатах действий Бема мы не знаем²⁸.

В октябре 1609 г. аппетит Карла IX усиливается: он уже думает о захвате Kolendzu. 3 октября указанного года дается инструкция королем Бальтазару Бэку и Исааку Бему. В ней три раздела.

В первом Бальтазару Bäck предписывается взять с собою Thiman Schrou с солдатами, также и поляков, и отправиться с ними в Вестерботнию. Он должен приказать заранее собраться там пятистам человек, сделать так, чтобы они были в полной готовности с установлением санной дороги двинуться в путь. В свою очередь и Исаак Бем должен взять с собою Якова Fransiam с сотней солдат, отправиться с ними в Остерботнию и там таким же образом собрать пятьсот человек добрых лыжников, которые обязаны быть готовыми к отправке по санной дороге.

Во-вторых, как только они соберут народ, и зима установится настолько, что они могут идти дальше, они должны собраться снова в Kimi и затем отправиться вниз к Kolendzu и посмотреть, могут ли они его захватить. Они должны указать русским, что шведская корона раньше уже несколько сот лет имела свои границы у Terschonvolak, который по-шведски называется Trinnis, а по-норвежски Helgenes, а Kolendzu исстари принадлежал шведской короне; ныне великий князь Василий Иванович поручил королю Kolensu за великую помощь и поддержку, какую король оказал ему против врагов - поляков и литовцев. Поэтому они имеют приказ от короля занять свой дом; шведы не просят ничего другого, а только то, что по праву принадлежит шведской короне и чем она исстари владела, так что границы могут оставаться там, где они были раньше, в Treschonowolack и Kolensu hus, который лежит от Treschonowolack к западу; они хотят быть такими же добрыми друзьями и братьями русских, как особливо добрыми друзьями являются король и царь.

В-третьих, если случится, что они приобретут Kolensu, тогда они должны расположить там надежных людей и приказать хорошо снабдить продуктами, собираемыми со страны. Бальтазар Bäck вместе с Thiman Schrou и Яковом Frandzhen должен остаться там до нового указа от короля. Они должны немед-

---

²⁸ Савич А. А. Соловецкая вотчина. С. 66.

ленно же проложить границы в Trinnes и позаботиться, чтобы все, кто живут на этой стороне, подчинялись только шведскому королю²⁹.

Заметим вскользь, что мысль о захвате Kolendzö Карл IX высказывает и в письме к Арведу Tönnesson 30 сентября 1609 года. Он не довольствуется Кексгольмом: «мы, – пишет он, – желаем иметь Nötheborgh, Iwangorodt u Kolendzö к тому»³⁰.

В декабре 1609 года Карл IX намечает еще один объект для захвата – Печенгский монастырь. Об этом ясно говорит инструкция короля Daniel Hiort, Tideman Skrou, Peder Swensson и Lasse Eskilsson, данная в Nyköping 19 декабря 1609 года. Четвертым пунктом этой инструкции предписывается упомянутым лицам, как только они достигнут Варангер (фиорда) послать гонца к Colendzu к Hans Rūckenberger, Jsaach Behm и Baltzar Bäck, узнать, как идет их поход и дать им знать, что они явились и имеют приказ прийти к ним на помощь, если они в этом нуждаются; что они хотят двинуться с ними к Печенгскому монастырю, если они ничего не сделали для Colendzu, и захватить его. Коль скоро посланные короля узнают, что Hans Rūckenberger и другие ничего и не сделали в отношении Colendzu, они должны отправиться к Печенгскому монастырю, взять Hans Rūckenberger и Jsaach Behm с собою и совместными силами устроить так, чтобы заполучить его. Они должны найти хорошие слова и сказать монахам и другим русским, находящимся там, что в благодарность за великую помощь, оказанную шведским королем России против поляков и литовцев, великий князь, патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы, аббаты, игумены, воеводы, князья, дьяки, дворяне, бояре, дети боярские и купцы Московского государства уступили королю Швеции Nötheborg, Kexholm, Jwangrod, Jama, Coporien, Colentzu и Pitzniki Clöster, города, которые уже несколько столетий принадлежали шведской короне, так что границы должны быть там, где были они исстари в Tarschonovolack или Trinnäs. По этой причине русские и монахи, живущие там, а равно их подчиненные, обязаны платить дань шведской короне, не подчиняться никому другому, а только короне шведской. Посланные короля должны также заявить русским, чтобы они не опасались ничего: они пришли не для того, чтобы причинить русским зло; нет, они желают быть их друзьями и братьями. Если посланные захватят монастырь добром, то они не должны причинять никакого насилия, но расположить в монастыре столько народа, сколько потребуется для того, чтобы удерживать его и защищать. Но если случится, что посланные короля не получат монастырь добром, тогда они должны сделать лучшее, чтобы они овладели им, выступая против русских или с ними. Они должны наблюдать хорошо и за тем,

---

²⁹ *Waaranen J.* Bd. III. № 547.

³⁰ *Ibid.* Bd. III. № 546.

чтобы датчане не плавали в монастырь; они должны написать Hans Ruckenberger; пусть он у Colentzu также наблюдает, чтобы датчане не приходили туда...

Когда посланные устроят с Wordehuus и Печенгским монастырем, что им повелено, тогда они должны отправиться к Alten и там построить крепкий шанец для защиты. В шанце всегда должна оставаться сотня человек для наблюдения и для того, чтобы препятствовать, если датчане, как это бывает, будут причинять подданным и слугам короля какие-либо насилия. Timan Skrou и Peder Swensson должны оставаться с сотней в шанце³¹.

Итак, в 1609 г. наметились на севере в Поморье три пункта из русских местностей, которые хотел захватить Карл IX: Сумский острог, Кольский залив, Печенгский монастырь. Интересно отметить, что на эти же объекты шведы производили нападение и раньше. Еще в 1590 г. Петр Багге получил инструкцию – разграбить и захватить город «Сумы» и, если нужно, предать его сожжению, из Сумского острога отправиться к г. Холмогорам, а в период между Рождеством (25 декабря) и Сретением (2 февраля) идти на Кексгольм. В 1591 г. Свен Педерсен во время похода выжег до основания город «Великия Сумы»³².

Хорошо известно, что проф. Я. А. Фрисс (Осло) нашел в Норвежском государств[енном], архиве письмо, помеченное Варда 7 августа 1590 г. с изложением погрома Печенгского монастыря шведами³³. Что касается Колы, то не надо упускать, что по инструкции Карла IX уполномоченным для ведения переговоров с русскими о заключении вечного мира от 31 августа 1606 г. уполномоченные должны были согласиться на вечный мир при условии, если Швеции будут уступлены города Нотебург, Кексгольм, Ям, Копорье, Ивангород и Кола (Kolenso). *«Если шведские комиссары увидят, что русские на эти условия не согласятся, то они понемногу могут уступать: сначала пусть уступят Ям, потом Копорье и Ивангород. Если русские отвергнут и эти требования, то пусть комиссары настаивают на уступке Kolenso»*³⁴. Отголоски походов шведов в Поморские волости в XVI в. имеются и в русских документах.

Нам встретилась память русским послам, кн. Ивану Туренину с товарищами, что должны были говорить послы *«о задорах и о убытках, что учинилося государевым людям от Свейских людей в мирное постановление»*.

В памяти говорится, *«что преж сего, как учинено было перемирие меж великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси отчины Великого Нова города и Пскова и новгородских и псковских пригородов и всея Ново-*

---

³¹ *Waaranen J.* Bd. III. № 558.

³² Чумиков А. О походе шведов к Белому морю в 1590–1591 гг. // ЧОИДР. 1894. Кн. III, смесь. С. 12–16.

³³ Печенгский монастырь в русской Лапландии // Вестник Европы. 1885 г. Кн. 8. С. 617 и след. В статье рассказано и о разгроме монастыря шведами в 1590 году.

³⁴ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. II. С. 70–71.

городские и Псковские земли с Свейским государством с Финской землею и с теми городами, в которых городах сидят свейские люди, на 4 года от Крещения Христова лета 7094-го (1586) году до Крещения ж Христова лета 7098-го (1590) году, что в перемирие время на обе стороны рати и войн не бити и порубежным людям обид никаких не делати, и в то время государевым людям от свейских людей многие задоры и убытки починились в Новгородском уезде и в Поморских волостях пожегами и грабежом и убийством. 97-го году (1589) в июне месяце и в июле месяце приходили свейские многие люди из Канских немцев в государеву землю в Поморские волости и воевали и государя нашего великого государя вотчину волости поморские Кереть, Ковду, Кандалукишу, Порью губу, Умбу и иные волости, многих людей побивали, а иных в полон поимали, а животных их взяли по смете на 20000 рублей. А после того в ноябре в 30-ом числе свейские ж немцы воевода Кавней со многими людьми приходили войною в Лопские волости и к монастырю к Печенскому да тот монастырь воевали и сожгли и многих старцев и слуг и всяких людей побили, а иных в полон поимали и многую казну монастырскую поимали, церковного строения и судов серебряных и денег и платья и сукон и собелей и лисиц и всякие мяхкие рухледи и хлеба и всякого монастырского обиходу по смете на 45000 рублей, а убили игумена и старцев и слуг и всяких людей 80 человек, а иных в полон поимали; а оттуда пришед в морскую волость в Колу к острогу приступали и тою волость воевали, дворы и суды пожгли и товары и животные их многие пограбили, а взяли и сожгли в судах всяких товаров по смете в Кольской волости на 43000 рублей; да те же свейские люди воевали в то время многие Лопские волости, людей побивали и в полон имали, и взяли животных их по смете на 12000 рублей. А все немецкие люди, пришед из Каянских немцев, да все поморские волости взяли всего по смете на 120000 рублей.

А в нынешнее в перемирие время, как учинено перемирие под Ругодевом, от свейских людей государевым людям многие ж задоры и убытки починились.

Марта в 11 день приходили войною в государеву землю в Новгородский уезд свейские люди из Шавинского городка Януш Вонуев да Арвель со многими людьми и воевали и Новгородской уезд Лумановский погост да Спаской и Солецкой погост да Линду Озерскую волость да в Шуйском погосте многие волости, да в Олонецком присуде Морскую волость да Туломорскую волость и иные многие места, села, и деревни жгли и людей побивали и в полон имали, а животные грабили, а взяли по смете на 10000 рублей. А после того апреля в 5 день свейские ж люди Канских немцев именем Матвей Сырин и с ыными со многими людьми с Овтуя да с Кименги приходили войною в государеву землю в Лопские волости

и воевали Костом озеро да Луоозеро да Вокнаволок и многих людей в тех волостях побили, а иных в полон поймали, а животных их взяли на 10000 рублей»³⁵.

Приходится сделать заключение, что указанные пункты шведам, очевидно, были необходимы по каким-то соображениям (о них дальше).

Подчеркнем, что Карл IX стремился сохранить свои намерения в глубокой тайне. В этом отношении любопытно письмо короля Эрику Элфссону из Nuköping 24 февраля 1610 года. Король получил известие, что Эрик Элфссон едет вместе с посольством от царя в Швецию. По этому поводу Карл дает такое указание Элфссону: *«Если ты с посольством встретишься в Ботнии с нашим войском, которое мы повелели вызвать и послать в Colenso, в таком случае ты никоим образом не должен показывать, что войско должно отправиться в путь, а поспешно ехать с посольством дальше днем и ночью сюда к нам, а войску велеть двинуться дальше согласно приказа»*. Вместе с тем Элфссону дается указание, чтобы он не двигался из Выборга, пока король не получит Кексгольм в свои руки³⁶.

Мы хотели бы теперь после ознакомления с проектами Карла IX захватить русские города познакомиться с осуществлением их на практике. К сожалению, данные, имеющиеся в наших руках, недостаточны, чтобы нарисовать полную картину походов шведских отрядов.

У нас есть приказы Карла IX от 24 марта 1610 года. Мы ограничимся лишь передачей содержания, приказа Behm'у: другие вполне совпадают с ним. Король пишет, что он велел послать за Бемом одного prophoss (пристав), который должен привести его скованным к королю за то, что Бем не радел о своем походе, как король узнал от Эрика Элфссона, и вернулся с войском, которое ему было вручено, назад. Король приказывает Бему: если он на пути сюда (т. е. на обратном пути), то пусть возвращается назад и совершит свой поход согласно с первой королевской инструкцией, или же он подвергнется наказанию. В виду того, что Бем не захотел идти вперед, когда была зима, он должен идти вперед теперь, а теперь он не может идти с оленями и лыжами. Королю ведомо, что Бем ничего не сделал минувшим летом, чтобы подготовиться к походу. За невыполнение поручения короля Бем должен подвергнуться бесчестью³⁷.

Письма короля позволяют сделать определенные выводы. Во-первых, необходимо признать, что наступательные действия шведов на севере России начались еще задолго до Клушинского поражения 24 июня 1610 года. Двуручническая политика Карла IX по отношению к России выясняется хорошо. Послав вспомогательное войско в Россию под начальством Делагарди согласно Выборг-

---

³⁵ ГАФКЭ. Шв. д. 1594 г.

³⁶ *Waaranen J.* Bd. III. № 560.

³⁷ *Ibid.* Bd. III. № 562; *Sveriges krig 1611–1632.* B. 1, d. I. S. 331–332.

ского договора 28 февраля 1609 г., ведя в центре России совместно с русскими борьбу с поляками и литовцами, Карл IX в то же время стремится захватить насильственным путем и поморские города России. Во-вторых, из писем короля Бему, Rūckenberger и Frintzhan нужно сделать и тот вывод, что шведы до апреля 1610 года на севере России не дошли до русских пределов.

Если уже до Клушинского поражения шведы организовывали походы на север России, то можно смело предположить, что после Клушинского поражения, когда между союзниками – русскими и шведами – произошел разрыв, наступательные действия шведов в Поморье будут еще решительнее. Клушинское поражение 24 июня 1610 г. справедливо рассматривают в настоящее время, как удар, нанесенный Польшею не только России, но и Швеции. У Карла IX, естественно, является мысль взять реванш. Когда он получил известие о поражении, мы сказать не можем за неимением данных в руках. Зато мы имеем любопытное письмо короля Эрику Jönsson и Johan Benchtsson от 7 августа 1610 г. касательно их путешествия к Colentzö. Король пишет, что он уже давно не получал от своих верных слуг известия, как идет их поход. Поэтому он послал своего слугу к ним, чтобы узнать, как они продвигаются. Он приказывает со всем старанием добиться того, чтобы овладеть Colentzö. Он советует не верить русским и приводит пример жителей Кексгольма: последние не признают царем Василия Шуйского, восстали против него. Епископ в Кореле, Сильвестр, сговорил толпу крестьян числом до 2-х тысяч, и те напали на шведов в лагере. Хотя больше им ничего не удалось сделать, все же они лишили многих людей жизни. Вероятно, подобные «шелмы» сидят и в Colendzu. Не следует им ни в чем верить, но приложить все силы, чтобы захватить крепость³⁸.

Письмо короля, видимо, написано еще в то время, когда до короля не дошли вести о низложении Шуйского. Обращает на себя внимание тот факт, что письмо адресовано не Behm'у, а совсем другим лицам. Это наводит на предположение, что Исаак Behm, как не выполнивший приказа короля, был отстранен от должности.

В январе 1611 г. внимание короля снова обращается на Сумский острог. 25 января 1611 г. Карл IX дает приказ Эрику Харе следующего содержания. Король сообщает Харе, что он послал одного русского толмача – Bengt Matzon с rrophos с письмом к игумену в Сумском остроге. Король приказывает, чтобы Харе сопровождал его через Fielryggen до русских границ. Харе должен взять двух рыбаков из Österboth Hans Kranck и Niels Poullsson для провод. Когда он придет на границу, то он должен послать профоса с рыбаками и письмо в Сумский острог. Затем он с Bengt должен отправиться назад в Cajjaneborgh. Там Bengt должен оставаться, пока профос не вернется назад с ответом на письмо.

---

³⁸ *Waaranen J.* Bd. III. № 577. О бое при Кексгольме см. там же № 580.

Сам Харе должен вернуться в Ula и собрать тысячу крестьян. С ними следует сделать то, что указано в инструкции короля, данной Anders Stuart. А в инструкции, помеченной 30 января 1611 г. Orebro, Anders Stuart и Knut Hokansson предписывалось отправиться сначала с солдатами Роберта Sim и рейтарами Кнута Хоканссона в Hämosand, взять там кнехтов Ганса von Okerns и двинуться с ними без замедления в Ula. Из Rothering в Остерботнии они должны взять 1000 крестьян, снабдив их алебардами; пусть Эрик Харе их сопровождает. Затем они должны немедленно отправиться в путь сначала в Каянеборг, а оттуда через Filgyggen к границам. Когда они дойдут до них, Эрик Харе должен вернуться в Ula крепость, а другие должны разведать подробно, как обстоит дело с Сумским острогом и Соловками, и приложить все силы, чтобы захватить с помощью петард либо одно, либо оба укрепления, или же отодвинуть дальше границы Швеции. Если они захватят Сумский острог или Соловки, тогда Роберт Sim со своими солдатами и Hans von Okeren с кнехтами должны остаться там, крестьяне же могут вернуться снова домой. Пока они будут в России, они не должны ничего предавать огню и не допускать бесчинств³⁹.

Посмотрим, как Харе выполнил приказ. В ААЭ. Т. II, № 173 напечатан лист Улеоборгского и Каянеборского наместника игумену Соловецкого монастыря о немедленном ответе на посланную ему королевскую грамоту. Лист датирован 24 февраля 1611 года. Из этого листа узнаем, что к королевской грамоте был приложен *«снимок переведен по русскому языку»*. Харе просил *«в тот час»* дать ответ на грамоту, *«в тот час»* отослать посланных назад к королю, сделать так, чтобы они *«никак не мешкали»*, а ехали бы днем и ночью. Харе прибавлял в заключение: *«такое дело станет обеим великим государствам в любовь и в доброть»*.

Что за грамоту посылал Харе игумену Антонию? В государственном архиве в Стокгольме сохранилась копия грамоты Карла IX игумену Антонию от 20 января 1611 года. Необходимо познакомиться с ее содержанием. Король обращается к игумену Антонию, или кто вместо него, с братьею из священного собора в Сумском остроге и в Соловецком монастыре. Он узнал о несчастье, которое произошло в русском государстве, о том, что Василий Иванович, бывший раньше царем и великим князем, ныне отстранен от управления, ушел в монастырь и стал монахом; и *«вы, – пишет король, – ныне не знаете, кого взять себе великим князем, в стране междуусобица и между вами раздоры, одни держатся одного государя, другие – другого, так что вы ничего не знаете, кого вам держаться»*. Этим пользуются враги – поляки. Король уже написал московским и новгородским чинам и дал знать, что если они будут соблюдать договор, заключенный с Швецией царем Василием Ивановичем (т.е. Выборгский договор 1609 г.) и изберут себе великого князя из своих прирожденных господ, тогда король придет

---

³⁹ Waaranen J. Bd. III. № 605, 607.

к ним на помощь с войском против их врагов. Яков Делагарди уже стоит на границе с несколькими тысячами людей, конных и пеших. К Делагарди отправляется еще с несколькими тысячами Эверт Горн. Пусть игумен Антоний, или кто вместо него, со всею братьею в Сумском остроге и в Соловках сообщит королю, кого он держится и кого признает царем. Если игумен с братьею держится своей собственной власти и желает выбрать великим князем одного из своих прирожденных господ, в таком случае король поможет и им и всему русскому государству войском против врагов русских. Но *«если, – прибавляет король, – наше величество заметит, что ты, игумен Антоний, или кто на твоём месте, со мною твоею братьею из священного собора в Сумском остроге и в Соловках, не хотите держаться своих собственных господ, а хотите выбрать какого-либо другого великого князя либо из поляков и литовцев, либо из татар, тогда наше величество будет вашим врагом»*. Пусть же игумен дает знать о своей позиции⁴⁰.

Давно известен ответ Карлу IX игумена Антония. Он датирован 12 марта 1611 года. На это стоит обратить внимание. Эрик Харе отправляет игумену королевскую грамоту 24 февраля 1611 г., ответ игумена 12 марта того же года. За короткий промежуток времени игумен Антоний едва ли имел возможность списаться с Москвой. В ответе игумена нет ни одной фразы, которая свидетельствовала бы, что ответ Карлу IX дается по указанию из Москвы, из центра. Игумен сообщал, что *«литовские люди на Москве, целовавшие крест, изменили и во всем солгали»*, Лжедмитрий убит. Патриарх Гермоген писал *«во все города Московского государства»* и *«велел съезжаться к Москве ратным воинским людям и стояти и промышлять единомышленно на литовских людей»*. Игумен прибавлял, что *«в Московском государстве у святейшего патриарха и у бояр и изо всех городов всего Московского государства ссылаются, и на совет к Москве сходятся, и советуют, и стоят единомышленно на литовских людей; а хотят избирати на Московское государство царя и великого князя из своих прирожденных бояр, кого всесильный вседержитель бог изволит и пречистая богородица, а иных земель иноверцов никого не хотят»*. Что касается настроения на севере, то игумен писал: *«а у нас в Соловецком монастыре и в Сумском остроге и во всей Поморской области тот же совет единомышленно: не хотим никого иноверцов на Московское государство царем и великим князем, опроче своих прирожденных бояр Московского государства»*⁴¹.

---

⁴⁰ Швед. гос. архив в Стокгольме. R. R. 1611 г. Основную мысль грамоты короля игумену Антонию мы сообщили в своей работе. См.: *Замятин Г. А.* К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского ун-та. Т. III. Воронеж, 1926. С. 43–44. Несмотря на это А. А. Савич утверждает, что в грамоте Антонию *«Карл IX, очевидно, прямо или косвенно предлагал на Московский престол шведского королевича»*. См.: *Савич А. А.* Соловецкая вотчина. С. 68. Подобное утверждение тем более странно, что А. А. Савичу наша работа известна.

⁴¹ ААЭ. Т. II. № 180.

Ответ игумена Антония приводится иногда, как доказательство начавшегося в России движения в пользу избрания царем одного из русских бояр. Нам думается, что к ответу следует отнести более скептически. В грамоте Карла IX игумену Антонию не трудно усмотреть угрозу. Если принять во внимание движения шведских войск, то надо будет признать, что угроза была реальная, а не только на бумаге. Не из боязни ли враждебных действий Антоний дал требуемый королем ответ? Отметим и то, что ответ Антония является пока единственным свидетельством этого времени о желании московских людей иметь царем одного из своих прирожденных бояр. В июне месяце 1611 г. в совете всея рати мы видим совершенно противоположное настроение: 23 июня 1611 г. состоялся приговор совета всея рати об избрании царем старшего сына шведского короля.

Удержал ли ответ игумена Карлу IX от враждебных действий против русских? Нет. В то время, как Делагарди совершал походы в местностях к юго-востоку от Финского залива, захватывая Корелу (2 марта 1611 г.) и другие русские города, шведские воинские части производили нападение на поморские города. Рассмотрим походы А. Стюарта, которому поручено было руководство походом против Сумского острога и Соловецкого монастыря. 26 марта отряды собрались в Каянеборге. Было до 1300 кнехтов и 80 рейтаров. Но поход не увенчался успехом. Стюарт не мог преодолеть климатических трудностей. Глубина снежного покрова заставила прервать наступление⁴². Очень хорошо рисуется дело в письме Knut Nokansson Hand из Ula от 30 апреля 1611 года. По словам Knut Hand, при отъезде от двора, он вполне надеялся на успех предприятия; он не знал, как будет трудно захватить врасплох город, лежащий в 60 лье в чужой стране с пешими людьми так, чтобы горожане ничего не заметили. Правда, он имел роту кавалерии и хороших товарищей, но у них было мало лошадей. Они прошли почти 50 лье по покинутой врагами стране, как бы необитаемой, где никогда не проходила кавалерия и где снег в рост лошади. «Можете себе представить, в каком состоянии были бедная инфантерия и наши бедные лошади, когда мы прибыли в Московию». Hand горько сетует, что принял участие в этой несчастной экспедиции; если бы он знал местность, он никогда бы не согласился туда пойти. Hand называет предприятие «безумным»⁴³. Кто такой Knut Nokansson Hand? По сведениям, соб-

---

⁴² Sveriges krig 1611–1632. B. I, d. I. S. 349–350.

⁴³ *Waaranen J.* Bd. III. № 618. Sveriges krig B. I. S. 349–350. С заявлением К. Hand не лишнее сопоставить, что пишет знаток Финляндии, П. П. Семенов Тянь-Шанский: «Снежный покров, достигающий наибольшей толщины в марте и к северо-востоку от линии Улеоборг – Ладожское озеро доходящий до 85 сантиметров (2 $\frac{3}{4}$ фута), еще в мае держится северо-восточнее линии Улеоборг – Куопио-Иоенсу». См.: Финляндия. Пг., 1918. С. 24. Приводим некоторые биографические данные о Стюарте. Anders Stuart или Stuwert (отсюда русские имена «Андрей Стюарт» или «Стиварт») – по происхождению из Шотландии. Его отец Иоанн в 1558 г. последовал за королевой Марией, вышедшей замуж за Франциска II, во Францию. После смерти Франциска II Стюарт вернулся вместе с королевой обратно в Шотландию. Андерс Стюарт перешел на

ранным В. А. Кордтом, Hand – шведский ротмистр, умерший в 1614 году. Из письма герцога Саксонского, Юлия Генриха, бывшего на шведской службе, к Я. Делагарди от 26 августа 1613 г. видно, что Knut Hakson прибыл в августе 1613 г. вместе с герцогом ко Гдову. Герцог называет Hakson «Sieur». Видимо, Hakson принадлежал к родовитому шведскому дворянству. Вероятно, он служил под начальством саксонского герцога. Как упоминалось выше, король в инструкции 30 января 1611 г. приказал А. Стюарту и Knut Hokansson отправиться к восточным границам Швеции, чтобы захватить Сумский острог и Соловки. По возвращении из неудачного похода Hand и написал письмо на французском языке. Кому? Hand неоднократно называет адресата «Monseigneur», а в одном месте встречается такое заявление: «*Je prie a Dieu qu'il me plaise par sa sainte grace transporter sur le lieux ou je pourrois disputer ma vie en combatant et rendre agreables services a la Sacre majeste a vous, mon Souverain Prince, et a ma chere patrie*». Адрес на письме гласит: «*A son Altesse*» (его высочеству). Нельзя ли предположить, что письмо было адресовано Густаву Адольфу?

Как реагировал Карл IX на неудачу Стюарта, видно из его ответа на письмо Бальтазара Бэка; ответ дан в лагере у Ryssby 9 июня 1611 года. Из письма Бека король узнал, что А. Стюарт должен был вернуться с войском обратно в Ула. Король не может этому поверить, тем более, что Стюарт сам писал с Давидом Walker, что он с войском хочет ждать в России до тех пор, пока Эрик Харе не сможет явиться туда с народом и с лодками. Король приказывает Бэку, чтобы он присоединился со своим отрядом к полковнику Андерсу Стюарту и затем вместе с ним продолжал путь к Сумскому острогу, словом, поступал согласно данной ему инструкции.

Таким образом, король не отказался от своих планов на побережье Ледовитого океана, несмотря на то, что в это время уже шла война Швеции с Данией⁴⁴. О последующих действиях Стюарта против Сумского острога речь будет дальше.

Одновременно с походом на Сумский острог предпринят был поход на Колу под руководством Бальтазара Бэка. 12 февраля 1611 г. экспедиционные отряды собрались в Рованиеми. Это были регулярные части Пер Клеметссона числом 309 человек и части ополчения Пера Спрингфельда, и те и другие из Вестерботнии, наконец, польские отряды. Сверх того из Кеми и Йо пришли 40 лыжников под командою Klas Torfinnen. Обоз состоял из 30 саней с 400 оленей, Baltzar Bäck достиг Колы, но он не взял с собой пушек. Захватить крепость шведы не могли. Уже 2 марта Baltzar Bäck вернулся обратно в Торнео. О неуспехе похода на Колу

службу в Швецию. В 1592 г. он был камер-юнкером у герцога Карла, в 1602 г. наместником в Дерпте, в 1613 г. гофмейстером у пфальцграфа Иоганна Казимира. Умер в 1640 году. См.: *Anrep G. Svenska adelns ättar taflor. IV. 1864. S. 265.* О К. Hand см.: *Кордт В. А.* Из семейного архива графов Делагарди // Учен. зап. Юрьев. унив. 1894 г. № 2. С. 87, 41.

⁴⁴ *Waaranen J. Bd. III. № 619.*

доведено было до сведения короля. Ответ последнего датирован 27 апреля. В. Вäck жаловался на неудачу. Карл IX указывает, что Вäck имел с собою гранаты, он мог бы использовать их, когда был в воротах, тогда он захватил бы крепость. Король заметил и другое, именно, что Pedher Clemmetsson с кнехтами из Вестерботнии не захотел помочь Вäck. Король рекомендует попытать счастья еще раз, он приказывает, чтобы Вäck послал войско снова и Pedher Clemmetsson с кнехтами из Вестерботнии и поляками, а также с крестьянами из Rothereng, которые у него есть⁴⁵.

О походе на Колу имеются данные и в русских документах. Важные сведения находим в листе воеводы Сумского острога Максима Лихарева да головы Елизарья Беседного от 7 сентября 1611 г. шведским военачальникам Андрею Стиварту и Эрику (Харе). Воевода и голова сообщают: «*В прошлом во 119-м году писали к Москве, к бояром нашим и к воеводам из Колского острогу воеводы и дьяки да из Соловецкого монастыря игумен Антоней с братьею, что ваши немецкие воинские люди приходили войною с снарядом под Колской острог и приступали накрепко, и хотели за щитом Колской острог взяти, и бог им того не подал; и после того ваши-ж немецкие люди нашего государства порубежные волости повоевали, и деревни пожгли, и людей секли, а иных в полон взяли*». Воспоминание о походе шведов на Колу имеется и в царской грамоте 1697 года. В ней говорится, что лопари в челобитье своем царю написали: «*...в прошлом 119 (1611) году, как приходили под Колской острог свеиские немцы войною, и лучших многих людей побили и в полон побрали и в полону умерли...*»⁴⁶. О наступлении шведов на Колу говорит и грамота совета всей рати в Новгород 23 июня 1611 года. В грамоте читаем: «*Воевода крепости Kokostregog (Кольский острог) недавно доносил, что шведы несколько раз производили нападение на этот оплот, проходили по этой земле, опустошая ее, стояли лагерями в пределах Ratose Volosk с целью напасть на Суму и Соловецкий монастырь, места, расположенные у Белого моря*»⁴⁷. Полагаем, что в данной грамоте из под Москвы в Новгород речь идет о том же походе шведов к Кольскому острогу, что и в листе Лихарева и Беседного к шведским воеводам. Совет всея рати знал об этом походе уже в 20-х числах июня 1611 года.

Что же послужило причиной неудачи шведов у Колы? В. Лилеев пишет: «*Когда шведы напали на Колу, они получили такой отпор, что принуждены были*

---

⁴⁵ Sveringes Krig. B. I, d. I. S. 349.

⁴⁶ ААЭ. Т. II. № 195; Харузин Н. Русские лопари // Изв. о-ва любителей естеств., антропол. и этногр. М., 1890. Т. 66. Прилож. № 1.

⁴⁷ Widekind. Historia belli sveco-mescovitici decennalis, кн. 6-я, гл. 7, С. 295: «*Adhuc a prafecto munimenti Kokostregog nuper alltum est, Svecos aliquoties in propugnaculum illud impetum fecisse, populabundos terram illam pervasisse, castrague in finibus Ratose Volosk fixisse, studio et scopo invadendi monasterium Sumenske et Solonsko loca at mare album sita*».

убратся»⁴⁸. Однако, высказывая такое положение, тов. Лилеев даже не делает ссылки на документ, из которого он почерпает эти сведения. Нельзя не признать, что отпор шведской агрессии у Кольского залива был дан местными силами: в документах, которыми мы располагаем, нет ни слова о том, чтобы жители Колы получили какую-нибудь помощь со стороны 1-го земского ополчения. Последнее едва ли в то время (вспомним борьбу с поляками 19 марта) имело возможность отделить часть сил для борьбы со шведами на севере; оно концентрировало силы около Москвы для борьбы с поляками; оно не посылало войска даже к Новгороду, где совершал свой поход Делагарди.

Очень хорошо рисует отношение местного населения к захватчикам-шведам лист Андрея Стиварта Ладика Луденского игумену Антонию 7 июля 1611 года⁴⁹. Стиварт извещает игумена Антония со всею братьею, что шведский король послал его с войском в Россию на помощь против поляков и литовцев; он *«повелел мне этою дорогою скрозь вашу землю проехать к нашему большому ратному воеводе Якову Понтусу, для того, чтобы поляки не довелись про мою силу»*. Зная, что Стюарту было дано поручение захватить либо Сумский острог, либо Соловки, либо обе крепости сразу, мы, естественно, не поверим приведенному заявлению Стюарта, это – лишь простая уловка, напоминающая приемы хитрой лисы.

Но к дальнейшему рассказу Стюарта не лишнее отнестись с полным вниманием. Стюарт сообщает, что он *«доехал до рубежа месяца апреля»*, т. е. добрался до границ еще в апреле месяце. Он добавляет: *«не как ворог»*, т. е. не как враг. Последующий рассказ необходимо привести буквально: *«и ваши крестьяне довелись, – пишет Стюарт Антонию, – что мы едем, так они все от своих дворов побежали, и я великою нужею для хлеба до деревни Чюпы приехал»*. Итак, при известии о приходе шведов, местные русские крестьяне просто разбежались. Какой вывод делает отсюда Стюарт? *«Яз начаялся (надеялся, ожидал) скоро к нашему воеводу Якову Понтусу ехать, а как яз увидел, что нам не можно туды проехать для голоду (из-за голода), коли все ваши мужики прочь побежали, и нам за деньги не можно ничего добыть, так яз назад с моем войском воротился в нашу землю, и теперво стою яз моем войском недалеко от рубежа, и дожидаемся ответу по нашей грамоте от нашего милостивого короля, куды нам ехать»*. Из-за бегства крестьян войску шведов не откуда было получать продуктов и фуража, и оно вернулось в свою землю, ожидая указаний короля.

В конце листа Стюарт сообщает о вестях, что русские *«люди и мужики»* пришли в землю шведов, шведских крестьян *«забили»*, много *«деревень зажгли»*

---

⁴⁸ Лилеев В. Шведская интервенция начала XVII века // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 109.

⁴⁹ ААЭ. Т. II. № 129. О датировке документа см. прим. 60.

и животные много отняли». Он хочет знать: не велел ли им это делать игумен? Он указывает, что король и царь заключили мир в Выборге. Если игумен хочет соблюдать этот мир, пусть усмирит «мужиков», не велит им ездить в землю шведов. В случае если игумен не желает соблюдать договора, если русские придут в землю шведов, Стюарт готов защищать шведскую территорию и ехать в русскую землю. Если это произойдет, то виноваты в этом будут игумен с братьею: *«вы тот мир испортили и войну на вашу землю доспели*». Стюарт явно выдумывает о неприязненных действиях русских. Он просто ищет благовидного предлога для того, чтобы начать военные действия против Соловецкого монастыря, захватить его.

Поход шведов на Кольский полуостров не увенчался успехом. Этим походом, впрочем, действия шведов не ограничились. Из листа Сумского воеводы Максима Лихарева да головы Елизарья Беседного Андрею Стюарту и Эрику (Харе) от 7 сентября 1611 г. видно, что шведы «повоевали» русских *«одинадцать мест, волость Реболу, Ровкулу, Чолку, Котвас озеро, Тюжню, Ловуш остров, Лендери, Вонгоры, Кимас озеро, Юшко озеро, Сопасалму, и в тех деревнях многих русских людей побили, а иных в полон взяли, а иные от того... возгрому розбежались разно»*⁵⁰. По некоторым из этих названий район военных действий можно определить так: между 63–65° шир. и 30–33° долг.

Когда произошел разгром 11 волостей, установить мы не в силах; бесспорно лишь то, что он произошел до сентября 1611 года.

Безуспешные военные действия шведов не помешали им добиваться расширения своих границ за счет русской территории. Мы уже знаем, что такова была директива короля.

В ААЭ. Т. II, № 196 напечатан документ, показывающий, как эта директива выполнялась. Документ представляет лист опять-таки игумену Соловецкого монастыря Антонию «и всей братьи» и «Сумского острогу». От кого он послан, из документа не видно: имени шведского начальника не упомянуто. Редактор 2-го тома ААЭ датировал документ 1611 г., хотя в нем года не проставлено. Дата поставлена правильно, но ее можно еще уточнить. В документе читаем: *«И от нас (шведских начальников) будет к вам (игумену Антонию с братьею) весть к Ивану дни»*. Если под Ивановым днем разуметь Иванов день – 24 июня (а шведы – так же праздновали этот день, как и русские – православные), тогда надо признать, что документ написан до 24 июня 1611 года. Мы склонны предположить, что лист был направлен от знакомых нам Anders Stuart и Erich Hare. В документе читаем: *«А у нас люди стоят от Волуя за 30 верст семьсот»*. Волуй – это Улеоборг. Именно Стюарт вышел из Улеоборга с приказом короля захватить Сумский острог и Соловецкий монастырь, именно он доходил до границы.

---

⁵⁰ ААЭ. Т. II. № 195.

Чего же требовали шведские начальники? Указав, что царь Василий Шуйский и князь М. В. Скопин-Шуйский обещали шведам за помощь «*три города, город Корелской, да Колской, да город Орешек*», они прибавляли, что царь затем «*пересулил... за Орешок Сумской острог*». Подобное заявление не может быть подтверждено документами, но шведам правда была не нужна. Из сделанного заявления они делают вывод и рекомендуют игумену Антонию с братьею: «*...за нашу выслугу, не стойте за наше посуленное*». Король Карл IX «*за свою выслугу и за свое посуление не стоит, а с вами раздружиться не хочет*». Он лишь «*хочет взять по старому рубежу по Дубу и по Золотцу*». Если игумен Антоний с братией «*без кроволитья*» не дадут шведам «*по старому рубежу по Дубу и по Золотцу*», в таком случае король «*придет с войною и возмет все свои посуленные города и... Сумской острог*». В заключение в листе прибавлено: «*И вы тот наш лист хоти к Москве пошлите, хотя о собя перепишите, а таки наш король будет с войною, только не даете по нашей меже и по старому Дубу и по Золотцу, и все свои посуленные города возмет, хотя свои головы класти*».

Что за линия имеется в виду, позволяет судить название «Золотец». Это, видимо, водопад Золотец на порожиистой р. Выг, недалеко от деревень Шижки и Сороки. Мимо Шижки (Шижемская) проходит южный рукав р. Выг, северный рукав той же реки обтекает деревню Сороку. Из грамоты царя Ивана Грозного новгородским дьякам 1576 г. видно, что была «*у Николы Вежицкого монастыря рыбная ловля за Онегом у моря на реке на Выгу, в Золотце, а ловили... тое рыбу Соловецкого монастыря с игуменом вместе*»⁵¹.

Если наше толкование названия «Золотец» приемлемо, тогда северный пункт пограничной линии определяется вблизи Сумского отрога. В таком случае под Дубом возможно понимать другой пункт. Река Выг, вытекающая из оз. Узкого, протекает усеянное островами Выгозеро, на берегу которого стоит селение Дубрава. Не это ли селение называется просто «Дубом?» Об ответе с русской стороны ничего не известно.

Поставим вопрос: В интересах какого класса шведы совершали походы в Поморье?

Соотношение классовых сил в Швеции при Карле IX выяснено К. Марксом. Шведские горожане, пишет Маркс, «*соединившись со своим экономическим оплотом – крестьянством, поддерживали королей, насильственно отбиравших у аристократии награбленные ею коронные земли (начиная с 1604 г. и затем позднее, при Карле X и Карле XI)*»⁵². По Марксу, редукция коронных земель уже начинается с 1604 г., с того года, как Карл IX принял титул короля. Уже это несколько выясняет позицию Карла IX. Он опирается на горожан и крестьянство,

⁵¹ Архив П. М. Строева. Т. I // РИБ. Т. 32. Пг., 1915. С. 539.

⁵² Маркс К. Капитал. Т. I // Соч. Т. XVII. С. 792–793.

но не порывает и с дворянами. Мы считаем бесспорным, что захват Новгорода и пригородов производился в интересах феодалов; это была борьба за новые земли. На севере России было, нам думается, иначе. Не забудем, что «*в виду возможности* (во что верили в XVI в. – Г. З.) *проникнуть в Китай и Японию Ледовитым океаном, значение северной Норвегии к концу XVI века получило такое развитие, какого раньше нельзя было предполагать*»⁵³. Не забудем и того, что с 60-х годов XVI в., в одно время с торгом англичан на Двине, «*начался торг голландцев в Печенге и Коле на Мурмане*»⁵⁴. Не станем упускать из виду и того, что Сумский посад, устье реки Выга и др. представляли «*важнейшие в то время промышленные пункты на Беломорском побережье*»⁵⁵. Не забудем и того, что Швеция, освободившаяся в начале XVI в. от Кальмарской унии, от ига римской курии, ставшая более независимой от Ганзейских городов, для своего дальнейшего развития нуждалась в море; между тем выход из Балтийского моря был закрыт: Зунд был в руках Дании. Поэтому-то шведское правительство, в частности Карл IX, стремилось к захвату Мурманского побережья. Это было необходимо для развития торговли, для развития буржуазии.

Но этого мало. Мы видели, что усилия шведов направлялись к тому, чтобы захватить Колу. Это, разумеется, делалось неспроста. Почему же? Неожиданно ответ идет к нам от совета всея рати в 1611 году. Сообщая об избрании царем старшего сына Карла IX, совет всея рати в грамоте в Новгород 23 июня 1611 г. вместе с тем писал и о враждебных действиях шведов на севере и давал совет касательно уступки крепостей. Он согласен уступить шведам Ладогу и Нотебург. «*Крепость же Кольский острог, что находится по направлению к Ледовитому океану, решительно запрещаем уступать, так как она является наибольшей опорой для всех крепостей и городов того края; а если попадет в руки шведов, то они, пожалуй, устроят и укрепят там гавань и склады для всяких товаров, отовсюду стекающихся в Drinskoi и Korgot (Двину и Каргополь)*»⁵⁶.

Из приведенной цитаты совершенно очевидно, что Кола имела большое стратегическое значение.

Общий наш вывод о шведской интервенции на севере таков: в планы Карла IX входил захват Колы, Сумского округа и Печенгского монастыря. Однако походы

---

⁵³ Форстен Г. В. Балтийский вопрос. Т. II. С. 90.

⁵⁴ Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI – XVII веках. Л., 1925. С. 17; Тищенко А. В. К истории Колы и Печенги в XVI веке // ЖМНП. 1913 г. № 7 или сборник его работ (Петроград, 1916 г.).

⁵⁵ Богословский М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 8.

⁵⁶ Приводим латинский текст: «*Casellum autem Kolk Ostregog quod versus Boreale mare, prohibemus ut minime cedatis, quod illud sit omnium arcium oppidorumque in illa plaga sitorum maximum munimentum: Et si illud in manus Svecorum pervenerit portum forte et Apothecam omnium Mercium hinc inde ad Drinskoi et Korgot ultro citroque fluentium structure firmaturigie sunt*». Widekind, op. cit. S. 295–296.

шведов окончились неудачей. Тем не менее, ни игнорировать, ни уменьшать значения событий на севере нельзя. Здесь на севере столкнулись интересы России, Швеции, Дании и Англии. И небольшие события оказались чреватými большими последствиями. В этом убеждаемся, изучая, как реагировали на попытки захвата шведами русских городов в Поморье упомянутые государства.

Начнем изучение с того, как реагировало русское правительство. Не «седмочисленным» боярам, Ф. И. Мстиславскому с товарищами, этой агентуре Польши, пришлось реагировать на военные операции шведов в Поморье. Если судить по известному ответу игумена Антония Карлу IX, то надо будет признать, что на севере отношение к полякам уже в марте 1611 г. было отрицательным. Не к боярскому правительству Мстиславского обратились воевода Кольского острога и игумен Антоний с извещением о враждебных действиях шведов против Колы, а, по-видимому, к совету всея рати. Этому совету всея рати и пришлось откликнуться на события в Поморье. Уже в письме 23 июня 1611 г. в Новгород совет всея рати, сообщая о событиях в Коле, просил новгородских властей *«переговорить с Яковом Пунтусовым, чтобы он, написав своему королю, постарался устранить на будущее время такие попытки»*⁵⁷.

Переговоры с Яковом Делагарди – это одна линия совета, всея рати. Но совет действует и в другом направлении: он посылает *«с Москвы в Сумский острог и во все Поморские волости»* ратного воеводу Максима Васильевича Лихарева и голову Елизарья Денисьевича Беседного. Названные лица именуют себя в первом, посланном шведским воеводам 20 августа 1611 г., листе так: *«Великороссийского Московского государства от бояр и воевод посланные»*, а во втором от 7 сентября 1611 г. еще торжественнее: *«Великия Российския державы Московского государства боярина и воеводы князя Дмитрия Тимофеевича Трубетцкого, да Ивана Мартиновича Заруцкого, да думного дворянина и воеводы Прокофья Петровича Ляпунова, по совету всеи земли посланный воевода Максим Лихарев да голова Елизарей Беседного пишем»*. Когда же их послали? Так как ни в том, ни в другом листе нет и намека на убийство П. Ляпунова казаками, то надо думать, что Лихарев и Беседного выехали из-под Москвы еще до 22 июля, до дня гибели П. Ляпунова. 15 августа они прибыли уже в Сумский острог. Трудно сказать, посланы ли они были одни или с войском. Во втором листе Лихарев и Бе-

---

⁵⁷ Widekind, op. cit. S. 295–296. «Proinde rogamus, ut cum Jacobo Pontio agatis, velit ad Regem suum datis literis, omnes tales conatus in posterum advertere». Ср. лист Лихарева и Беседного к шведским воеводам от 20 августа 1611 года. В листе читаем: «а про тех ваших свейских людей, которые ныне, сказывают, у вас на рубеже есть в сборе и хотели идти войною на Руския поморския волости, и бояре наши Московского государства к Якову Пунтусову о том писали, чтоб он к тем ратным людям, кои есть на рубеже в сборе, описал, чтоб они войною на Рускую землю Московского государства не ходили, и задоров не всчинали, и промеж бы нами и вами смуты некоторые не чинили». ААЭ. Т. II. № 193.

седного пишут: *«и мы пришли с своими со многими ратными людьми в Сумской острог августа в 15 день»*. Но можно ли принять это сообщение за истинную монету? Нет ли тут преувеличения? В той напряженной обстановке, в какой находилось звавшее шведов на помощь 1-е земское ополчение, можно ли было дробить силы? Тон, взятый Лихаревым и Беседного при переговорах со шведскими воеводами, вовсе не свидетельствует о том, чтобы у посланных были большие военные силы.

С каким поручением приехали Лихарев и Беседного в Сумский острог, выясняется из их действий. 20 числа, через пять дней после прибытия на место, Лихарев и Беседного отправляют лист к шведским воеводам; они пишут в *«города в Карибор и в Палдомской, да Волуй и ко всей... Свийской земли»*, но не называют воевод по именам. Почему? *«Мы ваших воеводских имен здесь не ведаем»*, – объясняют Лихарев и Беседного. Содержание листа таково. М. Лихарев и Е. Беседного сообщают, что *«во 119 году в июне месяце были съезды, у Великого Новгорода»*, между В. И. Бутурлиным и Делагарди *«о добром деле, и о совете, и подкреплении вечного мира, и о вспоможении против польских и литовских людей»*; при переговорах Делагарди объявил, что у короля Карла IX есть два сына, он посылал под Москву своих посланников *«Анцу Пухова да Анца Мака, чтоб взяли на Московское государство»* шведского королевича. *«И бояре, и воеводы, и околичиче, и столники, и стряпчие, и дети боярские, и всяких чинов люди Московского государства, избрали на Московское государство... Свейского королевича, Карлусова королева сына»*.

Мало этого. Бояре *«ото всей Российской земли послали к королю послов своих, столника князя Ивана Федоровича Троекурова с товарищи»*, а посланников Делагарди отпустили назад. Далее Лихарев и Беседного сообщают о просьбе бояр к Делагарди, чтоб он отписал ратным людям и убедил их не ходить войной на русскую землю. После того они высказывают свою, заветную так сказать, мысль. *«И вам бы, господа, ратных своих и порубежных людей велети унимати, чтобы они с нашими людьми не воевались и задору бы и смуты промеж государств некоторых не чинили, потому что у нас с вашим королем доброе дело сталося»*.

Таким образом, избрание советом всея рати в цари шведского королевича рассматривается как база для мирных отношений между Россией и Швецией. В заключение, сообщая о своем прибытии в Сумский острог, Лихарев и Беседного заявляют, что сами они своих ратных людей, которые собрались и хотели идти в шведскую землю, «уняли» и *«воевать не велели, чтоб... промеж государств смуты не учинить»*⁵⁸.

---

⁵⁸ ААЭ. Т. II. № 193. Проф. А. А. Савич пишет: *«Возможно, что воевода и стрелецкий голова считает остающимся в силе постановление первого земского ополчения, но, быть может, в дан-*

Как видно из содержания грамоты, Лихарев и Беседного ведут линию на заключение мира со шведами. Разумеется, в этом отношении они действовали не самовольно. Такова была, очевидно, инструкция совета всея рати. Как при переговорах с Делагарди совет всея рати добивался совместных действий русских и шведов в борьбе с поляками, добивался восстановления отношений, какие были при Василии Шуйском, так и при переговорах со шведскими воеводами в Поморье он добивался мира. Видимо, он занимал позицию, которую позднее высказал Д. М. Пожарский, что одновременно против двух врагов – Польши и Швеции – русским не устоять⁵⁹.

С грамотой к шведским воеводам был отправлен житель Сумского острога («сумлянин») Нежданко Конюхов с товарищем. Пока не будем следить за путешествием Нежданка Конюхова, а познакомимся со вторым листом Лихарева и Беседного. Он отправлен 7 сентября 1611 г., через полмесяца после первого. Второй лист уже адресован «Свейского Карлуса короля ратным воеводам Ондрею Стиварту с товарищем Эриком и всем... немецким людем». Откуда узнали Лихарев и Беседного имена шведских воевод? Из листа видно, что Лихареву и Беседного стал известен лист, писанный в Соловки игумену Антонию с братьею «в нынешнем в 120-м году (1611) сентября в 4 день», в котором шведские воеводы жаловались на то, будто русские люди приходили в шведскую землю «войною», «людей побивали и деревни жгли». Полагаем, что это был лист, писанный «во Уле месяца июля седьмого числа» и напечатанный в ААЭ. Т. II. № 129 с ошибочной датой 1609 год⁶⁰. Вот из этого-то письма и стали известны имена Stuart и Erich Nare.

Познакомимся с содержанием письма. М. Лихарев и Е. Беседного сообщают, что в 119 (1611) году писали к Москве, к боярам воеводы и дьяки из Кольского острога о попытке шведов захватить Колу и о неудаче этой попытки; сообщают и о нападениях шведов на порубежные русские волости. Узнав о военных действиях шведов, «Московского государства бояре и воеводы» и послали Лихаре-

---

ном случае мы имеем дело с дипломатическим приемом удержать шведов от продвижения на русскую территорию. Последнее предположение представляется вполне вероятным, если обратит внимание на заключительное слово цитируемого письма... В силу того, пишут Лихарев и Беседного, что «у нас с вашим королем доброе дело сталося», шведским отрядам не следует «идти войною» на Поморские волости». См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина. С. 69. По нашему глубокому убеждению, избрание шведского королевича царем в совете всея рати в 1611 г. – факт, достоверность которого трудно оспаривать. Ср. отписку Земскому собору 1616 года. См.: Замятин Г. А. Два документа к истории Земского Собора 1616 г. о русско-шведских отношениях // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1925. Т. I. С. 299–310.

⁵⁹ Расспросные речи Никиты Калитина. Февраль 1614 г. // Сб. НОЛД. Вып. V. Новгород, 1911. № 9. С. 27.

⁶⁰ В документе, напечатанном в ААЭ. Т. II. № 129, год не указан. Редактор 2-го тома ААЭ. отнес его к 1609 году. Но инструкция Anders Stuart дана была королем лишь 30 января 1611 года. На этом основании документ необходимо датировать 1611 годом.

ва и Беседного «со многими воинскими ратными людьми» стоять против шведов «и поморских волостей оберегати»; воевода и голова прибыли в Сумский острог 15 августа.

Дальше М. Лихарев и Беседного сообщают о листе Стюарта и Харе в Соловки игумену Антонию, в котором шведские воеводы жаловались на то, что русские приходили войной в шведскую землю, людей побили и выжгли деревни. Сумские воеводы и голова заявляют, что они русских людей воевать не посылали, им про это ничего не известно. Зато известно, что шведы приходили войной на русскую землю и разорили 11 русских мест. Слышно было, что «громленные мужики разбивали по рубежу» и в русской земле и в шведской, но то делалось без ведома Лихарева и Беседного; они этих «разбойников» велют ловить; пусть их ловят и шведы на своей земле. Что касается ратных людей, то сумские начальники пишут: «... а мы своих ратных людей унимаем и в вашу землю войною ходити и задору чинити не велим, для того, что наши царь и ваш король доспели промеж себя мир, и мы того миру испортити и промеж царствы смуты учинити не хотим, а вы бы також своих людей у себя унимали и воевати на Рускую землю ходити и смуты чинити не велели». В заключение Лихарев и Беседного просят отпустить без замедления их посланника, Конюхова⁶¹.

Знакомство со вторым листом опять-таки показывает, что Лихарев и Беседного стремятся заключить мир со шведами.

Проследим теперь судьбу грамот Лихарева и Беседного. Мы не можем сказать, в каких городах Швеции побывал Нежданко Конюхов, но необходимо признать, что одна грамота попала в руки Андерса Stuart и Харе, а они переслали копию грамоты королю⁶². Не лишнее поставить вопрос: копия с которого листа сумских начальников получена была королем? Мы полагаем, что это была копия первой грамоты от 20 августа 1611 года и вот на каком основании: в ответе Густава Адольфа Эрику Харе воевода и голова Сумского острога названы не только по имени, но и по отчеству; полные же имена Лихарева и Беседного встречаются лишь в первом листе, во втором имена даны не полностью. Письмо Стюарта и Харе Карлу IX вместе с копией листа сумских начальников не застало короля в живых: как известно, он скончался 30 октября 1611 года. Ответ на имя Харе дан был уже Густавом Адольфом 7 ноября 1611 года.

Густав Адольф в то время еще не был провозглашен королем, но управлял государством. В Швеции было кратковременное междуцарствие. Была уже в разгаре война с Данией. Из копии письма М. В. Лихарева и Е. Д. Беседного Густав

---

⁶¹ ААЭ. Т. II. № 195.

⁶² Waaranen J. E. Handlingar upplysande Finlands historia under Gustaf II Adolfs tid samlade af Dr Johan E. Waaranen. Samling af unkunder rörande Finlands historia. Helsingfors, 1874. Bd. I (1611–1614 гг.) № 20.

Адольф увидел, что упомянутые лица делают одно дело с Делагарди, они знают о договоре, который Яков Понтусон заключил с новгородскими боярами. Густав Адольф высказывает желание иметь на этой стороне мир; наместники не должны допускать никаких враждебных действий; но им надлежит всегда иметь верные сведения, «потому что русские – плуты»; если наместники заметят, что русские что-то замышляют, необходимо дать русским отпор. В заключение Густав Адольф сообщает, что 1 декабря созывается риксдаг; тогда наместники получат решение⁶³.

Поскольку можно судить, дело было передано Государственному Совету. Ответ Гос[ударственного] Совета последовал 14 февраля 1612 года (Густав Адольф в это время был на театре военных действий с Данией). Совет указал, что наместники могут продолжать дело о перемирии с русскими⁶⁴. Очевидно, вследствие таких указаний Эрик Харе и заключил перемирие «в 1612 года о Петрове дни и о Павлове»,⁶⁵ другими словами 29 июня.

Казалось бы, дело кончилось добром. На самом деле было не так. Стремление захватить север России у шведов не ослабевает. Широкие перспективы рисует Делагарди, заключивший 25 июля 1611 года договор с Новгородом об избрании одного из сыновей Карла IX русским царем, в письме молодому Густаву II Адольфу в декабре 1611 года. Добиваясь того, чтобы Карл Филипп был отпущен в Финляндию, Делагарди подчеркивает, что поездкой можно достичь, чего не сумел получить польский король при страшном военном напряжении. Представляется возможным не только покончить войну с Польшей так, как желательно Швеции. Союз с Россией, по словам Делагарди, важен и в другом отношении. Затруднительность ввоза товаров в Балтийское море вредит Швеции так, как не вредит никакая война (ввоз товаров затруднен был тем, что Дания владела не только Зундом, но и южными областями (Блекинге, Галланд и др.) Скандинавского полуострова; они отошли к Швеции лишь после Роскильдского мира 1658 года). После того, как установится союз Швеции с Россией, можно будет доставлять всевозможные товары в Швецию через гавань св. Николая (в устье Сев. Двины) и другие места⁶⁶. Позднее Делагарди предлагал напасть на Холмогоры⁶⁷.

Кстати сказать, перспективы, рисуемые Делагарди, далеко уступают претензиям Густава II Адольфа. Как известно, Густав II Адольф, отправляя в 1613 году своего брата Карла Филиппа в Выборг для переговоров об избрании его царем всей России, дал инструкцию уполномоченным и в ней в качестве *maximum*'а

---

⁶³ *Waaranen J. E.* Op. cit. Bd. IV. № 2.

⁶⁴ *Ibid.* Bd. IV. № 20.

⁶⁵ ААЭ. Т. III. № 6 (лист Наре в Сумский острог 1613 г. 30 мая).

⁶⁶ *Widekind.* Op. cit. Кн. VI. Гл. 12.

⁶⁷ *Hallenberg.* Svea Rikes historia under konung Gustaf Adolf den stores regering. В. III. Stockholm, 1793. S. 29.

выразил желание получить в вечное владение Новгородское государство, а также Псков, Гдов, Ям, Копорье, Ивангород, со всем, что принадлежит Пскову; король должен владеть всем этим, как владели русские великие князья. Впрочем, если русские уполномоченные это отвергнут, комиссары могут понемногу сбавлять, но они должны настаивать, чтобы шведскому королю были уступлены на веки Псков, Гдов, Ивангород, Копорье, Ям, Нотебург, Ладога, Тихвин *«и вся полоса от Пскова дальше с помянутыми крепостями около святого Архангела и вся та страна, города и укрепления, которые там находятся и вблизи Лифляндии, Финляндии и северной страны, также Кола, Сумский острог»* и Соловецкий монастырь на Белом море. Мало того, король требовал, чтобы в России шведам была предоставлена монополия торговли, чтобы, стало быть, англичане, голландцы и др. западно-европейцы были изгнаны из России⁶⁸.

У Густава II Адольфа не замирала мысль не только о торговых выгодах с Россией, но и о захвате Колы. Правда, в 1613–1614 гг. Эрик Харе еще предпринимает меры, чтобы сохранить перемирие, заключенное в 1612 году⁶⁹. 28 сентября [1614 г.] воевода Улы, Эрик Харе, пишет игумену Соловецкого монастыря, Инарху, что им еще раньше послана была в Соловецкий монастырь с Макаром Реболоцким грамота, в которой шведские наместники выражали желание с Соловецким монастырем, и с Сумским острогом, и с Поморскими волостями, и с Лопскими погосты, учинити перемирие, *«чтобы без ведома с одной стороны короля, с другой – царя не начинать войны и никаких задоров не чинити до тех мест, поколь с обеих сторон государи будут в соединенье»*⁷⁰.

По видимому, это было сделано по повелению Густава II Адольфа: ведь он в ответе Эрику Харе из Або от 28 апреля 1614 года велел писать русским, что шведские наместники желают соблюдать перемирие, которое заключено между ними и русскими; пусть русские также соблюдают перемирие⁷¹. Из Соловецкого монастыря пришло согласие. Харе 28 сентября 1614 г. и сообщает игумену Инарху, что шведские начальники со своей стороны королевским ратным людям *«накрепко заказали, чтобы им»* с русскими людьми *«войны и никаких задоров не чинити»*. Пусть русские сделают то же.

В конце письма добавлялось: *«... а буде же меж государи любви статья невозможно, и вам бы (русским) наперед о том нам ведомо учинити с своей стороны, а мы вам против того тако ж учиним ведомо»*. Интересно, что переписка о перемирии на севере идет тогда, когда шедшая на очищение Новгорода от шведов под руководством боярина Д. Т. Трубецкого русская рать уже понесла

---

⁶⁸ Действия Нижегородской губернской учен. арх. комиссии. Сборн. Т. XIV. Отд. III. С. 10–11.

⁶⁹ ААЭ. Т. III. № 6.

⁷⁰ Там же. № 46.

⁷¹ *Waaranen*. Op. cit. Bd. I (1611–1614). № 227.

поражение при Бронницах (в июле 1614 г.). Таким образом, в Поморье – перемирие, у Новгорода – война. Двуручническая политика Карла IX по отношению к России проводится и его преемником, Густавом II Адольфом. О ней говорит и следующий факт. 17 мая 1614 года король сообщает из Гельсингфорса канцлеру Акселю Оксеншерне о прибытии Arnheim'a (полное имя Hans Georg von Arnim) и о сделанном им предложении, какое было выдвинуто раньше графом Филиппом Мансефельдом. Король заключил с Arnim контракт, по которому Arnim обязался при первой возможности со своим войском и на собственный счет захватить крепость Колу. Король дает ему 10000 шведских талеров и корабль и, кроме того, 3000 талеров войску. По взятии крепости король обязуется выплатить войску в таком же размере, как платят другим иностранцам. Arnim должен оставаться в крепости в качестве наместника, а корабль вернуть⁷². Мы не можем ничего рассказать о походе Arnim на Колу в 1614 г., не можем сказать и того, выполнен ли был договор, но стремление Густава II Адольфа захватить Колу необходимо констатировать.

Чем объяснить описанную двуручническую политику Густава II Адольфа? Вспомним, что 1 января 1614 г. открылся в Эребро риксдаг; он должен был, между прочим, обсудить и вопрос об отношениях с Россией. Ответ чинов (16–18 января) обнаруживал сильное желание мира. Швеция должна проявить инициативу в переговорах о мире. Дворянство настаивало, чтобы Густав Адольф написал новому царю в Москву. Духовенство и горожане рекомендовали отправить посольство.

Густав Адольф объявил, что он готов писать царю. *«В начале 1614 г. Швеция, таким образом, была готова заключить мир на условиях, которые три года спустя были приняты в Столбове»*⁷³.

Очевидно, в связь с решением риксдага 1614 года в Эребро нужно поставить мемориал Густава Адольфа Эверту Горну от 22 апреля 1614 г., в котором король разрешает написать москвичам, что он не отказывается от мирных переговоров. Очевидно, в связь с тем же решением риксдага следует поставить и письмо короля Харе (см. выше). Исполняя обещания риксдагу, Густав II Адольф вел примирительную политику, но в то же время он не оставлял и замыслов захватить русские земли.

В заключение скажем, что вопрос о Коле фигурировал даже в инструкциях о переговорах шведов с русскими. 2-м пунктом инструкции уполномоченным, данной в Нарве 14 ноября 1615 г., король предписывал, чтобы уполномоченные особенно постарались получить опору на берегу Wästersiöön. Он упоминал

---

⁷² Rikskansleren Axel Oxenstjernas skrifter och brevfexling. Senare afdelningen. Första bandet. K. Gustaf II Adolfs bref och instruktioner. № 34, 40.

⁷³ Sveriges krig 1611–1632. Bd. I. S. 446.

о Kolhuus в Северном округе, т. е. о Коле⁷⁴. Однако посредники не рискнули и поднимать вопроса о Коле при переговорах.

Стремление шведов захватить ряд местностей у Ледовитого океана вызвало осложнения не только с Россией, но и с Данией, и, если русские стремились уладить спор мирным путем, то Дания поступила иначе. В настоящее время шведские историки признают, что корни шведско-датской войны 1611–1613 гг. следует искать в захватнической политике Карла IX на севере и на востоке. Противоречия между Швецией и Данией обострились в первое десятилетие XVII века. Это было лишь естественным следствием понимания предпосылок, на которых должно строиться будущее стран. Активная политика Карла IX на востоке и на севере с намерением прорвать окружение, которое угрожало ослабить самостоятельную жизнь Швеции, заключала в то же время сильную угрозу против положения Дании, как владычицы Балтийского моря и Ледовитого океана. База для роста могущества Швеции, которая, по мнению шведских ученых, была заложена миром в Тявзине, должна была стать еще крепче, если бы Швеция была в силах довести борьбу с Польшей в Балтике до плодотворного результата. Успешная шведская политика должна была привести к ослаблению позиций Дании на Балтийском море и на Ледовитом океане. Кристиан IV с самого начала вполне сознавал, что Дания для сохранения своего положения, как ведущего государства севера, должна вести активную политику против Швеции и использовать благоприятную конъюнктуру для противодействия шведским планам.

Результат захвата шведами приморской территории у Северного Ледовитого океана, которая отделяла Норвегию от России, были очевидны для Дании. Если Швеция прочно укрепилась бы у морского берега, Дания должна была бы отказаться от притязаний на Кольский полуостров. Уже тот факт, как был принят в известных местах Европы мир в Тявзине, свидетельствовал о потере престижа Данией. На вновь изданных нидерландских картах побережье от Титис фиорда до Варангер-фиорда обозначено было, как шведская территория. О большом значении, какое Кристиан IV придавал вопросу о Ледовитом океане, свидетельствует продолжительное путешествие короля по северу и его стремление улучшить управление в Vardöhus лене.

Обострение противоречий между Швецией и Данией вызывало стремление добиться соглашения и в вопросе о Ледовитом океане и по другим вопросам, например, о торговле в Нарве. Известно, что между Швецией и Данией происходили пограничные съезды. Первый съезд состоялся в 1601 г, в Kungsback. Он начался протестом датчан против Тявзинского мира между Швецией и Россией.

---

⁷⁴ Мемориал короля Густава Адольфа Эверту Горну. 1614, апреля 22 // Сб. НОЛД. Вып. 5. № 12. С. 36 – 37; Наказ короля Густава Адольфа шведским комиссарам. 1615, ноября 14 // Там же. № 27. С. 85.

Притязания Карла IX или на все побережье от Titis фиорда до Нейдена или от Alten фиорда до Варангер фиорда были отвергнуты датскими уполномоченными. Решили собраться вновь. Новый съезд был во Флакебекке в 1603 году. По словам шведов, которые опирались на мир в Штетине и в Тявзине, Швеция имеет право на половину области между Titis-фиордом и Malangen-фиордом вместе с двумя третями области между поименованным и Варангер-фиордом – первоначально общая податная область для Норвегии, Швеции и России. Но ведь с правами на обложение связывались снова территориальные права. Дания приговорила, что Kölen составляет границу между Норвегией и Швецией, но в то же время признала право Швеции на подати между Titis-фиордом и Варангер-фиордом. Одновременно Дания не признала права за Россией передавать свои права между Варангер-фиордом и Malangen Швеции.

Собрание у Флякебекка было не в силах привести к разрешению главной тяжбы о побережье Ледовитого океана, но Швеция добила кое-чего. Право Швеции на область между Titis-фиордом и Варангер-фиордом было с датской стороны признано официально, и это давало возможность Карлу IX продолжать свою политику в вопросе о Ледовитом океане. При своем коронавании Карл IX принял помимо обычного еще титул *«государя над лопарями в Норрланде»*. В 1607 г. король назначает наместником Норрланда Бальтазара Бека и поручает ему тщательно оберегать интересы Швеции у Västerhavet. С этого времени шведская политика на севере становится все белее и более активной.

Разумеется, Дания не могла относиться безразлично к этому: она вмешивается в дела Лапландии. Отражение этого находим и в русских источниках, точнее, в жалованной грамоте Печенгскому монастырю 1675 года. Царь подчеркивает в этой грамоте: *«...та земля Лопская и искони вечная вотчина наша великого государя, а не Дацкого короля, и по 115 год (1607) в тое землю Дацкого короля люди ни в чем не вступались, и даней и оброков и десятин рыбных не спрашивали, а после того в тое землю учили вступаться мимо прежней обычай»*⁷⁵.

Однако положение не улучшается. Летом 1610 года отношения между Швецией и Данией вступают в полосу кризиса. Попытки Карла IX зимою 1610–1611 гг. завладеть наиболее важными местностями на русском побережье Ледовитого океана, местностями, на которые постоянно заявляла притязания Дания, лишь подлили масла в огонь: укрепившись зимою на суше в русских городах, Карл IX предполагал летом 1611 г. захватить с помощью эскадры всю область. Угроза со стороны Швеции самым северным позициям Дании наряду с возрастающей активностью Швеции на Балтийском море привела Кристиана IV к мысли, что только война может положить конец планам шведской экспансии. 4 апре-

---

⁷⁵ Акты исторические. Т. IV, № 254. С. 548.

ля 1611 г. последовало объявление Данией войны Швеции⁷⁶. Война Швеции с Данией в свою очередь отразилась на ходе шведской интервенции в России. Датско-шведскую и русско-шведскую войны невозможно рассматривать изолированно.

Коснемся слегка, наконец, как реагировала на активную шведскую политику Англия. Уже свыше двух десятков лет тому назад И. И. Любименко выступила в печати со статьей «Английский проект 1612 года о подчинении русского севера протекторату короля Иакова I». По словам И. И. Любименко, основная мысль этого проекта состояла *«по-видимому, в подчинении северной России, нынешней Архангельской и Вологодской губернии, а также по возможности и Поволжья, суверенитету или протекторату английской короны, но весьма вероятно, что этот шаг рассматривался англичанами лишь как первый этап в подчинении всей России протекторату английской короны. Для осуществления этой задачи предлагалось убедить русских передать часть товаров и казны в руки английской компании, которая из этих средств оплатила бы доставку английских солдат в русские порты и города, прежде всего, в Архангельск, но затем также в Холмогоры, Вологду и далее в поволжские города: Ярославль, Нижний Новгород, Казань и Астрахань»*⁷⁷.

Мы признаем вполне возможность выработки проекта подчинить север России протекторату Англии⁷⁸. Нас интересуют в настоящий момент причины, побудившие англичан приступить к выработке проекта. В новом труде «*Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand*» (Paris, 1933 г.), И. И. Любименко высказывает следующее предположение: *«Craignant probablement l'avenement du prince suédois, Charles Philippe, et voulant profiter eux-meme du sentiment antinational, qui s'éveillait, John Merrick et quelques autres compatriots elaborerent un projet curieux dont le but principal était la sauvegarde des interêts économiques, mais qui aboutissait, a un accaparement politique. Ces "Propositions" anglaises se sont conserveés dans deux copies au Public Record Office et au British Museum»* (p. 135).

Нам думается, что выработку английскими купцами проекта протектората Англии над северными областями России следует связать не с историей кандидатуры Карла Филиппа на русский престол, а с самыми реальными попытками

---

⁷⁶ Новейший труд о датско-шведской войне это *Sveriges krig 1611–1632*. В. I. Stockholm, 1936. См. также: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос. Т. II, гл. I.

⁷⁷ *Любименко И. И.* Английский проект 1612 года о подчинении русского Севера протекторату короля Иакова I // Научный исторический журнал / под ред. Н. И. Кареева. Т. 2, вып. 3. № 5. СПб., 1914. С. 10.

⁷⁸ *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI–XVI веках. Л., 1925. С. 54; *Виргинский В.* Проекты превращения Северо-восточной России в английскую колонию в XVII веке // Исторический журнал. 1940. № 11.

шведов завладеть гор. Колою и другими областями в Поморье. В случае успеха шведов торговля англичан с Россией, разумеется, потерпела бы значительный ущерб.

Таким образом, активная политика Карла IX на севере и востоке не только обострила противоречия между Швецией и Данией, но и между Швецией и Англией. Мы готовы пойти еще дальше. Известно, что во время переговоров о мире между Россией и Швецией посредники – Англия и Голландия – проявили неодинаковые симпатии: английский посредник, Джон Меррик, поддерживал Россию, представители Голландии поддерживали Швецию⁷⁹. Объясняем такое поведение противоречиями интересов Англии и Швеции на побережье Ледовитого океана. Так, западное Поморье в начале XVII в. представляет узел противоречий не только между Швецией и Россией, но и между Швецией с одной стороны, Данией и Англией – с другой.

В итоге нашего небольшого этюда мы решаемся выставить следующие тезисы:

I. Приготовления к интервенции в Московское государство идут в Швеции уже в 1606–1607 гг., но началом открытой интервенции следует признать походы шведов зимой 1610–1611 гг. на Колу и другие русские поморские города.

II. Споры русского и шведского правительств о границах позволяют сделать вывод, что границы России в начале XVII в. на севере Финляндии проходили западнее линии: оз. Иликитка, Куолаярви, верховье Кеми-йоки, оз. Энаре, Паз-река.

III. Шведская интервенция совершалась по двум направлениям: 1) на юге по линии захвата русских местностей у Финского залива и Ладожского озера; 2) на севере у Ледовитого океана и Белого моря по линии захвата Колы, Сумского острова и Печенгского монастыря.

IV. Стремление Швеции расширить свои границы, в том числе и за счет русской территории в Поморье, вызывает контрмеры не только со стороны России, но и со стороны Дании и Англии. Так в отдаленной и от центральной Европы и от Москвы местности на побережье Ледовитого океана завязывается узел международных противоречий.

---

⁷⁹ См.: Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 24.

А. Л. Хорошкевич

**«Некий» В. С. Иконников
и его «бескорыстное пожертвование»**
(Иконников В. С. Опыт русской историографии.
Том второй. Книга третья. СПб.: «Наука», 2013)

Вынесенное в заголовок определение историка Владимира Степановича Иконникова (1841–1923), профессора Киевского университета, принадлежит А. А. Зимину, весьма внимательно относившемуся к предшественникам на научном поприще¹. Если даже он решился на подобную «скупую оценку» творчества киевского историка, это говорит о многом, прежде всего об отсутствии интереса в советской науке к великому подвижнику – исследователю прошлого своих двух родин – России и Украины, где прошла вся жизнь ученого.

При жизни В. С. Иконников издал два тома «Опыта русской историографии» в четырех книгах². Третья завершающая книга второго тома этого труда и ряд других сочинений Иконникова благодаря героическим усилиям украинских и петербургских историков, архивистов и археографов увидела свет в Санкт-Петербурге в 2013 г. к 90-летию его кончины и за три года до 175-летия со дня рождения. Благодаря этому завершилось превращение киевского ученого в знаменитость³. Эта публикация и заставила автора откликнуться на колоссальный,

---

¹ *Зимин А. А.* Храм науки. (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 333. Позиция А. А. Зимина удивляет, поскольку понимание В. С. Иконниковым «русского» XVI века предваряло в некоторых отношениях зиминскую трактовку той же эпохи.

² Опыт русской историографии. Киев, 1891–1908. Т. 1, кн. 1–2. Т. 2, кн. 3–4.

³ Процесс этот начался в 1865–1866 гг. с выходом в Университетских известиях дипломного сочинения «Максим Грек», ускорился с отдельным изданием «Опыта исследования о культурном значении Византии в русской истории» в 1869 г., достиг прижизненного апогея в 1891–1892 гг. с появлением первой и второй книг первого тома «Опыта русской историографии», утвердился в 1908 г., когда появились две книги второго тома, но был прерван

поистине подвижнический труд, особую актуальность которому придает современный уровень российско-украинских политических отношений.

Том открывается статьей «Возвращение В. С. Иконникова» директора Санкт-Петербургского филиала архива РАН И. В. Тункиной, которая представила историю этого издания и ее участников – киевских и петербургских. Далее следует работа известного украинского историка В. И. Ульяновского «“Бенедиктинец русской истории” и его “труд всей жизни”» (с. 11–151)⁴. Третьим «введением» служит «Описание рукописи, принципы и правила издания» третьей книги второго тома «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова, написанное археологом С. Н. Киржаевым. Наконец, на страницах 163–643 помещен первый отдел самой третьей книги «Опыта»: он открывается обзором мемуаров русских людей и лиц, служивших в России (с. 170–414). Второй отдел носит наименование «Переписка русских людей и лиц, служивших в России» (с. 415–511). Третий отдел публикуемой книги посвящен иностранным известиям о России (с. 512–540). Хронологический охват отделов разный: первый включает все время царствования последнего Романова, второй завершается 1906 годом, третий ограничен 1796 годом, что в какой-то мере характеризует строго хронологический подбор материала для «Опыта».

Вслед за текстом третьей книги второго тома «Опыта» издатели поместили приложения разного содержания: две статьи самого Иконникова о записках иностранцев о России XV–XVII вв. и второй половины XVIII – середины XIX вв., воссозданные по его конспектам лекций, оглавление двух первых томов «Опыта», доклад С. И. Маслова о том же «Опыте», прочитанный 10 декабря 1923 г на заседании Исторического общества Нестора-летописца, посвященном памяти В. С. Иконникова, две статьи литературоведа Т. В. Ананьевой о мемуарах и эпистолярности в контексте развития науки о них в XX веке. Последний номер приложения – обзор современного состояния «инаковидения» России (то есть записок иностранцев) С. Н. Киржаева.

Таким образом, авторы статей приложения, условно говоря, продолжили труд В. С. Иконникова до 2007–2008 годов. Книгу замыкает научно-справочный аппарат, где кроме стандартных списков сокращений, указателя имен и географических названий содержится перечень публикаций, использованных В. С. Иконниковым в публикуемой третьей книге второго тома из 7563 номеров. Эта цифра приводит в восхищение героическим трудом как самого В. С. Иконникова, так и его издателей, немало потрудившихся для создания подобного перечня.

Октябрем 1917 г. С. Ф. Платонов, идя навстречу пожеланиям автора, пытался издать третью книгу второго тома «Опыта» в Петрограде, почему ее рукопись и оказалась в СПбФ АРАН.

⁴ Здесь и далее ссылки на страницы издания даются в тексте.

Несмотря на грандиозность тома, скрупулезно подготовленного по имуществу украинскими исследователями и изданного в Санкт-Петербурге в 2013 г., у автора этих строк возникла зависть к предшествующему украинскому изданию «Опыта» 2004 г, где воспроизведены не только четыре книги «Опыта», изданные при жизни исследователя в сопровождении историко-биографической статьи В. И. Ульяновского, но также и целый ряд статей В. С. Иконникова, малодоступных для российского читателя. Остается только мечтать о том времени, когда украинский том будет воспроизведен в России и местный историк, филолог и просто думающий человек будет окончательно покорен упорством и подвигом самого В. С. Иконникова и его современных украинских и российских исследователей.

А пока следует вернуться к «питерскому» тому и статье-«монографии» В. И. Ульяновского. Она делится на три части: I. Труды и дни В. С. Иконникова. Стил жизни и творчества; II. Научная деятельность как смысл жизни; III. Идея, история и воплощение «Опыта русской историографии».

Вдумчивый исследователь начал с биографии своего героя⁵. Он, уже давно занимавшийся изучением биографии и творчества «бенедиктинца», не уступил своему герою ни в основательности всестороннего анализа, ни в широте охваченного материала (были «мобилизованы» и исследованы все материалы киевских, петербургских, московских архивов, в том числе мемуары, переписка и др.). В результате читатель получает представление обо всех сторонах жизни и духовного развития киевского историка России. В первой части В. И. Ульяновский рассматривает «внешние» события биографии, начиная с семьи и детства и доводя изложение до службы в Киевском университете св. Владимира. Вторая часть работы В. И. Ульяновского посвящена научной деятельности историка. Вся третья часть занята изложением перипетий создания «Опыта русской историографии». Отдавая должное гигантским усилиям исследователя, не могу согласиться с искусственным разрывом биографии и творчества, что повлекло за собой повторения и некоторую нечеткость в определении причин обращения В. С. Иконникова к тем или иным темам. Второй упрек заключается в том, что общероссийская духовная и материальная атмосфера и их политическая динамика в работе В. И. Ульяновского охарактеризованы недостаточно.

Сын военного рос в разноверческой семье: отец – православный с твердым и деспотическим характером⁶, мать – полька католичка, влияние которой на воспи-

---

⁵ См. также: Радзивілл О. М. Формування історіософії В. С. Іконнікова: (До постановки проблеми) // Історичний збірник: Історія, історіософія, джерелознавство (статті, розвідки, замітки, есе). Київ, 1996. С. 130–160.

⁶ Владимир был воспитан отцом в духе послушания и даже угодничества власть имущим; «хвали всех и каждого» (С. 38) наставлял он сына (что неоднократно подчеркивает В. И. Ульяновский, в особенности при анализе творчества своего героя, который, обжегшись на одном из

тание младшего сына было, видимо, незначительным. Отец, участник Бородинской битвы, выйдя в 1817 г. в отставку, расправил крылья «опеки и приказов» и настоял на поступлении десятилетнего сына, не имевшего никакой склонности к военному делу, в только что созданный в Киеве Кадетский корпус. Угнетенный потерей матери в 1837 г. и под влиянием новых впечатлений 14-летний юноша, «полный сомнений и психологических переживаний», собирался делать не военную, а духовную карьеру, поступив в Духовную Академию. В том же его укрепляло чтение религиозной литературы, при этом в виде исключения «во внутренний мир мой, – вспоминал он позднее, – не вмешивались ни отец, ни брат» (с. 20).

Однако духовный мир кадета формировался и под иными влияниями. Из уст преподавателя С. С. Гогоцкого юноша узнал об исследовании А. П. Щапова о расколе⁷, в свете которого история православной церкви, духовности и самосознания русского общества представились ему в ином, чем ранее, свете. Можно даже предполагать, что общая постановка вопроса в создававшемся им в течение всей жизни «Опыте русской историографии» сложилась под влиянием А. П. Щапова. Общение с вряд ли забывшими уроки восстания 1830–1831 гг. поляками, которых было немало в корпусе, вероятно, тоже оказало воздействие на формирование мировоззрения будущего «кадета». Без пяти минут «военный» увлекся чтением истории Карамзина и всеобщей истории киевского профессора В. Я. Шульгина. Это предопределило его дальнейшую судьбу.

В 1862 г. Владимир Степанович вопреки воле отца вышел в отставку и был принят сразу на второй курс историко-филологического факультета Университета св. Владимира. Он попал в краткую пору «шестидесятничества XIX в.» Изменился и круг его общения и круг его чтения, теперь это были романы Гончарова, Тургенева, Чернышевского, воспитывавшие следующее поколение подданных его императорского величества (с. 22–23). Иконников вместе с новым другом, будущим историком Франции Иваном Лучицким читал и «Всемирную историю» Ф. Х. Шлоссера, как и труды Ф. Савиньи, К. Фишера. На него Ф. Х. Шлоссер произвел особенно сильное впечатление: «это мой прежний и теперешний учитель», «на нем можно отдохнуть от мирской грязи, потому что дурака он назовет дураком, не стесняясь выражением, хотя бы он был в короне. Шлоссер, Бокль, Летописи <...> мне говорят: трудись, трудись – плод приносится трудом» (с. 25–26).

В. И. Ульяновский обращает внимание на то, что его герой, занимавший позицию «академического порядка» (с. 31), и, видимо, не принадлежавший

первых своих сочинений, предпочитал называть «опытами» значительную часть последующих работ).

⁷ Щапов А. П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859.

ни к «умницам», ни к «передовым людям», не выбрал себе в руководители проф. В. Я. Шульгина, автора первого заинтересовавшего юного Владимира учебника по всеобщей истории, поскольку тот не пользовался у студентов авторитетом. В письме И. Каневскому 23 сентября 1863 г. увлеченный молодой историк жаловался на учебники этого профессора: «фразы, понятия, выводы и мысли без фактов – основания истории <...>, благодаря которым ученики становятся резонерами, пустословами» (с. 29). В результате он остался в университете без руководителя, что однако не помешало ему выступить с критикой брошюры Н. И. Костомарова «Кто был первый Лжедмитрий?» (1864), настаивая на идее тождества самозванца и младшего сына царя Ивана IV⁸, а 5 октября 1864 г. стать профессорским стипендиатом для трехлетних занятий русской историей в Москве и Петербурге, равно как и за границей (куда, впрочем, он попал лишь спустя почти десяток лет) – для усовершенствования в иностранных языках. Стипендиат, готовясь к поездке в столицы империи, продолжил изучение языков и конспектировал «записки иностранцев» – Флетчера, Горсея, Олеария, поскольку считал, что без их учета и сравнения своего духовного мира с «видением» этого мира посторонними невозможно «увидеть» себя» (с. 32).

1 июня 1865 г. Иконников окончил университет с золотой медалью за дипломную работу «Максим Грек», посвященную деятельности греческого монаха и философа Максима Грека на Руси⁹. Эта личность была знаковой и для Московской Руси, и для Византии, унаследовавшей античную культуру. Тема отчасти соответствовала прежнему намерению посвятить себя духовной карьере и удовлетворяла интерес к истории религиозной мысли в России, а отчасти позволяла выразить свои новые, более «европеизированные» настроения. А посему уже на третьем курсе в 1863 г. он первым среди исследователей творчества греческого «просветителя Руси» занялся восстановлением круга итальянских коллег и друзей Максима Грека. Он смог это сделать благодаря владению языками и тщательному изучению первоисточников. Автор в течение всей жизни дорабатывал сочинение, которое вышло вторым изданием лишь в 1915 году.

Исследования о Смуте и Максими Греке ясно обнаружили «почерк» киевского «бenedиктинца». Он, пожалуй, первым из отечественных историков усвоил уроки мастера текстологии Августа Людвиг Шлецера, которому, по словам Иконникова, «бесспорно принадлежит честь первого основателя научной обра-

---

⁸ *Иконников В.* Кто был первый Самозванец? (По поводу сочинения Н. И. Костомарова «Кто был первый Лжедмитрий?»). СПб., 1864.

⁹ Исследование о Максими Греке было опубликовано в Университетских известиях (1865 г. № 1–12; 1866. № 1–2) и отдельными брошюрами в это же время.

ботки русской истории или, лучше сказать, русской летописи»¹⁰. Усилия киевского «бенедиктинца» по изучению биографии и творчества Максима Грека лишь спустя четверть века продолжил русско-французский ученый Э. Денисов, высоко оценивавший работу Иконникова. А еще через четверть века – советские и современные российские историки (в особенности Н. В. Сеницына), историки церкви и искусствоведы, филологи и лингвисты Б. А. Успенский, А. И. Иванов, Е. В. Кравец заметили работу первого исследователя творчества ученого грека.

1 июня 1865 г. Иконников получил степень магистра. В качестве труда для публичной защиты он избрал тему «Русские общественные деятели XVI века» и представил в ней широкую панораму общественной мысли и общественных отношений в ту эпоху, когда «русское общество сверху донизу представляло иерархию рабства» (с. 68). Здесь были рассмотрены и униженное положение женщины и всемогущество царя, и общественный быт и религиозные взгляды православных ортодоксов и реформаторов – еретиков и мыслителей (которым были посвящены особые очерки), была проанализирована полемика Андрея Курбского с царем Иваном Грозным. Это исследование Иконникова о Московской Руси середины XVI столетия привлекло меньше внимания. А жаль. За век до А. А. Зимины, Я. С. Лурье и А. И. Клибанова он причислил еретиков к «общественным деятелям», признав их право на существование, что даже в эпоху Александра II и митрополита Филарета было весьма рискованным.

Свою жизненную позицию историк изложил в послании будущей жене А. Л. Родзевич: «уважение к человеческой личности и вражда ко всему подавляющему и гнетущему». Взгляд либерала, отнюдь не революционный, но довольно критический, на положение российского общества был подготовлен знакомством с записками иностранцев, что и позволило Владимиру Степановичу создать выразительно точную – в соответствии со Шлоссеровской «правдой истории» – картину страны в XVI веке. Защита состоялась 13 апреля 1866 года. Против включения еретиков в число общественных деятелей, якобы некорректного привлечения Стоглава, как неканонического текста, использования тенденциозных иностранных источников выступил проф. русской истории А. И. Ставровский. Критик Иконникова уже понял, что ветер в Министерстве (теперь уже «народного») просвещения подул в другую сторону после того, как министром в 1866 г. стал Д. А. Толстой, обер-прокурор Священного синода. В результате на службу в Киевский университет В. С. Иконникова не приняли. Ректор А. П. Матвеев объяснял позднее, что все это произошло из-за того, что Владимир Степанович «крепко задел наших иерархов, чего делать ни в коем случае нельзя» (с. 34).

---

¹⁰ Ему Иконников уже на склоне жизни в 1911 г. посвятил подробный историко-биографический очерк, изданный в Киеве отдельной брошюрой. (*Иконников В. С. Август Людвиг Шлецер. Историко-биографический очерк. Киев, 1911.*)

В результате усилий друзей Иконников поступил в Харьковский университет, но, как оказалось, попал из огня да в полымя. Здесь «были сильные представители славянофилов» и не любили киевлян за то, что «сторона киевская противоположна московской (славянофилов, склонных к русификации всех народов империи)» (с. 39). Иконникова в Харькове воспринимали чужаком и даже отказали в приеме экзаменов на должность магистра якобы из-за отсутствия профессора по русской истории. Для этого ему пришлось отправиться в Одессу. Там 3 декабря 1867 г. Иконников защитил своего «Максима Грека» на степень магистра с помощью официальных оппонентов В. И. Григоровича, М. П. Смирнова и неофициального Ф. И. Леонтовича.

Успех окрылил, и Владимир Степанович принялся за докторскую диссертацию «Опыт о культурном значении Византии в русской истории». Выбор этой темы был отнюдь не случайным. В Киеве, где сожительствоваляли католики и униаты, православные и раскольники разных согласий, шла очень интенсивная хозяйственная и церковно-религиозная жизнь. Действовала Киевская духовная академия и семинария, связи университета св. Владимира с первой из них с 1869 г. по 1883 г. осуществлял выпускник МДА москвич Ф. А. Терновский, специалист по истории Византии. Его мысль «История Византии наиболее пригодна для практического применения в России» могла дать толчок для заинтересованности Иконникова проблемой. Этот текст лег в основу исследования, был издан в № 1–12 «Университетских известий» за 1869 год. Несмотря на реакцию официальных университетских и церковных властей Иконников не изменил своего взгляда на историю страны: и в третьей фундаментальной монографии, вышедшей в 1869 г., «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» он сохранил довольно критическое отношение к культуре православия и опиравшейся на него православной государственной власти.

В. С. Иконников прослеживает воздействие византийской культуры на русскую в трех сферах – религиозной, общественной и государственной, но устанавливает факт слабого знакомства с греческим языком наших далеких предков, почему они и не смогли вполне воспринять и освоить интеллектуально-духовного наследия ни античной греческой, ни византийской культуры в отличие от Западной Европы, где латиноязычные памятники донесли до Нового времени достижения античности. Исследователь пришел к выводу об отсутствии в стране собственных традиций развития науки, почему Россия сначала подчинялась византийской, а затем западной цивилизационной системе. В отличие от книги о Максиме Греке, Владимир Степанович в дальнейшем ее не переделывал, поскольку – по мнению В. И. Ульяновского – в свете новейших исследований она безнадежно устарела (с. 68), хотя ее автор по-прежнему размышлял о проблеме: «Что такое византизм? Это церковность в государственном управлении, в литературе,

науке и нравах общества. Заключить всю жизнь государства в церковность, значит погубить его». Не исключена и другая причина равнодушия автора к этому исследованию – невозможность даже приоткрывать собственные мысли по поводу далекого, но в России всегда актуального политического прошлого. Была и еще одна причина – необходимость новой защиты ради обеспечения семьи, которая вскоре должна была пополниться еще одним членом. Одесский доброхот Иконникова проф. А. Г. Брикнер торопил с защитой, которая и состоялась 9 ноября 1869 года. Оппонентами выступили В. И. Григорович, М. П. Смирнов, а также Ф. К. Брун, И. С. Некрасов.

Что же касается оценки В. И. Ульяновским обеих диссертаций, как «утративших особую значимость», то она представляется неточной. История России сделала после смерти ее киевского исследователя несколько поворотов, вернувших идеям Иконникова актуальность, правда, не только и не столько научную, но и политическую...

После защиты В. С. Иконников занялся темой «Переходная эпоха в России» (вторая половина XVI–XVII вв.) В этой работе он намеревался рассмотреть нравственную, умственную и экономическую историю России, а также параллельно заготавливал материалы для биографий историка Щербатова, адмирала Мордвинова и Радищева. Однако эти планы были частично сорваны, частично отложены в долгий ящик очередным, на этот раз радостным, переездом, случившимся в мае 1868 года.

В Киеве уже 10 лет некому было читать курс русской истории. Иконников после основательной нервотрепки, наконец, был принят в Университет. 12 сентября 1868 г. Владимир Степанович произнес вступительную лекцию «Общий взгляд на развитие науки русской истории»¹¹, заложив этим основу историографическому лекционному курсу, который он читал в течение последующих 14 лет. Давая характеристику тогдашним классикам этой науки, он выделил несколько направлений: художественное (Карамзин, отчасти Костомаров), скептическое (Каченовский, Арцыбашев), антискептическое с «математическим методом» (Бутков, Погодин), историко-юридическое, славянофильское, наконец, этнографическое (Костомаров, Кавелин, Шапов), свидетельствовавшие о том, что в истории «всегда отражались взгляды времени и лиц, посящавших себя ее служению» (с. 81). Кажется, это было первой попыткой классификации российских историографических школ.

Обращает на себя внимание отсутствие украинофильского направления, в то время еще не оформившегося. Чрезвычайно интересно, как относился В. С. Иконников, не считавший себя ни «западником», ни «славянофилом» (с. 32), к культур-

---

¹¹ Это было продолжение труда 1867 г.: *Иконников В. С. Очерк разработки русской истории в XVII в. Киев, 1867.*

ническому «украинству» 1860-х годов. Исследователь его биографии считает появление термина «украинство» результатом позднего в период написания записок осмысления «значимости изложенного факта». Термин, несомненно, соответствует украинофильству. Сам биограф Иконникова вслед за своим героем изредка употребляет термин «украинство», а сторонников его именуется «украинствующими» (с. 32, 33).

Ученый совет Киевского университета в результате агитации и публикаций В. А. Бильбасова и критики В. О. Ключевского забаллотировал Иконникова на выборах в экстраординарные профессора. На это А. Г. Брикнер из Одессы отозвался взволнованным письмом: «У нас на Руси в факультетах и советах столько мужиков и чиновников и очень мало настоящих ученых, а между тем <...> последним еще заграждается путь. Ай да Киевский университет». Иконников решился ответить «Моим критикам» в печати – Ключевскому по существу, а второму по его сочинениям, где насчитал 23 пункта «бильбасовщины». В разгар скандала В. С. Иконникову удалось добиться приглашения на факультет украинофила В. Б. Антоновича, с которым он и работал в течение 40 лет в полном согласии и спокойствии. Первым результатом появления Антоновича на факультете оказалось желанное избрание Иконникова по представлению Антоновича в октябре 1870 г. ординарным профессором (с. 51). Увы, за карьерным успехом последовала личная трагедия – смерть новорожденного сына в декабре 1870 года. Свое горе ученый топил не только в преподавании, но и в творчестве, спасался от него в первой и единственной поездке в Европу. В Берлине он закончил труд о гр. М. С. Мордвинове (1754–1845)¹², в Италии посетил города, в которых побывал его любимый герой Максим Грек, в Гейдельберге прослушал курс Куно Фишера о Фаусте, а домой привез гору новых книг.

По возвращении в 1873 г. из заграничной поездки В. С. Иконников кроме курса русской историографии, следуя примеру одного из своих героев, прочитал несколько публичных лекций о необходимости реформ в обществе. Их в 1874 г. сопровождало издание брошюры «Русская женщина накануне реформы Петра Великого и после нее. Сравнительно-исторический очерк», отвечавший духу времени, в котором борьба женщин за равноправие занимала не последнее место.

С 1876 г. историографический курс В. С. Иконникова стал постоянным. В 20 программах кристаллизовались три его части: 1. понятие об исторической науке и ее методах; 2. источники по группам и видам и их хранилища – архивы и библиотеки; 3. история науки в школах и идеях. В отличие от В. В. Антоновича, читавшего в 1880–1881 гг. цикл «Источники для истории Юго-Западной России», Иконникова интересовала картина интеллектуальной и духовной жизни разных

---

¹² *Иконников В. С. Граф И. С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873.*

эпох, «разворачивание» письменных «следов» прошлого (с. 121). Преподавательская, редакторская и организационная деятельность явно вредила творческой и отвлекала ученого от «Опыта русской историографии», что и продемонстрировала приведенная В. И. Ульяновским статистика, созданная И. Войцеховской¹³. Из 716 публикаций (в состав которых наряду с монографиями, статьями, курсами лекций входит 521 рецензия – библиографическая заметка) на второе десятилетие творчества 1875–1884 гг. приходится 396 рецензий, которые кроме «Университетских известий» помещала и «Русская старина», и 31 статья. Среди последних оказалась и статья о русском дипломате Ордине-Нащокине¹⁴. Исполдволь в промежутке между чтением лекций, руководством учениками и редактированием он ухитрился обнародовать собранные им сведения – опубликовать «Новые материалы для истории царствования Петра Великого (Сношения с Францией)» в 1886 г., и даже довести до печати давно ожидаемый коллегами «Опыт русской историографии» в 2 томах и 4 книгах.

И снова Иконников вернулся к тревожившей его всю жизнь проблеме – роли церкви в истории России. На этот раз на материале жизни и деятельности Арсения Мацеевича, уникальной личности, бунтаря в рясе, носившего несколько епископских тиар, тяжесть которых однако не сломила его характера. Близкий автору по духу искатель правды в XVIII в. под пером ученого обрел живые черты¹⁵.

В 1880-е гг. после убийства Александра II резко обострился украинский вопрос. Центрами украинофильства стали Общество Нестора-летописца, журнал «Киевская старина», равно как и университет¹⁶. К этому времени «культурническое» направление украинофильства переросло в радикальное «новоукраинство». Иконников осознавал опасность нового направления, и чтобы нейтрализовать ситуацию, ему пришлось настаивать на пополнении преподавательских кадров «защитниками русского слова», в качестве которых в университет пришли Г. Д. Флоринский, А. И. Соболевский, Ю. А. Кулаковский. Принятие устава 1884 г. резко ухудшило ситуацию в университете, и Иконникову в 1885 г. пришлось содействовать сохранению «подозрительного» Общества Нестора-летописца.

Главным идеологом украинофильского движения Иконников считал М. П. Драгоманова, обнародовавшего свою программу в Юго-Западном отделении Русского географического общества: «Украина для украинцев» («чистокровных русских <...> им хотелось бы выселить отсюда как обрусителей»). Так в письме

---

¹³ *Войцехівська І.* Академік Володимир Іконніков: Життєпис та бібліографія. Київ, 1998.

¹⁴ *Иконников В. С.* Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // Русская старина. Т. XI. М., 1883.

¹⁵ *Иконников В. С.* Арсений Мацеевич: ист.-биограф. очерк // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 731–752; Т. 25. С. 577–608; Т. 26. С. 177–197.

¹⁶ *Мойсиенко В. Н.* Либерально-демократическое (оппозиционное) движение в Украине (середина 60-х – 80-е годы XIX в.). Киев, 1999.

В. И. Ламанскому Иконников сформулировал идею Драгоманова и сетовал на то, что университет продолжает оставаться центром украинского движения, не только «культурнического», но и «новоукраинства» радикального образца (с. 58). К концу жизни Иконников, по мнению В. И. Ульяновского, занял твердую антиукраинскую позицию, и это несмотря на много лет дружного сотрудничества с Антоновичем и почтительное отношение к нему лидеров украинофилов. Примером может служить его позиция по отношению к собственному ученику – М. С. Грушевскому. В его «Очерке истории Украины» 1906 г. Владимир Степанович усмотрел «излишнюю украинофильскую ориентацию» и при выборах на кафедру русской истории поддержал не Грушевского, а другого – единственного, по В. И. Ульяновскому, настоящего своего ученика – В. И. Савву. В оценке «Очерка» М. С. Грушевского обращает на себя внимание первое слово «излишнюю», свидетельствующее о том, что Иконников в целом не против «украинофильства». В творчестве ученый, сохраняя верность заветам молодости, старался замаскировать свою позицию, а в реальной жизни – уклониться от участия в мероприятиях, организованных радикальными украинофилами, таких как празднование 100-летия «Энеиды» И. П. Котляревского и даже вечер памяти Т. Г. Шевченко, которые, возможно, казались ему опасными для собственной репутации.

Историк продолжал трудиться над своим неподъемным историографическим «опытом», изредка перемежая это занятие публикациями и исследовательскими экскурсами во времена Петра Великого, Екатерины II, единственных, как можно предполагать, личностей, достойных с его точки зрения занимать не только царский, но и имперский трон, решительно производивших преобразования страны¹⁷. В 1891 и 1892 гг., наконец, увидели свет первая и вторая книги первого тома «Опыта русской историографии», встреченные целым шквалом рецензий (критической А. Н. Пыпина и массой восторженных – Д. И. Багалея, А. Е. Преснякова, А. И. Шляпкина, который называл «Опыт» «фундаментом нового прочного здания русской исторической науки, опоры нашего народного сознания») (с. 133). В особенности восторженным был отзыв Е. Ф. Шмурло: «Вы дали в руки других клад, который они будут расхищать <...> Я называю труд Ваш труд бескорыстным пожертвованием» (с. 132). Только М. С. Грушевский обнаружил, говоря словами В. И. Ульяновского, «слабость раскрытия интеллектуально-духовной жизни и творчества украинских деятелей XVI–XVIII вв.» (с. 150).

«Доныне величайший научный монумент» (по словам И. Е. Забелина) остается пособием для начинающих историков. С этого времени началось официальное признание киевлянина. Составление второго тома, посвященного нарратив-

---

¹⁷ *Иконников В. С.* Сенат в царствование Екатерины II // *Русский архив*. Кн. 1. С. 17–42 (здесь им была опубликована записка императрицы о необходимых преобразованиях); *Он же*. *Время Екатерины*. Вып. 1–4. Киев, 1881–1882.

ным памятникам, облегчалось сотрудничеством с А. Е. Пресняковым, который писал вступительную статью. В течение 1908–1909 гг. том был отпечатан. И уже в следующем году на этот том, в который, по словам С. Ф. Платонова, был вложен колоссальный труд (с. 140), появились рецензии, в том числе и иностранных ученых (Л. К. Гетца, Г. Крумбахера, П. А. Пальмиери). Выход второго тома сопровождался и новым валом признаний и наград в отечестве. К концу жизни Иконников стал почетным членом 17 научных обществ, 10 российских университетов, академий, училищ, а также 7 архивных комиссий и членом-корреспондентом Академии наук.

Ничем подобным и даже отдаленно напоминающим иконниковский комплекс наград и званий, кажется, не мог похвастаться ни один другой историк его времени. В. И. Ульяновский обращает внимание на то, что исследования Иконникова были ответом на «вызовы» других исследователей (представляется, что это в какой-то степени характерно для всех ученых, замечавших, что определенная проблема назрела и в обществе и в науке), а не является отличительной чертой творчества одного Иконникова. Трудно согласиться и с другим замечанием биографа историка и исследователя его творчества, будто и сами произведения «бenedиктинца “составляются” из мозаичных кубиков, не складывающихся в единое полотно авторского текста». Разумеется, и в раннем творчестве и в более позднем можно уловить приоритетные темы – реформы и реформаторы (в том числе и на троне), средневековые и нового времени реформаторы и просветители. Больше всего его заботило развитие образования, преимущественно высшего, в том числе и для женщин. В плодотворное для него десятилетие – в октябре 1878 г., несмотря на массу препятствий, при участии В. С. Иконникова удалось создать Высшие женские курсы в Киеве, которыми он заведовал с 1881 года. Несмотря на суровый приговор В. И. Ульяновского об отсутствии у Иконникова единого авторского полотна, сам исследователь приравнивает его лекционные курсы к трудам Карамзина, Соловьева, Ключевского и Платонова (с. 77). И второе утверждение представляется более точным, поскольку у киевского историка был единый подход и взгляд на историю России, сформулированный в комментариях к библиографическим данным.

К этому можно кое-что добавить. Созданию монументальных полотен В. С. Иконникову мешали его дополнительные обязанности, энциклопедичность интересов (отсюда параллели с другими странами и их деятелями), и, наконец, увлекающийся характер. Познакомившись с тем или иным новым героем (а по справедливому мнению В. И. Ульяновского, излюбленным жанром В. С. Иконникова была биографика/персоналистика) или источником, он бросался в пучину его изучения – как всегда дотошного. Но тем временем на пути исследователя появлялся новый объект, отвлекавший от начатого прежде сюжета. И все же

В. С. Иконникову удалось создать галерею выдающихся людей, среди которых на первом месте находились величественные, хотя и неоднозначные фигуры Петра I и Екатерины II. Не случаен был и интерес к графу Мордвинову и Арсению Мацеевичу, явно выбивавшимся из стандартных рядов светской знати и высшего духовенства.

Внешней закрытостью подтекста его сочинений отчасти объясняется, что осторожный Владимир Степанович, просветитель-либерал, дрейфовавший к консерватизму, получил такое признание в эпоху Александра III и Николая II. Явно не менялся его взгляд на религию и «религиозность народа», мнимость которой вызывала его резкую критику. В. И. Ульяновский с большим подъемом рассказывает о «безбожии» своего героя, который обвинял родной народ в обрядовенности, вере в чудотворность икон Богородицы. С мнением о безбожии киевского русиста согласиться трудно, скорее, в его сетованиях можно услышать голос верующего ученого максималиста. С возрастом у Владимира Степановича, возможно, крепло неприятие украинофильства. Выше уже упоминалась его реакция на книгу М. С. Грушевского «Очерк истории Украины», в которой он усмотрел украинофильскую устремленность, в упрочении которой упрекал столичных жителей империи. Иконников не останавливался перед изложением своих взглядов в брошюре, оставшейся неопубликованной, «Не играйте с огнем (по поводу газетных и журнальных толков о правах малорусского наречия)». Сам термин «наречие» вместо соответствующего нашей точки зрения слова «язык» точно характеризует его позицию, хотя можно предполагать, что в сфере культуры ранее он придерживался иных взглядов.

Опередив всех украинофилов, в 1904 г. в канун восстания 1905 г. он поделился своими воспоминаниями о вскормившем его университете – «лице нового Киева» «Университетская эпопея (мысли старого профессора)». А в 1911 г. он в Киеве издал брошюру «Исторические взгляды Пушкина». В канун или в самом начале Первой мировой войны он опубликовал посвященный Киеву – «родному и дорогому, древнему и новому, доброму и хмурому» – монографический очерк истории города в 1654–1855 гг. (1915). А в роковой для Российской империи 1917-й год вышла небольшая заметка, посвященная и памяти знаменитого украинского византиноведа Ф. А. Терновского, пострадавшего от цензуры¹⁸. Наконец, в том же 1917 г. увидел свет давно задуманный очерк о Державине¹⁹. Таким образом, издательская деятельность киевского «бенедиктинца» завершилась теми же самыми темами, к которым он обратился в ранней молодости. Неосуществ-

---

¹⁸ *Иконников В. С.* К биографии проф. Ф. А. Терновского: (Эпизод из истории русской цензуры) // Киевские университетские известия. 1917. № 9–10. С. 1–9.

¹⁹ *Иконников В. С.* Державин в своей государственной и общественной деятельности. Пг.; Киев, 1917.

ленным остался Радищевский проект, поскольку его «Путешествие из Петербурга в Москву» В. С. Иконников отнес к «публицистике», а этот раздел вообще написан не был (с. 256). Не исключено, что были и другие мотивы, удержавшие его от написания статьи. Одним из них могла быть работа над третьей книгой второго тома «Опыта», которую Иконников возобновил после переезда и издания двух книг второго тома в 1909 году. К началу Первой мировой войны он все еще не был готов, и в условиях эвакуации университетской библиотеки, штабелирования библиотеки Киевской духовной академии Иконникову приходилось довольствоваться собственной. В мае 1919 г. Владимир Степанович начал перепечатку третьей книги. Ее остановила резкая девальвация на всем пространстве Российской империи. Смерть А. А. Шахматова 20 августа 1920 г. лишила далекого от голодавшего Петрограда киевлянина даже тех нищенских денег, которые отпустило Отделение русского языка и словесности на перепечатку третьей книги. Наконец, в сентябре 1922 г. В. В. Мияковский взялся отвезти рукописи третьей книги второго тома «Опыта» и монографии «Иван Грозный» в Петроград, где вскоре начали набор обоих трудов (рукопись Опыта вел В. М. Истрин, а Иконников еще успел провести корректуру первых 4 листов), но вскоре в мае 1923 г. набор прекратили, как предполагал их автор, из-за недоброжелательства С. Ф. Платонова (с. 148–149). Набор был рассыпан, а обе корректуры исчезли в 1926 г. Лет 40 тому назад «Ивана Грозного» обнаружил С. О. Шмидт в Ленинградском филиале архива РАН (с. 69, 113). Однако ни его руки, ни руки его учеников, ни почитателей В. С. Иконникова до этой рукописи не дошли. Между тем она могла бы пролить свет на эволюцию общеисторических взглядов киевского ученого.

Ни Февральскую революцию, ни Октябрьский переворот 1917 г. киевский ученый не принял. Временное правительство он ругал. П. Н. Милюкову досталось за то, что тот променял историю, «не усвоивши одних ее уроков» (с. 107). Новую страну Иконников именовал то «Совдепией», то «Жидовией»²⁰. До глубины души был возмущен убийством царского семейства. М. Н. Покровскому он не мог простить лишения Александра II дополнительного титула «Освободителя». Его раздражало разрушение памятников культуры, ограбление церквей, внедрявшееся новой властью безбожие, распространение которого он и считал причиной происходивших событий (с. 109). Украинизацию он считал временным явлением, хотя власть Центральной Рады, Гетманата и Директории считал меньшим злом сравнительно с «Совдепией», удивлялся равнодушию Европы к происходившему

---

²⁰ Это не было проявлением стандартного антисемитизма, он делал исключение для культурных людей (в число которых попал некий комиссар, знакомый даже с его трудами). Иконников поносил в основном евреев-большевиков, в том числе захвативших власть в Украине (с. 110).

в «империи» бедствию, но «скорого освобождения от нового варварства, – как пишет В. И. Ульяновский, – не ждал» (с.110).

В Университете бушевала студенческая молодежь, оскорблявшая «преподавателей-товарищей», «граждан» (потерявших звание профессоров). Учеба практически прекратилась, хотя и в это бурное время в Университете св. Владимира происходила защита диссертаций (в том числе П. П. Смирнова 22 сентября 1919 г.). А в конце 1919 г. это учебное заведение превратилось в ВИНО (Высший институт народного образования). С этим учреждением Иконников – на свое счастье, правда, краткое – связь потерял. Поэтому он не попал под расстрел вместе со своим другом Т. Ф. Флоринским и 126 другими членами Клуба русских националистов.

Владимиру Степановичу нельзя отказать в упорном сохранении прежних представлений о русской культуре, о чем можно судить по последней дневниковой записи: «30 августа 1923 г. появился декрет, объявляющий русский язык на всем пространстве Советской власти государственным языком, обязательным во всех учреждениях, как язык высшей культуры. Если так, то поумнели. Нельзя служить двум господам и драть за чубы то одних, то других» (с. 117). В. И. Ульяновский ограничивается весьма корректным комментарием: Иконников «остался русским ученым, представителем российской историографии в Киеве <...> хотя структурно входил в «пространство» науки на Украине и институционно в УАН/ВУАН» (Там же).

Во время всех этих событий маленькая семья Иконниковых – супруги и уже взрослая дочь Ольга основательно натерпелись: то сидели в подвале, то в столовой, где собиралась вся семья, принимали нежданного гостя – артиллерийский снаряд, который, к счастью, никого не задел, спасали свое жилище от бушевавших рядом пожаров. Неудачей завершилась в 1918–1919 гг. (когда Университет эвакуировали в Саратов) попытка продажи колоссальной библиотеки, которую ее хозяин собирал всю жизнь, то приобретая собрания покойных ученых (так, в 1879 г. ему досталась часть библиотеки М. А. Максимовича), то выписывая книги из столиц России и из заграницы²¹.

Однако бедствия эпохи переворота и последовавших затем в Украине смен власти не заставили престарелого исследователя сложить руки, тем более что 14 декабря 1921 г. по инициативе А. Е. Крымского В. С. Иконников был избран в действительные академики Всеукраинской академии наук. Здесь он стал председателем Киевской археографической комиссии, проект создания которой ученый

---

²¹ Ее продала дочь О. С. Петрова уже после смерти отца в 1923 году. Распря РАН и ВУАН в 1926 г. завершилась победой ВУАН, которая, пополнившись собранием Киевского университета и получив новое название Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского, к сожалению, растворила собранные В. С. Иконниковым книги, лишённые экслибрисов.

представлял еще в 1918 и 1921 гг. – для Гетманата и Директории Украинской народной республики (с. 114–115).

В следующем году, 22 августа 1922, на него обрушилось страшное горе – потеря неутомимой помощницы и верного друга Анны Леонардовны, перепечатававшей и переписывавшей крайне трудные для чтения каракули мужа²². Несмотря на резко ухудшившиеся условия жизни, возродившиеся мистические настроения молодости мужественный ученый и в последний год жизни продолжал работать – 24 января 1923 г. он сообщал о завершении работы по третьему тому, то есть шестой книги «Опыта» – очерка разработки русской истории в XVIII–XIX вв., и продолжал бороться за издание уже подготовленной третьей книги второго тома «Опыта русской историографии». Она, как уже говорилось, накануне Октябрьского переворота застряла в Петрограде, частично была набрана, но набор не сохранился, а рукопись уцелела. Она-то и воспроизведена в 2013 г. на основе принципов, разработанных составителем тома украинским исследователем С. Н. Киржаевым, изложенных в начале публикации и не вызывающих никаких возражений. Ему же принадлежит подготовка документов, помещенных в томе, составление библиографии и указателей. Очевидно, что на его плечи легла основная тяжесть издательской работы и именно ему принадлежит основная честь введения в широкий научный оборот наследия В. С. Иконникова. Однако не могу удержаться от некоторого сожаления в связи с отсутствием полного списка трудов Иконникова, биографической таблицы (она представляется необходимой в связи с конструкцией статьи В. И. Ульяновского). Что касается библиографии, то принятый составителем принцип размещения работ одного автора по алфавитному, а не хронологическому принципу их написания, несколько затрудняет пользование этим разделом книги.

Принцип составления этой книги такой же, как и предыдущих: проблемно-хронологический. Верный своему представлению, что «источники являются органической частью историографии», именно они и составили содержание «Опыта русской историографии». Именно их ученый рассматривал «единственно необходимым материалом для положительного изложения/реконструкции [истории] ученым историком» (с. 86). Письменные же источники он делил на «остатки» (памятники, созданные в процессе жизнедеятельности членов общества) и «предания» (изобразительные и нарративные). Последние включали результаты личной деятельности (летописи, литература), «государственной» деятельности (юридические) и, наконец, вспомогательные (этнографические и географические), что вполне соответствовало зачаточному уровню источниковедения его

---

²² Подробнее см.: *Киреева Р. А.* А. Л. Иконникова и ее записки по историографии // История и историки. Историографический ежегодник 1973 г. М., 1975. С. 180–213.

времени (с. 86–87). Сам Иконников единственный раз в 1899 г. занимался критикой источника – записок декабриста С. Г. Волконского²³.

Третья книга второго тома открывается теоретическим введением, обзором мемуаров русских людей и лиц, служивших в России. Их появление автор связывает с оформлением городской жизни и формированием национального языка, полагая родиной этого жанра Францию, а основной особенностью мемуаров – установление причинно-следственных связей между историческими событиями. Иконников считает это возможным благодаря сильному влиянию человеческой личности и в частности памяти, фиксирующей наблюдаемые процессы. При этом он ссылается на мысль Н. И. Пирогова о существовании двух видов памяти – одной (общей, идеальной и мировой), которая фиксирует все наблюдаемые явления, и другой (частной, специальной и специфичной, музыкальной, например). К сожалению, по незнанию этого труда Иконникова теоретики мемуароведения (А. Г. Тартаковский и другие), равно как и Т. Б. Ананьева прошли мимо интересных теоретических положений Иконникова. Любопытно и его отношение к анекдоту, который может оказаться для специалиста важнее диссертации, ибо концентрирует смысл происходившего.

Конкретное рассмотрение мемуаров Иконников начинает с Г. Котошихина, сочинение которого очень высоко ценит. Помимо стандартных похвал по адресу незадачливого описателя государственного строя России Иконников отмечает у Котошихина особенности судопроизводства по делам государственных крестьян в XVII в., защитником которых выступал сам царь (с. 175). Впрочем, «любовь и хорошее отношение к крестьянам» он отметил и у некоторых мемуаристов XVIII в. (Н. И. Толубеева, П. И. Челищева), даже в сообщении Н. В. Репнина об усмирении крестьян в Вологодской, Орловской и Калужской губ. в 1801 г. (с. 254, 255 и др.).

Отдельная глава «Опыта» посвящена декабристам. Среди записок о движении декабристов В. С. Иконников очень высоко оценивал записки самих участников, как с точки зрения содержания, так и по литературным достоинствам, среди которых его особенно привлекало отсутствие полемичности. В целом автор характеризует записки 19 членов Северного общества. Среди записок членов Южного общества он особенно подробно останавливается на воспоминаниях С. Г. Волконского, хотя упоминает и других. В некоторых записках (в частности, Чернышева) Иконникова интересовала оценка эпохи Александра II, в пору которого из-за засилья чиновничества не было предпосылок для нового аналогичного движения (с. 330). Отдельные группы составляют записки о суде и пребывании осужденных в Сибири.

---

²³ *Иконников В. С.* По поводу С. Г. Волконского // Русский архив. 1899. № 6.

Время правления Николая I представлено иным комплексом воспоминаний, среди которых преобладают записки членов императорского семейства, высокопоставленных политических деятелей. Отдельные главы посвящены воспоминаниям о войнах времени правления Николая – первой русско-турецкой, завоевании Кавказа, подавлении восстания в Польше 1830–1831 гг., бунтах в военных поселениях в различных местностях Российской империи, о картофельных бунтах, а также «политических движениях» петрашевцев. Широкую и беспристрастную панораму войн и внутренней политики Иконников дополняет отдельной главой о внешней политике уже за пределами стран, граничивших с Российской империей, – то есть в направлении «Востока», отношения с которым, по мнению Иконникова, царь считал определяющими для отношений с «Западом». Оценка первых, в том числе и Крымской войны, проделала существенную эволюцию – от резко критической до умеренно-взвешенной (с. 346–347). Не пропустил составитель и воспоминаний и свидетельств о быте военных, «служилого класса» (чиновничества) на бескрайних пределах империи (здесь снова упоминаются декабристские свидетельства об их деятельности в Сибири).

Аналогичные материалы о быте Малороссии выделены в отдельную главу (с. 354–355). За нею следует глава, посвященная придворному быту и культуре. С особым удовольствием можно прочитать в этой главе полный разгром воспоминаний А. О. Смирновой-Россет и ее беспощадную характеристику Владимиром Степановичем (ясно видно, что Лермонтов на всю жизнь остался его любимым поэтом). В этой же главе представлены материалы о помещичьем быте и отношениях с крестьянами (с. 356–357).

В 30-й главе собраны свидетельства относительно духовенства, принадлежащие не только высшим иерархам типа митрополита Филарета, но и рядовым священникам и монахам. В 31 главе Иконников добрался до проблем и истории просвещения. Здесь указаны и охарактеризованы записки о Московском, Петербургском, Казанском, Харьковском, Киевском, Дерптском, Варшавском, Новороссийском университетах, а также многочисленных училищах России. Особо выделены записки о просвещении в «Юго-Западном крае» (с. 269–270). Не будучи украинофилом, Иконников не забывал интересов страны, в пределах Российской империи скрытой под наименованием Юго-Западного края.

Чрезвычайно широк подбор воспоминаний деятелей культуры России первой половины – середины XIX в. (с. 370–377).

С 33 главы начинается характеристика записок, дневников и воспоминаний 1855–1912 годов. Структура этой части «Опыта русской историографии» в целом повторяет соответствующую структуру первой части. 33-я глава включает памятники, посвященные императорам и придворной жизни. В эту же главу включены материалы об общественных движениях, крестьянской реформе, «польском

мятеже» 1861–1863 годов. (с. 383–386). Крестьянской же реформе полностью посвящена 34-я глава (с. 386–589), а следующая содержит перечисление записок «о других сторонах общественной жизни» – о разных местностях России и положении крестьян. В 36 главе Иконников отмечает беспристрастность в описании мирской жизни деятелями церкви. Особо Владимир Степанович выделил воспоминания ректора Московской Духовной академии Саввы Тихомирова и митрополита Филарета, путевые заметки епископа Чебоксарского и Енисейского Никодима.

Ученые и наука, деятели культуры и искусства – предмет 38-й главы. В 39 главе (Общественные движения) снова упоминаются записки, касающиеся «украинофилов» (хотя сам термин отсутствует), польского вопроса, движения петрашевцев, партии Народной воли. И снова записки о войне – на этот раз на Балканах 1877–1878 гг. и об отношениях с Персией, о положении в Финляндии, а также путевые записки о разных местностях России, в том числе и о Крыме, Сибири (аналогичные сведения содержатся и в главе 41), соседних Монголии и Китае. В главе 41 «реакционный период» правления Александра III представлен дневниками В. П. Безобразова и университетских деятелей Н. Я. Никифорова, И. И. Янжула, М. М. Ковалевского, И. В. Мещанинова и Г. Ростовского (с. 410).

42-я глава, где собраны воспоминания об эпохе Александра III, открывается характеристикой дневников политических деятелей, в частности, С. Ю. Витте, С. Д. Урусова, а также деятелей Государственной думы. В разделе о просвещении и науке появились воспоминания преподавателей гимназий и их воспитанников, а также земских врачей. Этот отрадный факт свидетельствует об общем росте культуры в предреволюционной России. Изобилие же воспоминаний политических узников (с. 413) не дает упрочиться радужным эмоциям. Иконников завершает эту последнюю главу отдела «Мемуары» воспоминаниями о революции 1905–1907 гг. и о путешествиях по России, в основном по северу страны и Сибири.

Отдел II третьей книги второго тома «Опыта русской историографии» озаглавлен «Переписка русских людей и лиц, служивших в России». В 1 параграфе Иконников, ссылаясь на словарь И. И. Срезневского, объясняет значение древнерусского термина «грамота» – послание как частного, так и официального лица – и делает краткий обзор подобных материалов, сохранившихся в летописях или упоминаемых в них до XVI в., от которого сохранились и оригиналы – письма Василия III Елене Глинской, которая также умела читать. Максим Грек был автором ряда писем, он состоял в переписке с Федором Карповым, как и благовещенский священник Сильвестр – с казанским наместником А. Б. Шуйским-Горбатым, а князь Курбский – с печерским старцем Вассианом Муромцевым.

Переписка Лжедмитрия с папой Климентом VIII и Павлом V, с Клавдием и Александром Рангони и с провинциалом ордена иезуитов Децио Стриверием, по мнению Иконникова, подтверждающая его русское происхождение, является первым комплексом писем, адресованных из России не главе европейского государства²⁴, а главе католической церкви, что, впрочем, прошло мимо внимания В. С. Иконникова. Зато он указывает письмо Д. М. Пожарского императору Рудольфу 1613 г., переадресованное императору Матвею, изданное Фр. Аделунгом в 1840 г., и смоленского воеводы Н. А. Хованского к австрийскому послу Ганделиусу 1615–1616 годов.

К середине XVII в. относится семейная переписка царя Алексея Михайловича, проникнутая, по словам Иконникова, «благодушием и лиризмом», хотя и писались письма молодым царем не только в окрестностях Москвы по пути на охоту или богомолье, но и во время польского и ливонского походов (68 писем 1654–1656 гг.). Смена патриарха и возвращение мощей митрополита Филиппа Кольчеза, равно как и исцеление от них – тема писем к патриарху Никону 1652–1658 годов. Не менее внимателен Иконников и к переписке других лиц XVII в. – В. П. Шереметева, Ф. М. Ртищева, протопопа Аввакума, В. В. Голицына, братьев Лихудов и братьев Ромодановских, стольника А. И. Безобразова, которые рисуют самые разные стороны общественной и духовной жизни страны. Завершает этот параграф обычный для «Опыта» обзор писем, касающихся Малороссии XVII века.

Часть III второго отдела «Время Петра Великого» открывается историей публикации «Писем и бумаг Петра Великого», предпринятой по следам юбилея первого императора 1872 г. и начатой в 1887 году. За первые 25 лет было издано 6 томов²⁵, Иконников собрал сведения о других изданиях подобных документов (с. 431–433). Во 2 параграфе собраны сведения Иконникова о переписке сподвижников царя и писем, касающихся Малороссии.

В периоде от Петра Великого до Екатерины Великой важны письма императриц, интересы которых довольно широки, переписка Кантемира, М. Л. Воронцова, П. А. Румянцева, Петра III с И. И. Шуваловым, наконец, письмо А. Г. Орлова о насильственной смерти Петра III (по копии Ростопчина). В целом этот почти 40-летний период оказался весьма скудным по части писем, некоторые были уничтожены авторами.

В противоположность предшественникам одна Екатерина II оставила после себя около 10 000 листов, к которым она приложила руку в качестве автора, ре-

---

²⁴ Одно из посланий Ивана Грозного императору Священной Римской империи было обнаружено в архиве г. Щецина только в середине XX века.

²⁵ К настоящему времени издание добралось до 13 тома. Есть надежда, что еще через пару столетий и оно будет-таки завершено.

дактора или просто императрицы. Особенно подробно Иконников останавливается на письмах 1774–1796 гг. Ф. М. Гримму. Переписке Екатерины II с каждым из ее фаворитов и наместниками во вновь присоединенных землях Иконников уделяет особое внимание, выделяя их в отдельные параграфы (с. 447–452), как и письма, посвященные семейной жизни сына Павла Петровича и его детей. Параграф 6 – сборный, помимо материалов о церковном управлении, секуляризации церковных имуществ он включает и материалы об унии, положении церкви в Малороссии, сведения о письмах деятелей культуры Державина, Новикова, Сумарокова, Карамзина. Такой же и следующий параграф – о переписке времени Павла I (с. 456–458), в котором самое интересное – письма Суворова из заграничного похода 1799–1800 годов.

Время Александра I богато представлено эпистолярными памятниками (перепиской императора с Ф. С. Лагарпом, А. Чарторижским, А. А. Аракчеевым, семейной перепиской с матерью императрицей Марией Федоровной, женой императрицей Елизаветой Алексеевной, сестрой великой княгиней Екатериной Павловной и др.). Огромное количество писем сохранилось в архиве кн. С. Р. Воронцова фактически по всем теоретическим и практическим вопросам управления страной, в том числе Новороссией и Малороссией; Воронцов, выросший в английских традициях, был сторонником коллегиального управления, установленного еще Петром Великим, и выступал против министерского деспотизма, который, по его мнению, подрывал любовь народа не только к министру, но и к государю (с. 472). Министр иностранных дел В. П. Кочубей обучал губернаторов, как обходить постановления, изданные верховной властью. Иконников иронически замечает: «Кочубей был прав», «система Кочубея <...> просуществовала весь XIX век и докатилась до нашего времени», то есть до начала XX в. (с. 473), а мы можем добавить – до XXI столетия тоже.

Шестой параграф этого раздела содержит сведения о положении в Финляндии и Сибири, а седьмой и восьмой об Отечественной и других войнах времени Александра I по переписке всех военачальников – Багратиона, Барклая де Толли, А. П. Ермолова. О мистических настроениях в обществе 20-х годов XIX в. можно судить по переписке кн. А. Н. Голицына и гр. Орловой с архимандритом Фотием и светскими лицами и различных представителей духовенства – митрополита Платона, Евгения (Болховитинова). Переписка деятелей культуры представлена письмами Державина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина, братьев Тургеневых, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского.

Менее значительное число писем эпохи Николая I исследователь объясняет близостью к своему времени (с. 488), хотя эта причина представляется недостаточной, т. к. ранее В. С. Иконников уже упоминал о склонности императора предавать огню неважные с его точки зрения документы. Известна переписка Нико-

лая с братьями Константином и Михаилом, письма императора кн. А. Ф. Орлову и Бенкендорфу. Опубликованы и письма политических деятелей – кн. Паскевича, министра народного просвещения А. В. Головнина, М. М. Сперанского и др. Особенно многочисленны послания духовных лиц (что вообще характерно для периодов реакции. – А. Х.) – московского митрополита Филарета (Дроздова), киевского Филарета (Амфитеатрова), архиепископа Таврического Иннокентия и других иерархов. Среди литературных деятелей на первое место В. С. Иконников поставил «имя В. А. Жуковского, стоящее на переходе от предшествующего времени к настоящему». На втором месте оказался П. А. Вяземский, «соединявший старое и новое поколение», то есть Карамзина, Жуковского и Батюшкова с Пушкиным, Дельвигом и их друзьями. Письма Пушкина «важны <...> по отношению к тогдашней внутренней политике» (с. 497). Иконников, кажется, не пропустил никого из их ученых современников, в том числе и украинских и славянских (с. 501–504).

В последней сборной части второго отдела помещены сведения о переписке Александра II с Вильгельмом I, митрополита Филарета, ряда лиц о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Д. А. Толстого, А. В. Головнина и И. Д. Делянова, И. С. Аксакова. Названы разнообразные по содержанию коллекции С. А. Толстой, А. Д. Черткова, Т. А. Кузьминской, К. Н. Леонтьева, М. М. Стасюлевича, деятелей культуры и искусства: А. Н. Серова, Н. Н. Ге, А. А. Иванова, М. М. Антокольского. Этот раздел завершает обзор переписки духовных лиц – митрополита московского Макария Булгакова, киевского Арсения (Москвина), целого ряда архиепископов и епископов и светских лиц, прежде всего К. П. Победоносцева и других, в том числе об отлучении от церкви Л. Н. Толстого.

Третий отдел «Иностранные известия о России» резко отличается от двух первых. Это связное изложение и внутренней истории России, и ее международных связей (экономических, политических, культурных) со странами и Запада и Востока, представленное исключительно на основании иностранных источников (без сопоставления с отечественными материалами) X–XVIII веков²⁶.

Отдельную структурную часть тома составляют приложения. Здесь составитель поместил конспекты лекций Иконникова, как бы возмещающие утраченные части тексты «Опыта» о записках иностранцев о России XV–XVII и второй половины XVIII – первой четверти XIX вв., т. е. времени правления Екатерины Великой, Павла и Александра Павловича. Текст их восстановлен С. Н. Киржаевым и снабжен дополнительными библиографическими сведениями о новых публикациях (до 2008 г.).

За этим следуют оглавление четырех книг первого и второго томов «Опыта» и речь С. И. Маслова на заседании Исторического общества Нестора-летописца,

---

²⁶ Из них за прошедшие 100 лет были опубликованы лишь немногие.

посвященном памяти историографа 16 декабря 1923 г. во 2-й аудитории ВИНО (б. Университета св. Владимира). Молодой талантливый филолог четко охарактеризовал основную идею вводных лекций историографического курса покойного, который подчеркивал методологическое значение работ Шлецера, Нибура и Ранке для формирования скептической школы, разделял критику внешнюю, определяющую дипломатическую достоверность свидетельства, и внутреннюю, рассматривавшую вопросы о достоверности того или иного факта. При этом докладчик выделил идею Владимира Степановича о субъективизме любого источника – от личного до официального.

Следующее приложение (5) «Мемуары: «непроявленный жанр в пространстве истории» принадлежит украинскому литературоведу Т. Б. Ананьевой. Она начинается с характеристики собственных воспоминаний В. С. Иконникова, устанавливает время возникновения замысла и первой попытки его осуществления (1861 г.) и начала реального осуществления этого намерения – 1884 г., стилия этих мемуаров, в которых события личной жизни переплетаются с событиями в научной и общественной сферах. Пожалуй, это трудно отнести к особенностям только его воспоминаний. Подобное гипертекстовое пространство характерно для большинства мемуаров и дневников (единственным исключением может служить дневник императора Николая II, да и то вследствие его умственной убогости). Отличие мемуаров Иконникова заключается лишь в том, что его гипертекст складывается не только из личных воспоминаний или рассказов современников, но и из исторических источников, изучением которых он занимался профессионально. В результате: «контекст его биографической реальности не имеет никаких хронологических ограничений» (с. 669).

Исследовательница справедливо упрекает Владимира Степановича в некоторой непоследовательности: записки современников он относит к официальным источникам, а воспоминания, частные письма, автобиографии – к нарративным (с. 670). На наш взгляд, автобиографии находятся на грани официального источника и нарратива. Неопределенность термина «записки», пришедшего из XIX в., но ныне закрепившегося за мемуарами иностранцев по преимуществу, может быть ликвидирована, если ввести фактор времени: поденные записки можно приравнять к дневникам, а записки, составленные будь то соотечественниками, будь то иностранцами, спустя какое-то время, – к мемуарам. Что же касается записок путешественников или воспоминаний о каком-то крупном событии, то и они подлежат такому же разделению на дневники и мемуары, причем для описания путешествий по своей или чужим странам можно было бы – исходя из сложившейся языковой традиции – сохранить достаточно широкое понятие «записки».

Вторая часть статьи Т. Б. Ананьевой подводит некоторые итоги теоретического исследования мемуарного жанра в течение XX века. За основу классифи-

кации брали то форму произведений (1967 г.), то считали ее неважной (1963), то включали в этот жанр стенограммы (тот же 1963 г.), то исключали их. Классической некоторое время считалась схема А. Г. Тартаковского 1997 г, также имевшая изъяны вследствие включения в разряд мемуаров «деловых документов» и «следственных показаний». Автор подробно останавливается на специфике XVIII в., когда и распространился этот жанр биографической литературы и устоялись его нормы приличия.

Т. Б. Ананьевой принадлежит и следующее приложение «Эпистолярные штудии профессора Иконникова и развитие русской эпистолологии в XX в.». Положение с этой областью литературоведения еще более сложное, нежели с мемуарами. Т. Б. Ананьева и на этот раз пытается охарактеризовать отношение В. С. Иконникова к этому типу исторических источников, имея в виду, что тот ограничивался исключительно личными письмами, но стройной картины не получается, поскольку его взгляды на этот предмет упорядочены не были. Автор статьи пытается сделать это за В. С. Иконникова: она начинает с берестяных грамот, к сведениям Иконникова о переписке XVI в. добавляет материал письмовников, в которых уже была намечена типология частных писем и правила их оформления. Однако ни в науке XIX, ни в науке XX в. единого взгляда на переписку не возникло. Разногласия сохранились и в нашем столетии. Следуя советскому классику А. Г. Тартаковскому, Т. Б. Ананьева утверждает, что «письма добавляют к коммуникативной функции общественно-информативную» (с. 695) и прослеживает введение их в оборот в течение XIX в., как обязательной части биографического материала. В целом вторая статья Т. Б. Ананьевой существенно продвигает осмысление переписки и будет полезна многим гуманитариям.

Приложение 7 – это статья С. Н. Киржаева «Небесполезное, хотя и пристрастное «инаковидение» России» (с. 717–742). Автор решает задачу характеристики вклада В. С. Иконникова в изучение иностранных источников по истории России и обзора публикаций на эту тему, появившихся после кончины ученого. Однако он подошел к ее выполнению несколько иначе, чем его предшественница Ананьева, которую интересовала в первую очередь методика анализа мемуаров и переписки и ее совершенствование после 1923 г. С. Н. Киржаев, строго следуя принципам самого В. С. Иконникова, заботился в первую очередь о полноте собранных им сведений о публикациях записок уже после смерти В. С. Иконникова.

Во вступлении к этому приложению автор подчеркивает постоянный интерес иноземцев к иным странам, их географическим условиям, этнографическим обычаям населения, но поскольку в так называемых «сказаниях» или «записках» иностранцев фиксируются субъективные впечатления, предупреждает, что в подобных сочинениях содержится порой много фантастических сведений. Главную же ценность «сказаний» он видит во внимании путешественников, дипломатов,

воинов к тем особенностям повседневной жизни, которые перестают замечать местные обитатели.

Широтой поставленной Иконниковым задачи С. Н. Киржаев объясняет необъятные хронологические рамки обзора Владимира Степановича, при этом (молчаливо) считая их вполне оправданными. Думается, хронологические границы могут быть объяснены и другими причинами: исчезновением части авторской рукописи или отсутствием времени для доработки ее. Предположить, что Владимир Степанович сознательно соединил памятники разных эпох в один неструктурированный раздел очень трудно, имея в виду его опыт организации материала в других разделах «Опыта» (с. 717). Характеристику вклада Иконников в изучение иностранных записок С. Н. Киржаев предваряет анализом традиции использования иностранных известий в трудах российских исследователей, начиная ее с Татищева и Карамзина, но при этом забывая об Эмине, Болтине и других предшественниках «классиков». Можно согласиться с С. Н. Киржаевым, выделившим как особо значимые имена Н. И. Надеждина, Н. Г. Устрялова. Вообще вторая половина 30-х годов XIX в. имеет особое значение в формировании идеологии самодержавия, толчком для переосмысления истории которого оказалось Польское восстание 1830–1831 годов. В этой ситуации естественным стало выделение записок иностранцев, в особенности начиная с событий Смутного времени, в особый вид источников, не просто сосуществовавших с отечественными, но и противостоявших им. С. Н. Киржаев совершенно прав, говоря, что Иконников в методике изучения иностранных источников революции не произвел (с. 718). Издатель не отказывает Василию Степановичу в осознании необходимости критического отношения и к иностранным запискам, подчеркивая важность конфессиональной и национальной принадлежности их авторов, число которых зависело от интенсивности общения их родины с Россией, а тональность описаний – от характера этих отношений, даже если само содержание «сказаний» компилятивно. В их характеристике он придерживался схемы, на первом месте которой хронологический аспект, затем территориально-региональные, языковые и жанровые особенности произведения. Любые иностранные известия, в том числе сообщения дипломатов киевский ученый относил к иностранным нарративам.

В своих университетских лекциях профессор Иконников прослеживал усиливавшееся со временем внимание к сочинениям отдельных авторов: сборники А. И. Тургенева и Фр. Аделунга постепенно уступали место публикациям дельных памятников. Вторая особенность библиографических сведений В. С. Иконникова – это данные об использовании иностранных источников в работах российских ученых. К сожалению, этот аспект изучения «сказаний» в последующее время традицией не стал. Сам С. Н. Киржаев показывает, насколько интенсивны были усилия В. В. Латышева, А. Я. Гаркави, Б. А. Дорна, К. Равна, В. Г. Тизен-

гаузена и др. в изучении, переводе и толковании античных, арабских, скандинавских и тюркских источников, но, к сожалению, их публикации были ограничены общим уровнем российской археографии.

Продолжая труд В. С. Иконникова, С. Н. Киржаев характеризует публикации иностранных записок XX–XXI столетий о России и ее народах.

В XX столетии возобладал комплексный подход к иностранному источнику, засиявшему всеми своими гранями. В самом начале XX века ученые Императорской Академии наук готовы были приступить к созданию корпуса таких источников. Первая мировая война и смена государственного устройства России не дала этим планам осуществиться. Лишь во второй половине 20-х гг. XX в. (в краткий четырехлетний период, когда новая Советская власть проявляла терпимость к науке: 1924–1929) представители старой академической науки смогли вернуться к идее издания древнейших арабских, византийских, западноевропейских источников по истории Руси. И на этот раз проект не был полностью осуществлен в условиях «атеистических шор», по мнению С. Н. Киржаева (с. 724), затем и печально знаменитого дела С. Ф. Платонова. В 30-е годы влияния этих факторов на издание записок сумел избежать академик В. В. Бартольд, в 1930 г. успевший фототипически опубликовать сочинение X в. «Пределы мира», которое В. Минорский перевел на английский и издал с предисловием и комментариями Бартольда. Событием стала и публикация 1932 г. семитолога П. К. Коковцова еврейско-хазарской переписки X в. Большой террор 1937–1938 гг. положил конец и этим начинаниям.

Следующий заход был предпринят на излете «хрущевской оттепели» проверенным борцом с «зарубежными фальсификаторами» отечественной истории В. Т. Пашуто. В своих надежных руках он при поддержке Б. А. Рыбакова сформировал очень работоспособный коллектив молодых филологов и историков для подготовки «Свода древнейших памятников по истории народов СССР». На этот раз дело пошло на лад. К концу XX века свод насчитывал больше 20 томов, не считая приблизительно такого же числа публикаций средневековых арабо-персидских источников о народах Средней Азии и тезисов ежегодных конференций памяти В. Т. Пашуто.

С. Н. Киржаев, старательно перечисляющий все эти издания и переиздания источников, обращает внимание и на новую проблематику их исследований, а именно изучение образа одного народа в сознании другого (с. 724–726).

Выход в свет третьей книги второго тома «Опыта русской историографии» Владимира Степановича Иконникова – большое культурно-историческое событие в масштабах Восточной Европы и населяющего её славянства – украинцев, белорусов и русских, выходящее далеко за пределы науки об изучении нашего общего и крайне сложного прошлого. Ученые получили весьма содержательное

пособие, которое Е. Ф. Шмурло более ста лет тому назад определил как «бескорыстное пожертвование».

Ныне – в новых почти катастрофических условиях братоубийственной вражды, читающие и думающие люди узнали, как можно сотрудничать с соседями-христианами, а молодые люди, мучающиеся вопросом «Сделать бы жизнь с кого?» смогут получить далеко не стандартный ответ. С человека, любившего свои две родины и не покладавшего рук ради просвещения своих соотечественников. Только на этом пути можно сохранить и своих близких и малюсенькую планетку, на которой, затерянной в бесконечном космосе, нам довелось хрупкое счастье жить...

Обсуждение книги А. А. Зимина «Храм науки» на кафедре истории России и археологии СГУ

С. А. Мезин

Несомненно, «Храм Истории» жил в душе Зимина...

Александр Александрович Зимин (1920–1980) был величайшим знатоком истории Древней Руси. Его монографии, неизменно отличающиеся богатством источников, их мастерской обработкой, оригинальностью выводов, охватывают огромный период с древнейших времен до XVII в. (от Русской Правды до Смуты). К этому следует добавить десятки публикаций источников, работы о В. О. Ключевском, автобиографические книги. Многие работы А. А. Зимина выходили уже после смерти автора¹. Наконец, увидели свет и его мемуары – «Храм науки»². Их главным героем является научное сообщество историков 1940–1970-х годов. В первую очередь речь идет об исследователях русского средневековья, но не только. Книга уже вызвала огромный интерес и неоднозначные отклики у наших современников. Этот интерес обусловлен не только предельной откровенностью автора в оценках своих коллег (что, конечно, очень привлекает – здесь «пахнет человечинной»), но и глубоким проникновением в суть историографической культуры и научного быта советского периода. Подсчитано, что «около 20 человек», получивших отрицательные характеристики автора, еще живы и почувствуют моральный дискомфорт. Впрочем, у них есть возможность защитить себя. Однако гораздо больший ущерб был бы нанесен науке, если бы «Храм науки» не уви-

---

¹ См.: Александр Александрович Зимин. Библиография. М., 2000.

² *Зимин А. А.* Храм науки. (Размышления о пережитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. Наиболее близкими по правдивости и бескомпромиссности к зиминским мне видятся мемуары А. А. Формозова «Записки русского археолога. (1940–1970-е годы)» (М., 2011).

дел свет, как писал автор, «через 20 лет» (в другом месте – «лет через пятьдесят»), либо подвергся бы субъективному урезанию.

Изданная А. Л. Хорошкевич книга добавляет очень существенные черты к духовному облику Александра Александровича Зимина. Он предстает как человек беззаветно преданный своему делу, резкий и бескомпромиссный в своих моральных суждениях. Прежде всего, он историк – противник идеи «особого пути России» и квасного патриотизма, непревзойденный источниковед, горячий борец за свободу научной мысли. Зимин не был ни ниспровергателем марксизма, ни политическим диссидентом. Он писал в книге лишь о профессиональной сфере, о том, что хорошо знал, и не касался большой политики, хотя сознавал ее связь с исторической наукой. Травма, нанесенная историку в связи с его трактовкой «Слова о полку Игореве» как памятника литературы XVIII в., во многом определяла его отношение к коллегам. Он «болезненно реагировал на поведение коллег в сложившейся ситуации»³.

Лично я не был знаком с А. А. Зиминим, но о нем с неизменным уважением говорил мой учитель Л. А. Дербов, поддерживавший с московским ученым личное знакомство и переписку. Еще при подготовке к кандидатскому экзамену я прочитал ряд работ А. А. Зимина. Особое впечатление на меня произвела тогда его «Опричнина Ивана Грозного». По мере выхода новых книг я старался их приобретать. Поразил в свое время «Витязь на распутье», причем, пожалуй, не главным своим выводом, а свободой изложения и раскрепощенностью мысли автора. Неизгладимое впечатление оставило участие в Первых чтениях, посвященных памяти А. А. Зимина, проходивших в Московском государственном историко-архивном институте в мае 1990 года. Там я, молодой провинциальный историк, увидел «весь цвет» нашей (а отчасти и мировой) науки о русском средневековье. Я был восхищен и удручен, подумалось: «Вот я читаю университетский курс истории России, а лишь едва «пригубил» ту бездну премудрости, которую демонстрировали, сменяя друг друга за кафедрой, столичные «маги и чародеи»: С. М. Каштанов, Р. А. Киреева, В. Б. Кобрин, В. Д. Назаров, В. М. Панеях, Н. В. Сеницына, Б. Н. Флоря, А. А. Формозов, С. О. Шмидт, Я. Н. Щапов и др. Я почувствовал, каким уважением пользовался А. А. Зимин у своих коллег и учеников, а также и у зарубежных русистов.

Принципиальную позицию автора мемуаров, кажется, во многом проясняет их название – «Храм науки». Хоть и заявляет автор о том, что в этом сочетании сталкиваются два несочетаемых понятия – Вера и Разум, тем не менее, он полагает: «что-то в содружестве ученых есть от Храма в духовном смысле». (Меня еще поразило образное определение истории – «воскрешение мертвых»). Сам Зимин воспринимал свою профессиональную деятельность как самоотверженное слу-

---

³ См.: Формозов А. А. Записки русского археолога. С. 209, 215.

жение людям и правде, и более того, как крестный путь, неизбежно приводящий на Голгофу. В Храме бесполезно лгать: ведь Бог все читает в человеческих душах. Наверное, отсюда идет стремление автора сказать «всю правду». При этом он сознает, что его правда будет субъективна и пристрастна, но она будет одним из тех «мазков», без которых картина бытия отечественной науки будет неполной и бледной.

Несомненно, «Храм Истории» жил в душе Зимина, а в реальности этот «храм науки» оборачивался 4-х этажным зданием у метро «Академическая» – Институтом истории АН СССР⁴, в котором всю жизнь работал автор, а рядом с ним – подвижники и книжники, почти святые люди, но также (увы!) «ведьмы» и «бесы».

Роль первосвященника в храме исполнял директор Института. Зимин знал и охарактеризовал почти всех – от Б. Д. Грекова, рядом с которым успел поработать в молодости, до А. Л. Нарочницкого, который его пережил. Впрочем, образ научного храма и его служителей подчас приобретает у автора иронический характер.

Борис Дмитриевич Греков как ученый и человек был не очень симпатичен Зимину. (Примерно такое же отношение к именитому автору «Киевской Руси» выказывал Л. А. Дербов. По-видимому, в этом сказались их общее ученичество у С. В. Бахрушина.) Однако заслуг Грекова Зимин не отрицает: в сложных политических условиях он обеспечил преемственность старой и новой науки.

Александр Александрович признается, что со вторым директором Аркадием Лавровичем Сидоровым отношения у него были плохие, но клеймить его не торопится, ибо «под его покровительством была создана лучшая в нашей науке историческая школа»⁵.

Хотя следующий директор Владимир Михайлович Хвостов способствовал докторской защите Зимина и даже его выдвижению в члены-корреспонденты, автор мемуаров его не жалуется: «человеконенавистник» и «хам». Зато в адрес сменившего Хвостова Павла Васильевича Волобуева мемуарист не жалеет добрых слов. В нем Зимин ценит прежде всего ум и доброе отношение к людям, «в которых он склонен был видеть прежде всего хорошее начало». Увы, мне представляется, что сам Александр Александрович не всегда следовал этому принципу. Жизнь сделала его скептиком и заставила отбиваться от недоброжелателей.

Выступая очевидцем и летописцем трудов и дней московских историков средневековой Руси («феодалов»), Зимин скептически высказывался о существовании московской школы историков, «школы В. О. Ключевского»: «Школы у него не было»⁶. Во всяком случае, все те, кого по традиции к ней относили (М. К. Любав-

---

⁴ В 1968 году он разделился на Институты истории СССР и всеобщей истории.

⁵ Речь идет о так называемом «новом направлении» в советской историографии, к которому относят П. С. Волобуева, К. Н. Тарновского, И. Ф. Гиндина и др.

⁶ В этой связи интересным представляется мнение В. Береловича, полагающего, что в конце XIX– начале XX в. существовала *одна русская историческая школа*. См.: Берелович В. История

ский, М. М. Богословский С. Б. Веселовский, А. И. Яковлев), не унаследовали социально-философской глубины Ключевского. (А как же быть с П. Н. Милюковым? – С. М.) Этих формальных учеников великого историка Зимин вслед за Н. И. Павленко называет «лаптеведами». Самым выдающимся из этих «историков-описателей» Александр Александрович считает своего учителя С. В. Бахрушина.

Вообще историки старой школы, прошедшие через испытание «академическим делом» и сумевшие найти свое место в советской исторической науке, вызывают большое уважение у А. А. Зимины. При этом «старых» ленинградцев он ценил явно выше москвичей. Именно в ленинградцах (А. И. Андреев, С. Н. Валк) он видит продолжение русской источниковедческой школы. И более скромные подвижники науки: И. А. Голубцов (картография), Н. Г. Бережков (хронология летописания), А. Н. Насонов («Русь и монголы») тепло и уважительно охарактеризованы Зиминым. Отдает он должное и своим старшим товарищам по сектору феодализма: А. А. Новосельцеву, Н. В. Устюгову, А. И. Клибанову. Примечательно, что особенно теплые слова он находит для саратовских учениц П. Г. Любомирова и С. Н. Чернова – Е. Н. Кушевой и Е. П. Подъяпольской. Впрочем, автор избирательно почтителен к старшему поколению. Вот, например, Л. Г. Бескровный: «человек <...> дремучий, пишет много и все задней ногой». (Сразу же вспоминаются созвучные оценки трудов этого автора таким специалистом, как Н. А. Троицкий). По отношению к своим ровесникам и молодежи А. А. Зимин более суров и разнообразен в оценках. С молодежью в секторе плоховато, – сетует автор, – «Не идут в древность ребята – и работа трудная, и профиту маловато!». (Знакомая картина!)

Живо рисует Зимин историю создания известных коллективных трудов – «Очерков истории СССР», многотомной «Истории СССР». Эти коллективныеopusы приятель Александра Александровича Н. И. Павленко называл «хоровым пением в унисон», но, думается, они были небесполезны для подведения итогов и популяризации науки определенного периода.

Поразительно широкими были научные связи А. А. Зимины. Особенно ценил он дружбу с ленинградцами – работниками Ленинградского отделения института истории. Зиминская характеристика С. Н. Валка – прекрасный миниатюрный портрет. Его оценку Б. А. Романова, думается, не оспорит и придирчивый «рыцарь» Романова В. М. Панеях. Очень симпатичны портреты А. И. Копанева и Н. Е. Носова. Дружеским чувством согреты строки, посвященные В. М. Панеяху и А. Н. Цамутали. Впрочем, и среди ленинградцев были историки явно несимпатичные Зиминому. Даже ненавистные – Р. Г. Скрынников, например. Или «бандит»

социальная, национальная, всеобщая: «Журнал Министерства народного просвещения» и Историческое общество при Санкт-Петербургском университете на пороге XX века // Историографический сборник. Вып. 24. Саратов, 2010. С. 65–69.

С. С. Волк (опять мне вспоминается созвучная характеристика Н. А. Троицкого). Досталось и В. В. Мавродину: «звону много, а толку мало».

Зимин начитан, наблюдателен и пристрастен. Наверное, не все его оценки коллег справедливы. Например, он характеризует Аркадия Георгиевича Манькова как человека робкого, несамостоятельного и даже недалекого. Однако как такой человек мог в юном возрасте написать «Дневник»⁷, за каждую строчку которого он в лучшем случае мог угодить на Колыму?

Своим другом А. А. Зимин называет И. Я. Фроянова – неустанного сокрушителя грековской концепции Киевской Руси. Трудно сказать, как отнесся бы Александр Александрович к более поздним публицистическим выступлениями своего «друга».

Родной стихией для Зимина была древнерусская литература, а ее исследователи были друзьями... или врагами. Среди лучших друзей – Я. С. Лурье, несомненный враг – Д. С. Лихачев. Дмитрий Сергеевич – личность знаковая. Человек, переживший соловецкий лагерь, которого называли «совестью» советской интеллигенции, защитник культурного наследия, знаток и популяризатор древнерусской литературы. У Лихачева много учеников и поклонников – есть кому защитить его (если он нуждается в защите) от обвинений московского скептика, с которым академик сошелся на узкой дорожке «Игровой песни».

Самый серьезный счет предъявляет автор «Храма науки» к тем ученым, которые при жизни были удостоены звания классиков, «бессмертных» – к советским академикам. Мемуарные очерки, посвященные С. Б. Веселовскому, М. Н. Тихомирову, Л. В. Черепнину не оставят равнодушными читателей знакомых с историографией средневековой Руси. Хотя и жалуется Александр Александрович в конце книги на свое «косноязычие» (перфекционист!), выписал он своих героев живыми людьми, вплоть до бытовых мелочей и житейских странностей. У каждого из «бессмертных» находит Зимин заслуги и упущения («одномерных людей не бывает»), но симпатии его на стороне Веселовского, мужественно противостоявшего официальному культу Ивана Грозного и открывшего «великую истину, что история – это живые люди, а не процессы». Лишь он, Степан Борисович Веселовский, из трех названных академиков был для Зимина «истинным историком».

Возможно, из трех вышеназванных историков Зимин был более всего пристрастен ко Льву Владимировичу Черепнину, судил его по его слабым сторонам и ошибкам, полагая, что с того, кому многое дано, многое и спросится, не прощая «большому несчастному льву» компромиссов с властью и нравственных падений (то есть случаев, когда Черепнину приходилось выступать вопреки собственным соvestи и убеждениям). Мне показалось, что Зимин явно недооценил значение раздела, написанного Львом Владимировичем в книге «Пути развития феодализма

---

⁷ Маньков А. Г. Дневники тридцатых годов. СПб., 2001.

(Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)» (М., 1972). В нем Черепнин наметил выход из теоретического тупика, в который загнала историков грековская концепция феодализма в Киевской Руси, поставив вопрос о верховной собственности на землю. (Новейшими историками она будет трактоваться как «коллективная», «корпоративная» собственность.)

Одна из самых острых глав книги Зимина посвящена академику Борису Александровичу Рыбакову. Одно название чего стоит: «Сатана там правит бал». В отношении академика Зимин не стесняется в выражениях: «ядовитый цветок на ниве российской науки», «отец современного российского шовинизма», «обер-бандит», «археолог никакой» и т. д. Впрочем, и до появления книги Зимина было ясно, что трамплином для карьеры «царя Бориса» была кампания борьбы с космополитизмом. (Справедливости ради надо отметить, что был все-таки и научный трамплин – книга «Ремесло Древней Руси».) Он довел до абсурда антинорманизм и усердно «выметал» Хазарский каганат из русской истории. Со своей неумной фантазией и неразборчивым отношением к источникам Рыбаков готов был перекроить на свой салтык всю историю Руси, удревненную им до незапамятных времен, а заодно историю летописания и фольклора. Беда в том, что он был большим академическим начальником, и его взгляды преподносились как научная истина, он находил немало хвалителей. Зимин не дожил до тех лет, когда Рыбаков благословил мифическое 1500-летие Киева, выпустил два увесистых и фантазийных тома о славянском язычестве. Задачей-максимум последнего издания было утверждение «высокого уровня» языческих верований в противовес христианству в преддверии 1000-летия крещения Руси. Эту задачу книги Рыбакова не выполнили – к концу 1980-х гг. официальный советский атеизм дал трещину. Однако вредное влияние исторических фантазий Рыбакова сказывалось долго – ведь он был монопольным автором соответствующих глав школьных и вузовских учебников. Критика его взглядов в ведущих научных изданиях не допускалась.

Признаюсь, что у меня рано выработалось критическое отношение к трудам Рыбакова, частично идущее от моего учителя. Необязательно быть большим специалистом в древностях, чтобы увидеть шаткость рыбаковских схем и доказательств. Будучи в конце 1980-х гг. на факультете повышения квалификации в МГУ, я специально ходил на лекции Рыбакова, которые он читал первокурсникам. Я посылал лектору записки с «вредными» вопросами. Борис Александрович изволил гневаться на неуместные вопросы. Критика взглядов Рыбакова в моих лекциях, помнится, вызвала опасливый вопрос у одного из студентов: «Сергей Алексеевич, а вы что, норманист?». Первую критическую рецензию на книгу Рыбакова, опубликованную А. П. Новосельцевым в «Вопросах истории»⁸, я вос-

---

⁸ Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 1.

принял как струю свежего воздуха, ворвавшуюся в искусственную атмосферу рыбаковской древней Руси.

К «хорошим ребятам» относит Зимин ныне здравствующего академика В. Л. Янина: археолог он «настоящий», трудолюбивый и благородных порывов не лишен, и поступает в основном по совести, и в склоках не участвует, и новгородская экспедиция у него – «лучшая», и школу он собственную создал. Но не прощал Зимин Янину примирительного отношения к Рыбакову, и название главы получилось ироничным – «Валечка-душечка». Зимин, конечно, выступает максималистом, не принимая свойственного многим советским интеллигентам поиска среднего пути, стремления уйти от обострений и подводных камней.

В зиминских характеристиках коллег есть одна особенность, идущая от профессии – стремление выявить в своих современниках черты исторически сложившихся социально-психологических типов. Традиционный крестьянский и интеллигентский тип он, как правило, приветствует, как и внутренний унаследованный от предков аристократизм. А вот носители мещанского, «замоскворецкого» мировоззрения ему в основном антипатичны. Тонкость этих социологических характеристик впечатляет, но их справедливость остается под вопросом.

Целую группу прагматичных и честолобивых профессионалов А. А. Зимин «припечатал» одним убийственным словом – «бесы». Среди них названо несколько знающих и трудолюбивых специалистов, которым в силу их моральных качеств Зимин отказал в звании «настоящих историков». Не скрою, что о некоторых из них по книгам и статьям у меня сложилось самое благоприятное представление. Оценки Александра Александровича внесли смуту в мою душу. Впрочем, об одиозном конъюнктурщике А. Г. Кузьмине я был слышан еще с аспирантских лет (например, от Н. А. Троицкого), и знакомство с его работами не прибавило уважения к автору.

Иронично пишет Зимин о своем коллеге В. Т. Пашуто, который, по его мнению, при всех научных достоинствах слишком усердно шагал в ногу со временем и постоянно с кем-то боролся. При этом автор высоко отзывается об учениках и коллегах Пашуто по сектору древнейших государств, которые сегодня едва ли разделят зиминскую критику в адрес их явно неординарного учителя.

Невысоко оценивает выдающийся историк общий уровень вузовской исторической науки, даже столичной. Можно заподозрить автора в некотором высокомерии по отношению к вузовским преподавателям. Звание хорошего лектора для него ничего не значит, он поклонник семинарских занятий, раскрывающих творческую лабораторию историка. С одной стороны, он полагает, что преподавательское совмещение вообще жизненно необходимо для настоящего ученого, а с другой, называет совместительство исследователей в вузах «халтурой» – промыслом ради денег. Автор прозорливо отмечает, что положение преподавателя двойст-

венно: если он душой привязан к научной деятельности, то может «подхалтуривать» в преподавании. Силы человеческие ограничены, а нагрузка преподавателя, по словам Зимина, «кошмарная», чем отчасти и объясняется слабость научной работы в учебных заведениях. (Эти бы слова довести до нашего министерского начальства: нагрузка с зиминских времен только возросла, как и формальные требования к научной работе. А настоятельная рекомендация публиковать работы по истории России в зарубежных (по меркам нынешних телевизионных политиков – «вражеских») изданиях, как и формальный рейтинг печатных изданий просто абсурдны.)

Критическим взором взглянул автор мемуаров на провинциальных историков-«феодалов» и пришел к неутешительному выводу: «Оторванность от архивной базы, библиотек, слабая подготовка, отсутствие необходимой научной среды и «текучка» во многом определяют уровень работы на местах».

Много добрых слов написал А. А. Зимин о своих учениках по Историко-архивному институту, но об этом лучше меня может рассказать А. С. Майорова, о которой Александр Александрович также по-доброму упомянул.

В главе об учениках есть такое отступление: «Стоп. Дорогой читатель. Прости и пойми. Я буду говорить о своих детях и друзьях. Буду говорить то, что звучит в моем сердце. Но не суди слишком строго, если кое-что я оставлю только для одного себя. Ведь есть же на свете что-то более значительное, чем вся правда». Может быть, стоило бы и главу «Обыкновенный зять» оставить «для одного себя», но Александр Александрович поступил иначе.

Тяжелое впечатление произвела на меня глава, посвященная Сигурду Оттовичу Шмидту. Может быть, Шмидт – импрессионист в исторической науке, не написавший больших монографий, но популяризатором, педагогом и организатором он был талантлив. Даже Зимин, явно питавший к «Зиге» личную неприязнь, называет его студенческий кружок «несомненной заслугой» перед наукой. Признаюсь, что Сигурд Оттович был, пожалуй, первым профессиональным историком, которого я знал в лицо. Для меня, школьника из далекого провинциального городка, Шмидт в качестве ведущего телепередачи по истории был воплощением «настоящего историка». Как красиво он говорил, как умел увлечь и заинтересовать. Нельзя не оценить и его усилий по организации краеведческого движения в последние десятилетия.

Зиминские оценки коллег вызывают неоднозначное чувство. Уважение к Зимину как к непревзойденному специалисту и порядочному человеку побуждают верить автору. Это доверие укрепляется в тех случаях, когда его оценки совпадают с оценками других уважаемых людей, или когда они подтверждаются хотя бы кратким знакомством с героями его книги. Мне, например, хватило полуторачасовой лекции Ю. К. Бегунова, чтобы понять, что этот «академик»

(так он представлялся в Саратове) является недобросовестным исследователем. (Зимин: «слонтяй и амеба»). Однако в других случаях впечатление от личного общения не позволяет согласиться с негативными оценками А. А. Зимина (случаи Л. А. Никифорова, Г. Н. Моисеевой, Л. Н. Пушкарева).

Глава «Академические скачки» представляет, пожалуй, наиболее узкий научный интерес: она повествует о «материи», которая бесконечно далека от жизни «рядового» историка, – о выборах в академики. Понятно, что это научно-политическое таинство полно интриг и подводных течений.

При своем несомненном свободомыслии А. А. Зимин был совсем не безразличен к научным званиям и академическим отличиям. Он тщательно препарирует не только «академические скачки», но и обряд защиты диссертаций, и искренне желает своим ученикам попасть «в орден паладинов исторической науки». В авторе заметна черта, которую мне не раз приходилось подмечать у своих академических знакомых – это постоянное соперничество в интеллекте, обсуждение своих коллег и «взвешивание» умов. Среди вузовских преподавателей это распространено меньше – у них есть студенты, которые почти не оставляют им времени на интеллектуальный «перебор людишек».

В мемуарах А. А. Зимина специалисты по советской историографии найдут интересный материал об исторической периодике, а интересующиеся историей архивного дела – об исторических архивах и их работниках.

Зимин, жаловавшийся (отчасти несправедливо) на незнание иностранных языков и всего один раз выезжавший за границу (в ГДР), показывает себя прекрасным знатоком зарубежной русистики. Он совершенно справедливо отмечает, что настоящая историческая наука едина: существование двух параллельных потоков ненормально.

В конце книги, в главе с красноречивым названием «У разбитого корыта» Зимин подводит итоги своей научной деятельности. Он еще раз кратко повторяет, что нового и важного хотел сказать в своих основных работах. Этот самоанализ представляется очень полезным, ибо в самих работах главная идея иногда скрыта за источниковедческими штудиями, запрятана между строк. Общий жизненный итог кажется ученому неутешительным. Он как будто слышит голоса своих будущих хулителей: «глупый социолог, бездарный слуга своих господ, человеконенавистник, оплевавший добрых людей...». И надеется автор только на то, что будущие поколения историков будут лучше, ближе к Правде, Добру и Справедливости. И я надеюсь, хотя и не без внутреннего сомнения, что выход книги Зимина будет способствовать оздоровлению научного исторического сообщества. Верная ученица А. А. Зимина Анна Леонидовна Хорошкевич, издав книгу, совершила смелый поступок и мужественно приняла огонь на себя.

«...Он с нами, юнцами, обращался как со взрослыми людьми»

Книга, которую мы обсуждаем, имеет сложный состав. Центральное место в сборнике принадлежит опубликованной рукописи А. А. Зимина «Храм науки». В книге помещены также несколько текстов различных жанров. Их авторы – ученики, друзья и коллеги Зимина. Эти материалы, ранее не публиковавшиеся, дополняют представление о людях, с которыми дружил, общался, работал Зимин, об их взглядах на научные проблемы, на жизнь, на профессиональный долг историка и на судьбу автора «Храма науки». Главным в сборнике, конечно, является текст воспоминаний Зимина. А. Л. Хорошкевич, опубликовавшая рукопись мемуаров, определяет ее характер как мемуарно-историографо-философское сочинение¹.

В статье «Работа души и работа над стилем. История текста публикуемой редакции рукописи А. А. Зимина “Храм науки”» Хорошкевич делится своими наблюдениями, которые касаются истории создания текста мемуарных очерков, и описывает затруднения, с которыми ей пришлось столкнуться при подготовке его к публикации. Говоря о содержании «Храма науки», Хорошкевич вполне справедливо определяет его значимость: это сочинение «позволяет, хотя бы отчасти, услышать настоящий голос исследователя, представить условия, в которых пытались творить самые честные историки»². При этом издатель текста признается, что она «далеко не всегда согласна с характеристиками людей, с частью коих ее поныне связывают долгие годы совместной и даже дружной работы, а некоторым она просто обязана разного рода помощью»³. Хорошкевич, человек чрезвычайно эмоциональный, пишет в данной статье и о тех чувствах, которые вызывает у нее это произведение Зимина. Издатель сообщает читателям и о том, что Зимин сам передал ей текст «Храма науки» осенью 1979 г. (т. е. незадолго до своей смерти). Ниже сказано и о том, какой срок он определил для опубликования своей рукописи. Упоминается также письменный текст завещательного распоряжения Зимина⁴. Из этих сообщений видно, что Хорошкевич не только имеет право на данную публикацию, но даже была обязана ее осуществить.

Очерки Зимина, которые составляют «Храм науки», дают возможность увидеть отношение автора к научному труду, его понимание долга историка перед

---

¹ Хорошкевич А. Л. Работа души и работа над стилем. История текста публикуемой редакции рукописи А. А. Зимина «Храм науки» // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 28.

² Там же. С. 34.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 29.

обществом и перед коллегами. Зимин был одним из немногих людей, кто избирает не торную дорогу, а тернистый путь поиска истины, и кто сознает, что его талант – это дар, который обязывает ко многому, прежде всего, к неустанному труду и к верности своему призванию. Ему было больно от того, что множество людей, обладающих талантами, и не обладающих ими, избирают путь созидания собственного благополучия путем уничтожения своих коллег. Страницы «Храма науки» говорят о том, что личный жизненный опыт убедил Александра Александровича в существовании грустной истины – человеку талантливому часто не прощают его таланта. В личных беседах Зимин вспоминал Моцарта и Сальери, говорил, что у Моцарта обязательно есть свой Сальери.

Особого внимания заслуживает очерк «Как я стал историком»⁵ – рассказ о том, как возникает тяготение к нашей профессии. Возможно, многие из нас могут сказать о себе то же, что рассказал Зимин. У многих увлечение историей начинается со знакомства с произведениями художественной литературы и драматургии, в которых ярко и захватывающе повествуется о событиях отдаленных эпох. Зимин говорит и о воспоминаниях, которыми жили близкие ему люди, это были воспоминания о революции и о гражданской войне. Зимин называет их живой историей. Сейчас мы привыкли использовать термин устная история, но живая история звучит теплее, здесь ясно чувствуется человеческое начало. Отношение Александра Александровича к воспоминаниям своих близких, оценки некоторых событий, поступков людей, встречающиеся в «Храме науки», говорят о том, что он был человеком своего времени. И это – замечательная черта сильной личности.

«Храм науки» – прежде всего, книга о людях. Об этом пишет сам автор. Ученые, которых мы знаем только по их трудам, под пером Зимина оживают, приобретают черты, которые остались бы в неизвестности, если бы о них не сказал автор воспоминаний. Кроме того, Зимин осветил подробности биографий ученых-историков, о которых могли не знать даже современники, и тем более – более поздние поколения исследователей. (Некоторые факты из этой области добавлены в подстрочных примечаниях издателем). Эти подробности иногда позволяют объяснить особенности творчества историков, а также их поступки. Однако автор «Храма науки» не ставил своей целью изложить буквально все, что ему довелось узнать о человеке. В одном месте он пишет: «Разговоры – не источник, когда речь заходит о людях, которых ты глубоко уважаешь»⁶.

В «Храме науки» много ярких портретных описаний, исполненных в жанре шаржа. Образы людей, созданные в воспоминаниях Зимина, сродни художест-

---

⁵ Зимин А. А. Храм науки. (Размышления о прожитом). Москва, 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 56–59.

⁶ Зимин А. А. Указ. соч. С. 128.

венным образам. Многосторонние и сочные характеристики – ироничные, саркастичные либо окрашенные в юмористические тона – заполняют их страницы. Подобные приемы нередки и в научном творчестве Зимина, когда он дает характеристики исторических личностей.

Автор воспоминаний откровенно говорит о том, что он считал для себя эталоном. Это было честное и даже подвижническое служение исследователя науке. Зимин сумел своей жизнью доказать, что достижение подобной цели возможно. Правда, как настоящий русский интеллигент, он был склонен к самокритике (заключительный абзац из раздела «Халтура»⁷), самобичеванию и даже к самоуничтожению (концовка очерка «У разбитого корыта»⁸). В последние годы жизни Зимин много думал и о том, может ли быть хорошим ученым недобрый человек, который сеет зло своими поступками, и высказывал сложившееся у него мнение своим ученикам. Он высоко ценил в людях доброту, и это качество искупало в его глазах любые недостатки. По его мнению, только «божественная искра стремления к правде и человечности»⁹ может служить залогом успехов в научном творчестве.

С большой теплотой Зимин пишет о людях, судьбы и творчество которых были для него нравственными ориентирами. Трогательная характеристика дана С. В. Бахрушину. О его отношении к студентам Зимин пишет: «...он с нами, юнцами, обращался как со взрослыми людьми, чуть ли не со своими коллегами»¹⁰. Нужно сказать, что студенты, у которых вел занятия Зимин в Историко-архивном институте, могут сказать то же самое и о нем самом.

Не все ученые, о которых Зимин пишет в «Храме науки» с глубоким уважением, были ему близки по научным взглядам, не все были с ним в дружеских отношениях. И. И. Смирнов был его оппонентом в науке. Он был человеком иной среды, чем Зимин. Тем не менее, в очерке с характерным названием – «Рожденный бурей»¹¹ – автор воспоминаний высоко оценивает искренность и самоотверженность Смирнова, преданность своему делу, жизненный подвиг человека, который, несмотря на тяжелый недуг, продолжал упорно трудиться. Директор Института истории А. Л. Сидоров, с которым у Зимина были «из рук вон плохие отношения», получил любопытную характеристику. Автор мемуаров говорит о его недостатках и о негативных сторонах его деятельности, называя Сидорова «буреломным человеком». И в то же время, в прозвищах, которыми его награждает Зимин, присутствует некий элемент восхищения – «Кудеяр-атаман», «широкая душа с размахом Ухаря-купца». Для него Сидоров – человек, опьяненный

---

⁷ Зимин А. А. Указ. соч. С. 108–109.

⁸ Там же. С. 383.

⁹ Там же. С. 185.

¹⁰ Там же. С. 62.

¹¹ Там же. С. 189–193.

жаждой познания. И еще одно очень важное в глазах Зимина обстоятельство: «Под его покровительством, но без мелочной опеки, создана была лучшая в нашей науке историческая школа»¹².

Оценки, которые дает Зимин трудам своих коллег, очень важны для исследователей в области историографии и интеллектуальной истории в целом. Они позволяют по достоинству оценить работы авторов, научные достижения которых не кажутся нам первостепенными, и увидеть глазами квалифицированного специалиста недостатки сочинений, выдвинутых в ряд «классических образцов» научной мысли по каким-либо случайным обстоятельствам. Для специалиста в области историографии и источниковедения особую ценность представляют замечания автора о том, как работали его коллеги с источниками.

Помимо личностного аспекта, Зимин освещает и общий ход развития познания в области отечественной истории, начиная с рубежа XIX–XX веков. Заслуживают пристального внимания наблюдения Зимина о характере развития исторической науки в Москве и в Петербурге в предреволюционный период. Автор мемуаров судит о них как ученый, который видел результаты этих процессов. О том, каковы были условия работы историков в послевоенный период, Зимин пишет уже на основе собственного опыта. В «Храме науки» фактически представлена неофициальная история Института истории СССР – в основном, тех его подразделений, в которых работал Зимин. И это, само по себе, представляет большой интерес. Автор освещает многие обстоятельства, связанные с научным творчеством, и те, которые не имеют прямого отношения к творчеству, но очень сильно влияют на результаты труда ученого. Очень важны подробности об особенностях комплектования Института истории кадрами сотрудников. Здесь мы находим картину взаимоотношений ученых, и это именно человеческие взаимоотношения. Зимин приводит интересные сведения о том, как создавались коллективные многотомные издания – «История Москвы», «Очерки истории СССР», что также немаловажно для изучения историографического процесса.

Судя по воспоминаниям, Зимин не считал преподавателей вузов успешными исследователями в области изучения истории России феодального периода. Он справедливо полагал, что у них не хватает времени для занятий наукой, а у преподавателей, которые живут вдали от центральных архивов, нет возможности постоянно работать с источниками. Однако по собственным устремлениям и по жизненному опыту Зимин был убежден в необходимости преподавательской работы для исследователя. Он пишет: «Преподавательское совмещение вообще жизненно необходимо для настоящего ученого»¹³. Учителями Зимина были историки, которые работали в Московском университете. Сам он довольно дли-

---

¹² Зимин А. А. Указ. соч. С. 46–47.

¹³ Там же. С. 106.

тельное время преподавал в МГИАИ, вел семинарские занятия, был замечательным руководителем дипломных работ. Даже студенты-первокурсники, начинавшие свою институтскую жизнь, у которых он вел занятия по палеографии, рассказывали о нем так, что было ясно – им повезло, у них необыкновенный преподаватель.

Очень интересна глава воспоминаний Зимина, которая посвящена Историко-архивному институту – «Терем-теремок на Никольской»¹⁴. Выпускникам института она может открыть глаза на некоторые события, о которых студенты были информированы очень поверхностно, на уровне «предания», и узнать о том, чего они не знали совсем. Например, о том, как в институте шла борьба между историками и архивистами, о том, при каких обстоятельствах появился факультет делопроизводства. Зимин рассказывает о наших преподавателях, чьи лекции мы слушали. Сверяя его повествование с собственными воспоминаниями, выпускник МГИАИ иногда может быть удивлен. Оказывается, Зимин в молодости был дружен с М. Н. Черноморским. А Е. А. Луцкий, который большинству из нас казался бесцветным преподавателем, ничем не примечательным в науке, по отзыву Зимина, был тонким источниковедом. Удивительно узнать, что Зимин слушал его лекции в МГУ и считал его человеком твердых убеждений. Мемуарист замечает, что Луцкий очень изменился к концу 70-х годов. Наверное, студенты, слушавшие его лекции на рубеже 60-х–70-х, застали уже не того Луцкого, который был преподавателем у Зимина.

Текст главы «Академические скачки» может послужить очень ценным источником для историка, который будет изучать сам институт академиков и процессы, которые были связаны с выдвижением и с выборами в «бессмертные» в 30-е – 70-е гг. в СССР. То же самое нужно сказать и о материале главы «Посвящение в паладины», в которой речь идет о защитах диссертаций. Требования к соискателям степеней и процедура защит меняется, на современном этапе она отличается от того, что было в период, который описан в воспоминаниях Зимина. Для изучения процессов пополнения научного сообщества очень важны наблюдения человека, который активно участвовал в них.

Чтобы понять позицию автора воспоминаний, нужно иметь представление о его жизненном пути. В конце книги А. Л. Хорошкевич опубликовала текст своего выступления на заседании в РГГУ в феврале 2010 г., которое было посвящено памяти Зимина. В нем представлена биография ученого, написанная очень эмоционально, с совершенно определенным личным взглядом друга, близко знавшего Зимина. Читателям, которые будут знакомиться с воспоминаниями историка, необходимо особенно внимательно отнестись к периоду его жизни, который он сам назвал «периодом “Слова”». 1964 год, когда состоялся

---

¹⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 258–268.

доклад Зимина о результатах его исследования происхождения «Слова о полку Игореве», стал годом его «ожесточенной травли» (слова Хорошкевич). Следует заметить, что травля продолжалась и позднее. В воспоминаниях Зимина, в развернутых характеристиках его коллег очень часто упоминаются события «обсуждения» его позиции по поводу происхождения «Слова». Хорошкевич пишет, что Зимин пережил тогда большую душевную драму¹⁵. Многие фрагменты текста «Храма науки» говорят о том, что ее последствия не изгладились до конца его жизни.

Воспоминания Зимина – очень интересный и местами сложный для восприятия человеческий документ. Их публикация предотвратила возможность их утраты, поскольку исследователям пока остается недоступным тот вариант (или варианты) рукописи, который поступил на хранение в Архив РАН, и дальнейшая ее судьба не ясна.

---

¹⁵ Хорошкевич А. Л. Подранок Октября // Судьбы творческого наследия... С. 419.

**Сохранить архив – дело долга перед теми,
кто придет вслед за тобою**

Полагаю, что нет необходимости доказывать ценность мемуарной литературы как уникального и постоянно востребованного в научных исследованиях исторического источника. Замечу лишь, что когда автором воспоминаний становится крупный ученый, то подобного рода сочинения приковывают к себе повышенный интерес. Став однажды достоянием широкой читательской аудитории, они неизбежно порождают самые разные отклики и оценки – от восторженно-почтительных со стороны друзей, коллег и благодарных учеников, до враждебно-отторгающих со стороны недругов и научных оппонентов.

Неизбежны противоречивые суждения о «Размышлениях о прожитом» одного из выдающихся советских историков Александра Александровича Зимина¹. В его «Храме науки» предстает многокрасочная палитра научной жизни целой эпохи со всеми ее радостями и невзгодами, победами и поражениями, даются яркие и субъективные портреты многих его современников, друзей и учеников.

И все-таки воспоминания А. А. Зимина заметно отличаются от аналогичных изданий тем, что от начала и до конца своего повествования автор, отвергая всяческую конъюнктуру и чиновничество, остается честен перед своей совестью. Хорошо понимая, что не все его оценки будут восприняты однозначно, он оставляет за читателем право самому придти к окончательному вердикту по тому или иному сюжету.

Из всего многообразия сообщаемой мемуаристом информации мне особенно близки два раздела его воспоминаний – «Во глубине архивных руд» и «Мой архив».

Искреннее уважение вызывает, например, стремление автора рассматривать научный процесс и конкретные достижения в нем через призму биографий и судеб его участников, людей, зачастую лишенных высоких ученых регалий и научных званий. Так, А. А. Зимин с горечью в сердце восклицает: «Каким жестоким и неблагодарным существом может быть человек вообще, и ученый, в частности. Как легко мы забываем, что наша работа принадлежит нам, собственно, в какой-то самой ничтожной доле. <...> Мы часто забываем тех тружеников, без помощи которых сделать нам ничего было бы нельзя. И машинисток, и типографщиков,

---

¹ См.: *Зимин А. А. Храм науки (Размышления о прожитом)*. Москва 1976 // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / сост. А. Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 35–384 (далее постраничные ссылки на это издание приводятся в круглых скобках внутри текста).

и библиотекарей, и архивистов. Они также причастны к вызреванию заветных плодов. А мы своей совестью исследователя отвечаем перед ними за то, чтоб не обмануть их надежд» (с. 348).

Примечательно, что из многочисленных архивохранилищ, в разные годы раскрывавших перед ученым свои несметные богатства, А. А. Зимин выделяет один, ставший для него «родным домом» – Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, не без основания считая его коллектив «наиболее квалифицированным и благожелательным к посетителю» (с. 348).

По его мнению, в этом учреждении было сосредоточено настоящее соцветие беззаветно преданных своему делу, незаметных на первый взгляд тружеников науки. Среди них: «строгая, но доброжелательная Анна Алексеевна Ромодановская», являвшаяся «незаменимым помощником всем тем, кто впервые соприкасался с духовными ценностями, хранившимися в Отделе»; Елизавета Андреевна Коншина, бывшая «основным нервом, душой отдела», скромно считавшая себя «девочкой на побегушках ее величества русской литературы» и другие. И при этом, констатирует автор, все «они были не горничными, а весталками в Храме Науки» (с. 349).

Из числа руководителей ОР ГБЛ особых похвал мемуариста заслужил Петр Андреевич Зайончковский, возглавлявший его с 1944 по 1953 год. Он «не только предохранил в сложные годы борьбы с космополитизмом состав сотрудников от перетряски, но пополнил его теми, кто в дальнейшем составил славу отдела», имея в виду С. В. Житомирскую, К. Н. Майкову, В. Г. Лапшину-Зимину, Б. А. Шлихтера, И. М. Кудрявцева и др. (с. 349).

Весьма импонировало автору воспоминаний и то, что «П. А. Зайончковский давал простор для всех новых начинаний в Отделе», что «он искренне и увлеченно любил историю и ценил ее документальную основу», а сами труды его «дают широчайшее полотно российской истории XIX столетия. Они вводят в научный оборот уйму разнообразного и свежего материала», что «создавая свои труды, “не мудрствуя лукаво”, Петр Андреевич, к счастью для науки, не искажал общей картины событий, служивших объектом его исследования» (с. 349–350).

Выделяя несомненные организаторские и научные заслуги Зайончковского, мемуарист, одновременно с этим, отмечает и отдельные неровности его поведения в быту: «Галантность (по-старинному щелкнет ножкой) сочетается иногда и с невнимательностью. Розовым он стал лет двадцать назад (грех рецензии на учебник Дмитриева – чего скрывать – был). Любимый его вопрос: “А он порядочный человек?”. По-детски тщеславен (“А у него есть монографии?”)» (с. 350).

Приведенная характеристика лишней раз указывает на объемность авторского восприятия коллег и окружавшего мира. К тому же, как неоднократно подчеркивает сам мемуарист, человек по своей природе отнюдь не идеален, какой-

никакой грешок за ним да водится. Так же бескомпромиссно А. А. Зимин оценивал и свою собственную роль в жизненном пространстве.

Автор отмечает и сложности в работе Отдела рукописей, пишет об эпизодах, когда Отдел в силу разных обстоятельств лишился своих ценнейших сотрудников, понимая неизбежность подобных коллизий. Так, например, «не прижился в Отделе Владимир Борисович Кобрин, человек открытой души, весельчак, остроумец, человек, преданный любимому делу». И далее, пытаясь логически объяснить его уход из ОР ГБЛ, добавляет: «Ему (В. В. Кобрину. – В. С.), конечно, было душно и тяжело работать с Кудрявцевым. Его все время пытались привязать к столу, а он рвался на широкие просторы. Складывалась характерная для Отдела коллизия: “Мы вкалываем, трудимся, а “они” работают налево?”. Кто прав в этом споре? Каждый по-своему. Одни – величайшие труженики в Отделе. Другим свойственен и полет мыслей, и они не хотят всю свою душу отдать только описанию рукописей» (с. 353).

Большим достижением, по мысли А. А. Зимина, стало «решение Отдела принимать на хранение архивы ученых-гуманитариев». Благодаря этому его фонды пополнились материалами В. Д. Бонч-Бруевича, А. Л. Сидорова, Ш. М. Левина, Б. И. Сыромятникова, М. К. Любавского и др. (с. 355). Однако от зоркого взгляда исследователя не ускользают и пробелы в этом деле: «...“потогонная система” Отдела, – замечает он, – мне кажется, не столь безупречна, а тщательность обработки порой излишня (она способствует росту числа необработанных фондов). Но это “издержки” производства – и только» (с. 355).

А. А. Зимин обращает внимание и на вопиющие случаи (отнюдь не единичные) расхищения архивных фондов и продажи уникальных исторических источников на черном рынке разного рода коллекционерам (с. 357), которые, к сожалению, не прекратились и сегодня. Тем не менее, вслед за автором остается надеяться, что порядочных и влюбленных в свое дело «рядовых» архивных тружеников в разы больше случайных проходимцев и, что именно они «составляют истинный “суд совести” нашей исторической науки» (с. 361).

Не могу не разделить также и того радостного, неповторимого чувства «преодоления временного барьера», которое испытывал А. А. Зимин от работы в архивохранилищах. В эти чудесные мгновения, по его признанию, он словно бы становился «современником создателя того или иного рукописного сборника, соучастником земельного дела, о котором говорят правовые грамоты, которые ты держишь в руке, и т.п. Каждая отметина на полях рукописи, каждый потемневший уголок от частого перелистывания манускрипта приводит меня в состояние трепета» (с. 363).

Немало наблюдений и ценных замечаний содержит в себе и следующий раздел воспоминаний А. А. Зимина – «Мой архив».

Непреходящее значение его состоит в стремлении автора предостеречь будущие поколения историков от повторения собственных непоправимых ошибок в деле собирания и сохранности документов личного происхождения. Параллельно с этим он щедро делится с читателем и приобретенным за долгие годы личным богатым опытом в этом деле.

Так, составляя с давних пор личную коллекцию архивных материалов, вначале бессистемно (в нее входили всевозможные «тетрадки, записки, выписки и конспекты <...> кое-какие дневники, записные книжки, даже альбомы со стихами»), ученый время от времени производил «некоторую чистку архива <...>, конечно, с известным ущербом для содержимого. Так, – признается мемуарист, – я оставлял только письма, а конверты выкидывал. Получалось, что не всегда можно определить дату письма. <...> Я всегда уничтожал черновики законченных работ, авторские тексты изданных статей и книг. А в общем-то зря. Ведь работы выходят в “усовершенствованном” всякими редакторами виде» (с. 364).

Впоследствии, осознав свою оплошность, А. А. Зимин «решил кое-что оставлять, а то творческую историю и лабораторию исследователя проследить невозможно будет» (с. 365).

Тогда же ему стала очевидной и мысль о необходимости помимо личных документов, сохранять в своем архиве материалы родных, друзей, а также дипломные работы учеников, представлявшие большой научный интерес. Аналогичной участи, по мнению автора, заслуживали и выписки из архивных источников, «ибо они помогают не только восстановить лабораторию исследователя, но иногда могут стать отправными пунктами для дальнейших поисков» (с. 365).

Собственно, перед самим автором воспоминаний никогда не возникало дилеммы: стоит или нет создавать личные архивы. По его мнению, исследовательская ценность их не обязательно должна быть неразрывно связана с выдающимися заслугами создателей подобных собраний. «У нас так мало архивов, которые бы давали материалы для восстановления духовного облика любого человека – кто б он ни был. Конечно, – замечал историк, – особенную ценность представляли бы архивы обыкновенных тружеников, живущих на селе или работяг в городе. Но и архивы чиновников-«интеллигентов» тоже могут дать материал для эпохи». Далее автор призывает, обращаясь к вдумчивому читателю: «Сохранить этот архив – дело твоего долга перед теми, кто придет вслед за тобою. И особенно историк это должен понимать. Он должен не только собирать архив, но и создавать его – его память и впечатления дают для этого достаточный материал. Важно их реализовать в дневниках, воспоминаниях, работах, письмах. Ранее десяти-

летиями это боялись делать – теперь надо наверстывать упущенное. <...> Твой архив – это память не только (и не столько) о тебе самом, сколько о людях, тебя окружавших, о науке, о жизни. Нельзя, чтоб это все исчезло без следа. Недопустимо» (с. 366–367).

Подводя некую незримую черту под своим научным творчеством, А. А. Зимин не без внутреннего удовлетворения констатирует: «к лету 1976 г. вырисовались контуры двадцатитомника Трудов (девятнадцать томов, один в двух частях)», из них «девять томов не издавалось вовсе» (с. 368).

Однако ученый всегда и во всем был реалистом. Он, конечно же, не мог рассчитывать, что его «20-томное собрание сочинений» в обозримом будущем может увидеть свет. Но главное даже не в этом. Несмотря на разные колкости и нередко обидные для современников эпитеты и характеристики, во множестве рассеянные по страницам воспоминаний, автор с заразительной последовательностью вновь и вновь демонстрирует свой наивысший «пилотаж» в плане соблюдения научного этикета, да и просто обыкновенного человеческого такта.

Касаясь, в частности, своего мемуарного творчества, составлявшего четыре книги предполагаемого 20-томника, он без тени сомнения категорически заявляет: «Три из них («Сумерки», «Слово и дело» и «Храм науки») я не хотел бы, чтобы издавали в течение ближайших, скажем, *двадцати* (курсив мой. – В. С.) лет. Дело в том, – поясняет он далее, – что там героями выступают здравствующие сейчас люди. Поэтому всякое появление о них в печати размышлений мемуарного типа при их жизни, конечно, неморально. Один – «Непродуманные мысли» – вряд ли целесообразно в таком виде вовсе издавать» (с. 368).

И последнее, что непременно хочется выделить – это твердость характера и определенное мужество публикатора настоящих воспоминаний Анны Леонидовны Хорошкевич, которую сам А. А. Зимин еще при жизни (наряду с В. Г. Зиминой, С. М. Каштановым, Е. Б. Бешенковским и Я.С. Лурье) определил душеприказчиком и правомочным распорядителем своего творческого наследия. Осуществить задуманное ей было, конечно же, непросто. Но она с поставленной задачей справилась с честью, за что ей низжайший земной поклон от всех благодарных читателей, соприкоснувшихся с мемуарами выдающегося историка.

Количество опечаток поражает...

Каждый человек имеет право на свою точку зрения по отношению к людям, которые его окружают. А. А. Зимин решительно, подчас резко высказался о своих коллегах, а А. Л. Хорошкевич сделала текст его мемуаров достоянием научной общественности.

Мне было интересно проследить, как менялось отношение Зимины к творческому наследию крупнейшего специалиста по истории русско-шведских отношений в Смутное время Герману Андреевичу Замятину.

В 1966 г. (т. е. через 13 лет после смерти Г. А. Замятина) вышли «Очерки истории исторической науки в СССР» в четырех томах. Замятину в этом труде была посвящена лишь одна строка в последнем, четвертом томе, в подстрочнике. Говоря о советских историках, изучающих внешнюю политику России в XVII в., авторы этого параграфа «Очерков» А. А. Зимин и А. А. Преображенский писали: «Можно назвать лишь *небольшие* работы, посвященные русско-шведским отношениям XVII в.» (курсив мой. – Я. Р.). В примечании к этой цитате авторы делают ссылку на единственную работу Г. А. Замятина «Два документа к истории Земского собора 1616 г.» (Труды ВГУ. Воронеж, 1925)¹.

По-видимому, уже после выхода этих «Очерков» в рукописный отдел РГБ (сейчас – НИОР РГБ) был передан из Перми архив Г. А. Замятина. А. А. Зимин познакомился с некоторыми рукописями этого ученого. Зимин часто посещал этот Отдел рукописей ГБЛ. Он пишет: «Из всех них (архивов. – Я. Р.) наиболее квалифицированным и благожелательным к посетителю был и остается ОР ГБЛ. Для меня он стал родным домом» (с. 348). Или: «Мне хотелось бы, чтоб архив мой хранился в ОР ГБЛ, где прошла вся моя жизнь, где работает Валя» (с. 369).

В «листах ознакомления» некоторых рукописных и машинописных работ Г. А. Замятина, хранящихся в НИОР РГБ (докторская диссертация и др.), имеются росписи А. А. Зимины с датами 1970-х годов. Тогда-то Зимин понял, какую ценность для исторической науки представляют труды Замятина, в том числе его *большие* работы, посвященные русско-шведским отношениям XVII века.

Зимин в своей мемуарной книге несколько раз отмечал, что ценнейшие труды Г. А. Замятина необходимо опубликовать: «А работы Любавского, Замятина, Долинина (книги!) так и остаются неизданными (хранятся в ГБЛ)» (с. 101). Один из учеников Зимины Юра Фаев в 1972 г. «диплом писал об интересном архиве историка Замятина из ГБЛ (надо, чтоб ушедших не забывали!)» (с. 290). В листах ознакомления некоторых дел из фонда 618 (Архив Г. А. Замятина) имеется роспись

---

¹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 4. М., 1966. С. 306.

этого Юрия Фаева. К сожалению, кроме Зимина и Фаева в течение 40 лет этими делами никто не интересовался. Отметим, что ни Зимин, ни Хорошкевич (в комментариях) ни разу не указали инициалы этого «историка Замятина», не говоря о годах жизни и краткой биографии. В книге не найдем мы также номер фонда Замятина (другим историкам повезло больше, в книге Зимина и автор и составитель указывают их инициалы, труды и фонды).

При чтении книги Зимина возникает ряд замечаний к составителю. Слишком много опечаток, причем, довольно серьезных. Не случайно, видимо, Зимин писал об А. Л. Хорошкевич: «Да, спешка. Да, неряшливость. Да, недодуманность» (с. 88).

Но позвольте. Ведь с того момента, как рукопись Зимина оказалась у А. А. Хорошкевич, прошли десятки лет. Составитель сама пишет, что ей передали рукопись поздней осенью 1979 года.

Можно было взяться за подготовку к печати давно, пусть в тайне от других, не торопя, тщательно выверяя текст. Можно было привлечь к работе самых близких людей, которые умеют хранить тайну. Они бы вычитали рукопись заранее, помогли бы с оформлением справочного аппарата и эта книга, уже готовая к печати, ждала бы своего часа, определенного Зиминим. По-видимому, составитель строго соблюдала гриф секретности, никому не доверяя эту работу, боясь огласки и утечки информации.

Тем самым А. А. Хорошкевич подводит «под удар» своего учителя. Со школьной скамьи известно, что Столбовский мир был заключен в феврале 1617 года. А что мы читаем в книге? «Написал ИПА (Шаскольский И. П. – Я. Р.) докторскую о Столбовском мире 1618 г.» (с. 123).

Количество опечаток с именами, отчествами, выходными данными просто поражает. В одном месте читаем: «Руслан Николаевич Скрынников» (с. 129). На следующей странице указаны неточно выходные данные труда Скрынникова «Начало опричнины» (здесь инициалы даны правильно). Составитель сама признается в своих опечатках, называя себя «неряхой» и «торопыжкой», приводит список ошибок и опечаток.

Можно привести другие примеры, которые не вошли в этот список: с. 21: В. Н. Вернадский (надо В. Н. Бернадский); с. 27: Б. Н. Кушева (надо Е. Н. Кушева); с. 400: Г. Л. Бурдей (надо Г. Д. Бурдей).

Кроме опечаток есть к составителю один вопрос, связанный с изданием книги шведского королевского историографа XVII в. Юхана Видекинда.

Во вступительной статье А. Л. Хорошкевич, говоря о переводе С. А. Аннинским книги Юхана Видекинда (с. 8), и о том, что комментарии к книге были составлены В. Г. Гейманом и А. В. Васильевым, пишет: «К своему стыду должна признаться, что при издании сочинения Ю. Видекинда через 30 лет после напи-

сания этого доклада, комментарии предшественников учтены не были». Эта книга Видекинда была издана под редакцией В. Л. Янина и А. Л. Хорошкевич.

Однако при просмотре книги Видекинда автор этих строк насчитал из 751 комментария целых 267, принадлежащих В. Г. Гейману. Так что комментарии В. Г. Геймана все же были учтены. Комментариев А. В. Васильева, действительно, мало в книге – всего 26².

Составитель книги Зимина в отличие от своего учителя очень редко в сносках уточняет полные выходные данные трудов историков. Для любознательного читателя было бы интересно познакомиться с некоторыми трудами, о которых говорится в книге. Например, труды саратовских историков Л. А. Дербова и Г. Д. Бурдея, о которых говорится в книге, будет не так легко найти историкам из других городов.

Можно было бы в примечаниях больше расшифровывать «темные места», связанные с реформированием научных учреждений, их структурой, руководящим составом, членами. Не всегда понятно, о чем идет речь в тексте книги. Примечания составителя могли бы помочь в этом.

Все, что хорошо знакомо москвичам, трудно понять провинциальному читателю. Так и хочется сказать, что книга рассчитана на избранных. С одной стороны, это хорошо, чтение книги будоражит мысль, как будто ты разгадываешь кроссворд или ребус, заставляет чаще обращаться к различным справочникам, интернету. К примеру, во вступительной статье А. Л. Хорошкевич пишет (с. 21), что «в архиве С. К. Богоявленского сохранился экземпляр его книги с поправками и дополнениями», при этом в сноске указывает «МО ААН СССР. Ф. 553. № 1». Какой книги? Ранее в тексте о Богоявленском ничего не говорится. Скорее всего, речь идет о книге «Приказные судьи XVII века» (а может, и о другой?).

Хотелось бы узнать, о каких трудах И. П. Шаскольского, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербиной, А. А. Савича и ряда других историков идет речь в книге Зимина. Сам А. А. Зимин пишет о каком-нибудь историке: «Написал неплохую (или слабую) книгу...», при этом, не делая ссылок. А что это за книга, ее выходные данные составитель вполне могла бы указать.

Думается, что в следующем издании этой книги А. А. Зимина (а оно, безусловно, необходимо) составителю следует расширить справочный аппарат, более тщательно выверить текст на предмет опечаток, а также сделать именной указатель.

---

² Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000.

М. Ф. Волков. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.:

Воспоминания и заметки / М-во культуры Саратовской обл., Саратовский областной музей краеведения; [сост. В. В. Критский] – Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2015. – 232 с. с илл.

История Саратова конца XIX– начала XX века представляет собой интереснейшую эпоху, наполненную важными событиями. Рост города, усовершенствование его благоустройства, развитие систем здравоохранения и образования позволили современникам присвоить ему неофициальный титул «столицы Поволжья». Одним из людей, внесших большой вклад в бурное развитие Саратова в указанный период, без сомнения, являлся Михаил Федорович Волков (1853–1934). Помимо работы по своей специальности – врача-офтальмолога, Михаил Федорович активно занимался общественной деятельностью. Он принял участие в создании в Саратове Фельдшерской школы (1896 г.) и Глазной лечебницы (1904 г.), являлся гласным Саратовской городской думы (1891–1917) и городским головой (1913–1917). В качестве члена, а затем и главы городского самоуправления, Волков был связан со всеми крупнейшими событиями, происходившими тогда в социально-экономическом и культурном развитии города. И богатый жизненный опыт этого человека, конечно, является ценнейшим историческим материалом.

Воспоминания Волкова¹, созданные им в 1920-е гг., с 1962 г. хранятся в Саратовском областном музее краеведения (далее – СОМК). До последнего времени они использовались некоторыми историками и краеведами, занимающимися историей Саратова², но были практически недоступны широкому кругу читателей. И вот, наконец, полный текст этих мемуарных записок увидел свет, благодаря

---

¹ СОМК. НВСП 27745. *Волков М. Ф.* История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1906–1909 гг. Машинопись; СОМК. НВСП 33855. *Волков М. Ф.* Саратовский университет и Саратовская городская дума (продолжение). Машинопись.

² См. например: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999; *Ардабацкий Е. Н.* М. Ф. Волков – саратовский городской голова // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Материалы IX межрегиональных научных краеведческих чтений. Саратов, 2000. С. 385–393; *Вардугин В. И.* «Во благо народного здравия...» Саратов, 2005; *Зайцев М. В.* Состав Саратовской городской думы в 1893–1917 гг. // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. № 2 (42). 2008. Вып. 6. С. 83–88; *Критский В. В.* Саратовский университет в воспоминаниях М. Ф. Волкова // Памятные даты отечественной и местной истории и документальное наследие. Материалы научных конференций Саратовского областного отделения РОИА 28.11.2008 и 20.11.2009. Саратов, 2009. С. 218–232.

усилиям работников музея, в первую очередь – старшего научного сотрудника отдела фондов СОМК Владимира Васильевича Критского.

Сразу хотелось бы отметить, что при подготовке воспоминаний к печати были соблюдены важнейшие критерии публикации исторических источников такого рода. Первоочередная задача, которую должен решить публикатор, заключается в максимально близкой к оригиналу передаче текста. Несмотря на то, что мемуары Волкова имеют машинописный вид, воспроизвести их точный текст было совсем непросто из-за большого количества рукописных вставок, вычеркиваний и вырезанных страниц. Тем не менее, авторы публикации постарались учесть все эти особенности и донести до читателя записки с учетом всей авторской правки. Кроме того, издание снабжено вводной статьей, излагающей важнейшие факты биографии Волкова, обстоятельства создания мемуаров и их внешние особенности. Положительно стоит отметить наличие научного комментария, уточняющего и дополняющего отдельные места записок. Не менее важен именной указатель, облегчающий поиск информации о конкретных лицах.

С точки зрения «внешней» – полиграфия, макет, бумага, наличие фотографий – издание производит весьма благоприятное впечатление. Но главное достоинство опубликованных воспоминаний, конечно же, заключается в интереснейшей и важнейшей исторической информации, которую они несут.

Несмотря на то, что заголовки обеих частей мемуаров Волкова связывают их с предысторией открытия Саратовского университета, круг затрагиваемых вопросов гораздо шире. Начинаются они с краткого обзора всей образовательной системы Саратова к началу XX века. Очевидные успехи, достигнутые в этой сфере, приводятся автором в качестве обоснования претензий «столицы Поволжья» на открытие университета. Достаточно высокая обеспеченность города начальными, средними и профессиональными учебными заведениями, по мнению Волкова, являлась результатом, прежде всего, активной и эффективной деятельности органов городского самоуправления.

Далее во всех подробностях изложена борьба Саратовской городской думы за право принять университет. Автор уделяет много внимания сложностям, с которыми пришлось столкнуться на этом пути, описывает все хлопоты «отцов города», пытаясь показать роль каждого в этом деле. Присутствуют любопытные характеристики профессоров, причастных к созданию университета – В. П. Амалицкого, П. В. Никольского, В. И. Разумовского, А. И. Щербакова и др.

Поскольку саратовский муниципалитет выступал в 1906–1909 гг. главным «двигателем» университетского вопроса, в мемуарах отводится большое место Саратовской городской думе и ее членам. Волков описывает принципы и нюансы работы думы, а также дает яркие характеристики многим гласным. Наиболее красноречивых отзывов удостоились те, кто играл в думе активную роль и занимал

важные должности в муниципалитете – городские головы Н. П. Фролов, А. О. Немировский и В. А. Коробков, гласные Г. Г. Дыбов, К. Н. Гримм, П. М. Репин, А. М. Масленников и др. Волков старается не идеализировать своих коллег и передает о них как положительные, так и, подчас, нелицеприятные сведения. Яркие характеристики даны также некоторым муниципальным служащим: городским агрономам Б. Х. Медведеву и Г. П. Клиngu, лесничему Н. Н. Кураеву. Кроме того, данные воспоминания характеризуют еще одного «персонажа» – их автора, хотя он и не уделяет самому себе повышенного внимания, как это свойственно некоторым мемуаристам. Тем не менее, отдельные важные факты личной жизни и профессиональной деятельности Волкова все же проскальзывают, а черты его характера проявляются в описании событий и людей.

Некоторые сюжеты записок посвящены взаимодействию Саратовской городской думы с другими государственными и общественными органами. Большой интерес представляют сведения о контактах «отцов города» с губернаторами. В частности, достаточно обстоятельно описано отношение П. А. Столыпина к городскому самоуправлению и отдельным его членам. Этот губернатор, в целом, поддерживал нормальные деловые отношения с думой и управой, хотя с городским головой Немировским у него случился крупный конфликт³. После повышения Столыпина до должности министра внутренних дел, губернаторский пост занял С. С. Татищев, личные и профессиональные черты которого также можно представить на основе отзывов Волкова.

Добиваясь права на университет, городская дума неоднократно посылала депутации в столичные инстанции, и Михаил Федорович, являвшийся участником таких поездок, передает свои впечатления о крупных государственных деятелях той эпохи: министрах народного просвещения П. М. Кауфмане, А. Н. Шварце, Л. А. Кассо и П. Н. Игнатьеве, министре финансов В. Н. Коковцове, а также других высокопоставленных чиновниках.

Немало страниц воспоминаний посвящено описанию Александровского ремесленного училища. Волков возглавлял попечительный совет этого учебного заведения в 1905–1917 гг., поэтому был прекрасно осведомлен о состоянии дел в нем. Он подробно изложил перипетии выступления учеников во время революции 1905–1907 гг., к которым сам отнесся крайне неодобрительно. Автор мемуаров дал положительные характеристики смотрителю училища Н. С. Курныгину и священнику Владыкину, которые много сделали для развития всего училища и для некоторых малоимущих учеников. В последнее десятилетие перед революцией 1917 г. Волков, совместно с администрацией училища, прилагал массу

---

³ Волков М. Ф. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки. Саратов, 2015. С. 32–33.

усилий для увеличения масштабов деятельности и улучшения материально-технической базы этого учебного заведения.

Вторая часть публикуемых записок почти целиком посвящена истории Александровского училища в 1905–1917 годах⁴. Благодаря совместным заботам городского самоуправления и руководства этого учебного заведения постоянно расширялась учебная программа, открывались новые отделения. Так с 1912 г. начало действовать организованное по инициативе Волкова отделение постройки и ремонта сельскохозяйственных машин и орудий, для которых городская дума выделила участок земли на р. Гуселке, где был построен целый хутор, включавший учебное здание, мастерские, конюшни, скотный двор, амбар и т. п. Все это требовало значительных расходов, поэтому Волков и смотритель училища И. Ф. Караманенко приложили немало стараний, чтобы убедить думу в необходимости таких затрат. Совместными усилиями удалось добиться поддержки государства: департамент земледелия Главного управления землеустройства и земледелия «охотно и безденежно снабжал курсы разными сельско-хозяйственными машинами и орудиями новейших конструкций и образцов для обучения и практики на них учеников». На средства городского бюджета и государственную субсидию были приобретены сельскохозяйственная техника, «живой инвентарь» (лошади и коровы) и прочие необходимые предметы. Волков утверждает, что курсы быстро приобрели популярность, поскольку «инвентарь и пособия были в изобилии, так что ученики по окончании курса выходили с хорошими сведениями теоретическими и практическими»⁵.

В годы Первой мировой войны Александровское ремесленное училище было одним из самых крупных и динамично развивавшихся учебных заведений в Саратове с числом учащихся более 500 и годовым бюджетом, доходившим до 200 тыс. рублей. Достигнутые успехи были в значительной степени связаны с деятельностью Волкова, который если и преувеличил свой персональный вклад, то вряд ли преувеличение было значительным. Училище было очень дорого ему, о чем можно судить по тому, с каким огорчением он описывает его разрушение в 1917–1918 гг.: «В дни революции и в последующее время начался развал Александровского городского ремесленного училища, который закончился крушением его. Те же самые рабочие и мастера, которые помогали созиданию и процветанию его под руководством попечительного совета, и которые гордились им, теперь, не ведая, что творят, под влиянием агитации, усвоили себе взгляд на попечительный совет, городскую управу, а в особенности на директора, как на таких же эксплуататоров их труда, как и на владельцев частных заводов. Они ежедневно стали предъявлять непомерные требования увеличения заработной платы, разные

---

⁴ Волков М. Ф. Указ. соч. С. 172–197.

⁵ Там же. С. 182–183.

претензии, а в случае неудовлетворения, агитаторы грозили им арестом. Тщетно члены попечительного совета и директор пытались указать, что училище и мастерские при нем существуют для обучения учеников, детей именно пролетариата, а не для наживы и эксплуатации их труда»⁶. Волков сообщает, что прекращение военных заказов привело к закрытию мастерских училища, роспуску части рабочих и что, в связи с этим, сложилась тяжелая, полная вражды и недоверия, обстановка. Рабочие больше не доверяли попечительному совету и городской думе, протестовали против закрытия мастерских и требовали платить им увеличенную заработную плату, несмотря на отсутствие дополнительных источников доходов. Эти противоречия привели к уходу из училища директора Караманенко и последующему упадку училища, «последней каплей» в котором стал пожар главного здания и мастерских в 1918 году.

Представляют также определенный интерес обстоятельства создания в Саратове Высших сельскохозяйственных курсов, которые излагаются в связи с открытием при Александровском училище отделения по ремонту сельскохозяйственной техники. Отмечена решающая роль в этом деле Б. Х. Медведева, служившего городским агрономом и ставшего одним из ведущих преподавателей нового вуза⁷.

Описанные сюжеты и характеристики личностей, конечно, не исчерпывают содержания опубликованных мемуаров. Нет сомнений, что воспоминания М. Ф. Волкова будут активно использоваться историками, краеведами и всеми, кто интересуется историей Саратова.

---

⁶ Волков М. Ф. Указ. соч. С. 195.

⁷ Там же. С. 183–184.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией.

Акты Шуйского – Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.)

ВГУ – Воронежский государственный университет

ВУАН – Всеукраинская Академия наук (Киев)

ГАСО – Государственный архив Саратовской области

ГАФКЭ – Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (Москва)

Позже – ЦГАДА, ныне – РГАДА

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ИЗ – Исторические записки

МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт

МО ААН СССР – Московское отделение Архива Академии наук СССР

НИОР РГБ – Научно исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

НИС – Новгородский исторический сборник

НОЛД – Новгородское общество любителей древности

ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва). Ныне – НИОР РГБ

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Ныне – НИОР РГБ

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

РАН – Российская Академия наук

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

РИБ – Русская историческая библиотека

РИО – Русское историческое общество

РОИА – Российское общество историков-архивистов

РУДН – Российский университет дружбы народов (Москва)

Сб. – Сборник

СОМК – Саратовский областной музей краеведения

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург)

СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете

Waaranen J. – Handlingar upplysande Finlands historia under Gustaf II Adolfs tid samlade af Dr Johan E. Waaranen. Samling af unkunder rörande Finlands historia. Helsingfors, 1874. Bd. I (1611–1614 гг.)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Бородкина Н. Н.</i> (Саратов) Сочинения митрополита Стефана Яворского в официальной идеологии Петровской эпохи	3
<i>Мезин С. А.</i> (Саратов) Об источниковедческом значении рассказов Нартова о Петре Великом	13
<i>Аукиштыкальните А. Д.</i> (Саратов) Н.И. Салтыков глазами современников и историков	23
<i>Майорова А. С.</i> (Саратов) С. П. Шевырев в истории Саратовской губернии	35
<i>Мокшин Г. Н.</i> (Воронеж) О наименовании правого крыла русского народничества: к итогам дискуссий 1990–2000-х годов	48
<i>Поляков С. А.</i> (Саратов) «История Англии» Полидора Вергилия и начало осмысления места державы Кнута Великого в истории Северной Европы	57
<i>Коваленко Г. М.</i> (Санкт-Петербург) У истоков финской историографии. Микаэль Агрикола и Паавали Юстен	61
<i>Галямичев А. Н.</i> (Саратов) У истоков осмысления места средневековых городов в судьбах западноевропейской цивилизации	66

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Рабинович Я. Н.</i> (Саратов) Малоизвестный труд Г. А. Замятина о походах шведов в Поморье в начале XVII века	71
<i>Замятин Г. А.</i> Походы шведов в Поморье в начале XVII века	88

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

<i>Хорошкевич А. Л.</i> (Москва) «Некий» В. С. Иконников и его «бескорыстное пожертвование» (Иконников В. С. Опыт русской историографии. Том второй. Книга третья. СПб.: «Наука», 2013)	130
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обсуждение книги А. А. Зимина «Храм науки»

на кафедре истории России и археологии СГУ

<i>Мезин С. А.</i> Несомненно, «Храм Истории» жил в душе Зимина	157
<i>Майорова А. С.</i> «...Он с нами, юнцами, обращался как со взрослыми людьми»	166
<i>Соломонов В. А.</i> (Саратов) Сохранить архив – дело долга перед теми, кто придет вслед за тобою	172
<i>Рабинович Я. Н.</i> Количество опечаток поражает	177
<i>Зайцев М. В.</i> (Саратов) М. Ф. Волков. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская дума. 1 декабря 1906 г. – 6 декабря 1909 г.: Воспоминания и заметки / М-во культуры Саратовской обл., Саратовский областной музей краеведения; [сост. В.В. Критский] – Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2015. – 232 с. с илл.	180
Список сокращений	185

Для заметок

Для заметок

Для заметок